В. Согрин

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ИПА
«ПРОГРЕСС-АКАДЕМИЯ»

12,5

В. Согрин

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

1985-1994

От Горбачева до Ельцина

«ПРОГРЕСС-АКАДЕМИЯ»
Москва
1994

ББК 66.3(2)
С 56

Согрин В.

С 56 Политическая история современной России. 1985 — 1994: От Горбачева до Ельцина.—М.:Прогресс-Академия, 1994 — 192 с.

Эта книга хронологически продолжает серию изданий по истории, которую открыла книга Н. Верта «История советского государства».

Автор — известный историк, доктор исторических наук, в своем исследовании опирается на широко принятую в исторической науке теорию модернизации. В отличие от большинства изданий на эту тему книга отличается объективным изложением и взвешенным научным подходом; в основу книги положен курс лекций по политической истории, прочитанный в московских вузах и университетах США. Книга предназначена для преподавателей, студентов и всех читателей, стремящихся получить объективную оценку событий.

С $\frac{0803010000-022}{8А7(03)-94}$ без объяв. ББК 66.3(2)

ISBN 5-85864-066-4

ВВЕДЕНИЕ

Современный период истории России стал для нее переломным. Начиная с 1980-х годов совершается переход российской истории в новое качество. Вслед за радикальными изменениями в идеологии, общественном сознании, политической и государственной организации начались глубинные изменения в отношениях собственности и социальной структуре. Крушение коммунистического режима и КПСС, распад Советского Союза, образование на его месте новых независимых государств, в том числе и самой России, становление идеологического и политического плюрализма, зарождение гражданского общества, новых классов (среди них и капиталистического) — вот только некоторые из новых реалий современной российской истории, начало которой можно датировать мартом-апрелем 1985 года.

По мере того как все более отдаляется от нас, становится достоянием истории 1985-ый год и укореняются порожденные им процессы и тенденции, усиливаются и споры о причинах, смысле и последствиях происходящих перемен. Их осмысление носит пока по преимуществу идеологический характер, научные интерпретации пробиваются робко и слабо влияют на оценки, выставляемые современному историческому процессу ведущими политическими силами российского общества. В данной книге я стремился не только развить аналитический исторический подход к современным процессам в России и выявить их логику, но так же подвергнуть критике наиболее частые и популярные идеологизированные оценки современной российской истории, исходящие от правых и левых радикалов, коммунистов и антикоммунистов, власть предержащих и оппозиции.

Различие оценок современных исторических перемен в России начинается с разного объяснения их причин. При этом сторонники перемен, как правило, признают их объективную обусловленность, а противники доказывают искусственный их характер, объясняя крушение СССР и КПСС вмешательством внешних, а то и потусторонних сил. Концепция инос-

транного «влияния» и даже «заговора» как первопричины крушения СССР и КПСС была воспринята национал-патриотическими организациями, Российской коммунистической партией, рядом других политических групп. Венцом ее стала идея, что замыслы мирового империализма реализовались через посредство отечественных «агентов влияния», к каковым причисляются М.Горбачев, А.Яковлев, Б.Ельцин. А кое-кто готов даже представить их как посланников нечистой силы в прямом смысле, как это сделал писатель Б.Олейник, не пожалевший времени, вдохновения и бумаги, чтобы изобразить Горбачева агентом сатаны.

Историки хорошо знают, что подобные идеи отнюдь не новы, они появлялись, появляются и будут появляться во всех странах в крутые переходные эпохи и всегда принадлежат тем классам, группам и лицам, которые утрачивают политическое господство, терпят экономический крах, испытывают другие катастрофические потрясения, но которые не способны, не готовы, просто не согласны на признание объективных причин радикальных перемен и приписывают их иностранному влиянию или злой воле отдельных могущественных лиц. Идеи «заговора» не чураются и политические неудачники, не обделенные интеллектом: сошлюсь в данном случае на Горбачева, который будучи сам зачислен в «заговорщики» против СССР и КПСС, тем не менее, лишившись в конце 1991 года президентского поста, счел возможным объяснить развал Советского Союза и свое политическое фиаско в первую очередь «сговором» Б.Ельцина, Л.Кравчука и С.Шушкевича в Беловежской пуще.

Вышесказанное не означает, что иностранные влияния не могут иметь отношения к коренным переменам в том или ином обществе. Но во-первых, наличие их должно быть доказано, а во-вторых, как свидетельствует мировой опыт, даже если таковые имеют место, все же они сами по себе не способны изменить характер общества. Необходимо отметить, что идея «заговора» весьма широко распространилась сегодня в нашем обществе, причем она характеризует мировоззрение не только коммунистов и национал-патриотов, но и тех, кто называет себя демократами. Но они объявляют следствием заговора и иностранного влияния другой коренной общественный поворот, — Октябрьскую революцию 1917 года. Это явная заидеологизированность исторического мышления двух главных политических течений в России характерна и для массового сознания.

По моему убеждению, если «иностранное влияние» и имело отношение к коренной перемене исторической судьбы современной России, то совсем в другом смысле, нежели полагают коммунисты и национал-патриоты. Исторически значимое влияние Запада на Россию определялось тем, что к 1980-м годам западная цивилизация одержала победу над реальным социализмом, продемонстрировав преимущество не только в производстве и потреблении товаров, в политической демократии, но и в развитии системы социальной защиты населения, которая всегда считалась «коньком» социалистического строя. Анализ источников, отразивших состояние общественного мнения России 1980-х годов, свидетельствует, что ее либерально-демократический выбор носил добровольный характер и имел под собой объективную основу. По мере развития процесса гласности и демократизации десятки миллионов наших соотечественников стали «западниками», высказывая желание жить, как в США или Швеции (другое дело, соответствовало ли это желание реальным возможностям советского общества). Особенно привлекательным казался американский опыт. Американские механизмы и институты стали объектом почитания для многих и многих российских политиков: к американским социальным моделям, американской политической практике апеллировали демократические, либеральные и даже консервативные члены законодательных, исполнительных и судебных органов власти. Американские модели рассматривали в качестве эталонов телевидение, пресса, политические движения и партии.

Выбор российским обществом либерально-демократической общественной модели может быть, на мой взгляд, пояснен не идеей «заговора» или «иностранного влияния», а теорией модернизации, широко принятой в мировом обществознании. Теория эта насчитывает несколько типов, причем классической считается ранняя модернизация, которая реализовалась в XVIII—XIX веках в странах западного региона и которая стала так или иначе, в той или иной степени образцом для других типов и стран «догоняющего развития». Среди типов «запоздалой» модернизации выделяются «защитная модернизация» (предпринималась правящими режимами Германии, Японии, России во второй половине XIX — начале XX веков и включала умеренные либеральные реформы «сверху»), модернизация ряда стран третьего мира во второй половине XX века, наконец, посткоммунистическая модернизация, которая задала тон и современному истори-

ческому процессу в России. Все типы «запоздалой» модернизации так или иначе включают в себя процесс «вестернизации», в связи с чем возникает острый вопрос о том, насколько модернизация совместима с сохранением национальных основ вступающих на ее путь цивилизаций, в том числе и российской.

Концепция объективной обусловленности современных общественных перемен в России является одним из важнейших теоретических принципов данной книги. Другим теоретическим принципом, имеющим для автора важнейшее значение, является историзм, предполагающий оценку тех или иных деятелей, событий, преобразований в контексте конкретно-исторических возможностей и реалий общественного развития. Он заслуживает специального упоминания, поскольку постоянно нарушается публицистами и политиками, вновь и вновь «разыгрывающими» уходящие в прошлое события с целью показать «недальновидность», «ущербность» тех или иных реформаторов и общественных деятелей. Но если следовать принципу историзма, то нетрудно доказать, что подобные обвинения зачастую некорректны, а то и вообще несостоятельны. Приведу в связи с этим два примера — один касается М.Горбачева, а второй — Б.Ельцина.

Хорошо известно, что многие отечественные публицисты и политики, причем как «справа», так и «слева», возлагают всю ответственность за неудачу горбачевской политики «ускорения» 1985-1986 гг., включавшей командно-административные реформы «сверху», исключительно на ее творца. Его главный оппонент Б.Ельцин в 1989 году стал доказывать, что три года назад он предлагал альтернативную концепцию реформ, но его не послушали, результатом чего стали экономические провалы. Однако изучение разнообразных источников той эпохи, состояния экономической мысли, общественного сознания в целом, на мой взгляд, дает основание совсем для другого заключения: советское общество, в том числе все «прорабы перестройки», следовали в фарватере горбачевской идеологии, расходясь с нею в лучшем случае в нюансах и тактике, но не в стратегическом выборе. С точки зрения историзма ответственность за политику «ускорения» должна быть разделена, пусть и в неравных пропорциях, между Горбачевым и всем обществом. Не только мировоззрение Горбачева, но и сознание общества в целом определило именно то общественное бытие со всеми присущими ему драмами и коллизиями.

Другой пример связан с политическими действиями уже

Б.Ельцина после августа 1991 года. Когда в 1992 году стали обостряться его отношения с Верховным Советом, многие публицисты и политики из демократического лагеря начали активно вменять в вину российскому президенту то, что он не «распустил» «консервативный» парламент сразу после августа 1991 года, «стреножив» в результате курс реформ. «Проигрывая» заново ход истории, критики однако упускают из виду одно обстоятельство: в августе 1991 г. Ельцин и Верховный Совет были едины в борьбе с ГКЧП, благодаря этому единству одержали победу, а потому попытка роспуска парламента была бы воспринята не просто как нелепость, но как безумие и российским обществом, и мировым сообществом.

И последнее предварительное замечание. Настоящая книга задумывалась и писалась как политическая история современной России. Это не значит, что в ней не уделено внимания социально-экономическим явлениям: напротив, последние, как это и было в действительности, часто выступают в качестве основы политических изменений. Но все же главным для автора было освещение и осмысление острых политических баталий вокруг и в связи с процессом реформирования современного российского общества, выбора различных его вариантов.

I

1985-й — «БОЛЬШЕ СОЦИАЛИЗМА!»

11 марта 1985 года мир узнал о смерти Генерального секретаря ЦК КПСС К.Черненко. В тот же день состоялся внеочередной Пленум ЦК КПСС, избравший новым Генеральным секретарем самого молодого члена Политбюро, пятидесятичетырехлетнего М.Горбачева. Как и всегда бывало в таких случаях, советские граждане были оставлены в неведении относительно перипетий и дискуссий, имевших место на пленуме, соперничества различных претендентов на высочайший пост, который сам Горбачев впоследствии сравнил с монаршьим. Но среди советских граждан тем не менее широко обсуждалось то, о чем им по традиции не положено было знать, но о чем они всегда очень точно догадывались. И на этот раз интуиция не подвела их: главными борцами за высочайшее кресло, по их мнению, были В.Гришин, Г.Романов и М.Горбачев, а выбор на последнего пал потому, что Политбюро решило досрочно завершить «пятилетку похорон» Генеральных секретарей.

Черненко был третьим Генеральным секретарем, скончавшимся в первой половине 1980-х годов. Было известно, что он смертельно болен, и советские граждане стали внимательно присматриваться к его возможным преемникам. Самым активным среди них был первый секретарь Московского горкома КПСС В.Гришин, искусный царедворец, буквально сдувавший пылинки с умиравшего Генерального секретаря в надежде, что тот сам определит правопреемство в пользу Гришина. Но Гришину было уже за семьдесят, кроме того он был крайне непопулярен среди москвичей, хорошо знавших, что за фасадом создававшегося Гришиным «образцового коммунистического города» Москвы скрывалась всепронизывающая коррупция, а покровителем партийно-хозяйственной мафии был сам первый секретарь. Другой претендент — Г.Романов был в течение многих лет первым секретарем второй российской столицы — Ленинграда и погряз в коррупции не меньше, чем Гришин. В народе говорили о его пристрастии к спиртному, хамстве, о том, что он «по-царски»

выдал замуж дочь — сервировка столов на свадьбе была из Зимнего дворца. Ленинградцы отплатили первому секретарю революционным лозунгом «Долой Романовых!», после чего однофамилец последней династии российских царей получил повышение в Москву.

В Политбюро образца 1985 года М.Горбачев смотрелся «белой вороной». Он не злоупотреблял спиртным, гладко говорил, обладал присущим только западным политикам «опережающим обаянием», наконец, имел за плечами два высших образования — юридический факультет Московского государственного университета и Ставропольский сельскохозяйственный институт. Гуманитарий и хозяйственник в одном лице! Если принять во внимание, что Горбачев по возрасту принадлежал к поколению «шестидесятников», то станет понятным, почему советская интеллигенция задолго до 1985 года стала возлагать на него свои надежды. Когда стало известно, что в отсутствие немощного Черненко Горбачев председательствует на заседаниях Политбюро, его почитатели укрепились в мнении, что у Горбачева есть все шансы занять вскоре высокий пост. По получении сообщения о смерти Черненко они напряженно вслушивались в последующую информацию: ключевым было сообщение о том, кто возглавит комиссию по организации похорон Генерального секретаря. Когда в качестве главы комиссии был назван Горбачев, все встало на свои места: согласно советско-коммунистическому ритуалу именно ему предстояло занять и самый высокий пост в советской иерархии.

Каким образом Горбачеву удалось обойти конкурентов? В основных чертах история известна. Огромную роль сыграла поддержка, оказанная Горбачеву рядом влиятельных членов Политбюро, в первую очередь его «старожилом», министром иностранных дел А.Громыко. Представляя кандидатуру Горбачева участникам чрезвычайного пленума ЦК КПСС, Громыко выдал ему поразительно лестную характеристику: «Он всегда держит в центре внимания суть вопроса, содержание его, принципы, высказывает прямо свою позицию, нравится это собеседнику или, может быть, не вполне нравится... если бы в этом зале сейчас был, скажем, научный форум, наверное, все бы сказали: этот человек умеет аналитически подходить к проблемам. Это — сущая правда. Умение у него блестящее в этом отношении — он может разложить вопрос по полочкам на части, прежде, чем сделать вывод. Он не только хорошо анализирует проблемы, но и делает обобщения и выводы... у

Михаила Сергеевича партийный подход к людям, большое умение организовать людей, находить с ними общий язык. Это не всем дано. Как хотите назовите это — даром природы или даром общества. Скорее всего, это дар и того, и другого... Умение видеть главные звенья и главным подчинять второстепенные ему присуще в сильной степени. Это умение - достоинство, и большое достоинство. Так что вывод, который сделало Политбюро, — правильный вывод. В лице Михаила Сергеевича Горбачева мы имеем деятеля широкого масштаба, деятеля выдающегося, который с достоинством будет занимать пост Генерального секретаря ЦК КПСС»[1].

В речи Громыко, обнародованной в СССР, была опущена еще одна оценка Горбачева, которая вскоре появилась в популярной западной газете и получила широкую огласку: «У него приятная улыбка, но железные зубы»[2]. В глазах советских людей эта фраза свидетельствовала не против Горбачева, а явно в его пользу: значит, он человек дела, способный настоять на своем и воплотить свою волю в жизнь. Правда, такое заключение могло вызвать недоверие при критическом взгляде на предшествующую деятельность Горбачева. Было известно, что после своего назначения в 1978 г. на высокую должность секретаря ЦК КПСС, Горбачев отвечал за развитие сельского хозяйства. Дела в нем за семь лет кураторства Горбачева не только не улучшились, но даже ухудшились. Так, сбор зерновых сократился с 237 млн. тонн в 1978 г. до 173 млн.тонн в 1984-ом. Широковещательная «Продовольственная программа», принятая в 1982 г., так и осталась на бумаге. Но все эти издержки могли быть объяснены и объяснялись доброжелателями тем, что Горбачев был спутан по рукам и ногам кремлевскими старцами. Только март 1985-го дал ему подлинный шанс на преобразования!

В речи на мартовском пленуме Горбачев не сказал ничего неожиданного, пообещав следовать заветам «верного ленинца» К.Черненко. Правда, уже тогда он использовал выражение «ускорение социально-экономического развития страны», но заявил, что эта стратегическая линия проводилась Ю.Андроповым и К.Черненко. И это было в порядке вещей: Андропов, заступая на должность Генерального секретаря, обещал следовать курсу Л.Брежнева, а Черненко клялся в верности заветам предшественника на похоронах Андропова.

Но уже в апреле 1985 года, на первом после похорон Черненко пленуме ЦК КПСС, Горбачев изложил стратегичес-

кий замысел весьма обширных реформ. Ключевым словом реформаторской стратегии стало «ускорение», которое тут же было подхвачено партийной пропагандой и средствами массовой информации, стало повторяться ими, как заклинание. «Ускорять», по Горбачеву, нужно было все и вся: и развитие средств производства, и социальную сферу, и деятельность партийных органов, но главное, научно-технический прогресс. Несколько позднее к стратегическим понятиям были добавлены также «гласность» и «перестройка». Гласность означала выявление всех недостатков, препятствующих ускорению, критику и самокритику исполнителей «сверху донизу», а перестройка предполагала внесение структурных и организационных изменений в хозяйственные, социальные, политические механизмы, а так же в идеологию с целью достижения все того же ускорения общественного развития. Постепенно, однако, когда выявилось, что «ускорения» не происходит, упор стал делаться на «перестройку», и именно это слово оказалось символом горбачевского курса.

В течение первых полутора лет деятельности Горбачев весьма умеренно критиковал предшествующий курс КПСС. Критическая часть его выступлений строилась по шаблону, отработанному Генеральными секретарями задолго до него: сначала шло перечисление исторических успехов Советского Союза, преимуществ социализма перед капитализмом и только после этого назывались недостатки, упущения, неиспользованные резервы в деятельности советского руководства. На апрельском пленуме новый Генеральный секретарь доказывал, что предлагаемая им программа обновления только укрепляет преемственность с прежним курсом: «В ленинском понимании преемственность означает непременное движение вперед, выявление и разрешение новых проблем, устранение всего, что мешает развитию». Горбачев явно избегал драматизировать беды советской экономики, а по прошествии времени создается впечатление, что он мало знал о их реальном масштабе. Это был традиционный для Генеральных секретарей недостаток, но среди них только Ю.Андропов смог самокритично признать: «Мы плохо знаем общество, в котором живем».

Даже в 1987 году Горбачев предпочитал говорить не о кризисе, а о «предкризисном состоянии» советской экономики, решительно возражая против мнения зарубежных наблюдателей, что предпринятая им перестройка вызвана «катастрофическим состоянием советской экономики, отражает ра-

зочарование в социализме, кризис его идей и конечных целей»[3]. Курс на перестройку, согласно еще одному идеологическому клише Горбачева и его окружения, являлся свидетельством того, что «потенциальные возможности социализма использовались недостаточно». Далеко не сразу Горбачев дал и перечень конкретных причин, которые явились препятствием для раскрытия «потенциала социализма». Согласно его объяснениям первых лет то были исключительно хозяйственно-организационные причины. Промышленный «вал» вместо упора на качественную продукцию; строительство дорогостоящих, но не соответствующих высшим научно-техническим показателям объектов; «затратный» экономический механизм, означавший заботу не о приращении национального достояния, а о том, чтобы в то или иное изделие вложить побольше материалов и труда; доминирование экстенсивных методов хозяйствования над интенсивными, что приводило к истощению природных ресурсов и расточительному использованию рабочей силы; «остаточный» принцип финансирования социальной, научной и культурной сфер (в них направлялось столько, сколько оставалось после затрат на производственную сферу), — вот перечень главных недостатков, которые нужно было устранить, чтобы обеспечить «ускорение», совершить «перестройку», раскрыть «потенциал социализма». Главную причину консервации недостатков Горбачев, в полном соответствии с стереотипами партийного подхода, видел в «ослаблении партийного руководства», утрате необходимой инициативы, затянувшейся самоуспокоенности руководящих органов КПСС.

В разное время Горбачев давал различное, весьма противоречивое объяснение генезиса своего реформаторского курса. В первые годы пребывания у власти он доказывал, что реформаторский курс был разработан задолго до апрельского пленума, это был не экспромт, а продукт коллективного мышления и творчества: «Было бы ошибкой считать, что буквально через месяц после Пленума ЦК в марте 1985 года внезапно появилась группа людей, все понимающих и все осознающих, и что эти люди во все проблемы внесли полную ясность. Таких чудес не бывает»[4]. Но в высказывании, относящемся к 1990-му году, Горбачев окружил вопрос о происхождении перестройки некоей мистикой: в декабре 1984 года, согласно новой его версии, во время отдыха в Пицунде он подолгу беседовал с Шеварднадзе, и собеседники пришли к выводу, что в системе все «прогнило», что необходимы глубо-

кие реформы, главными среди которых являются демократизация и гласность[5].

Суждение Горбачева 1990-го года плохо согласуется с конкретными фактами проведения реформ первого этапа перестройки: стратегия демократизации в то время еще отсутствовала. Более ранние высказывания о наличии цельной продуманной стратегии реформ к апрелю 1985 года так же плохо согласуются с фактами. Они свидетельствуют о наличии у Горбачева разрозненных реформаторских идей, которые постепенно и противоречиво складывались в некую концепцию и программу. Что же касается стратегического замысла и конкретных предложений, высказанных в апреле 1985 года и развивавшихся в течение последующих полутора лет, то они, будучи рассмотренными ретроспективно, выглядят весьма традиционно, представляя смесь подходов, встречавшихся у двух советских реформаторов, предшественников Горбачева. Первым был Н.Хрущев, а вторым Ю.Андропов.

Горбачев часто и по большей части критически высказывался о деятельности советских лидеров, предпринимавших до него попытки экономических и политических реформ. Резко судил он о Хрущеве, его волюнтаристских и утопических прожектах. В начале 1986 года XXVII съезд КПСС наконец-то изменил прежнюю, хрущевскую программу партии, очистив ее от наиболее нелепых положений, в частности изъяв обещание обогнать по большинству показателей Соединенные Штаты Америки и в основном построить коммунизм к 1980 году. Но стратегические подходы самого Горбачева, как это не парадоксально, подчас были точной копией хрущевских. Как и Хрущев, Горбачев в первые годы деятельности на посту Генерального секретаря был подчинен синдрому сверхдержавного мышления, обнаруживая намерение в течение нескольких лет добиться уровня развитых западных стран по ряду важнейших экономических показателей.

Во главу угла экономических преобразований Горбачев поставил новую инвестиционную и структурную политику, которая предполагала перенести упор с нового строительства на техническое перевооружение, модернизацию действующих предприятий и производств, покончив тем самым с разорительной практикой «долгостроев» и «незавершенок». Задачей N 1 было признано ускоренное развитие машиностроения, в котором усматривалась основа быстрого перевооружения всего народного хозяйства.

Программа «ускорения» предполагала опережающее (в 1,7 раза) развитие машиностроения по отношению ко всей промышленности и достижение им мирового уровня уже в начале 90-х годов. Газета «Правда» стала посвящать машиностроению львиную долю своих материалов, в том числе передовиц, одна из которых венчалась боевым лозунгом: «Машиностроители! За вами — решающее слово в техническом перевооружении народного хозяйства! Быстрее создавайте высокопроизводительные машины и оборудование!». Но ни в одном из партийных документов, ни в одном из официальных расчетов не говорилось, что для достижения поставленной цели — «догнать Америку» за пять лет в важнейшей промышленной отрасли — необходимо было, чтобы производство оборудования для самого машиностроения развивалось в сравнении с ним еще в два раза быстрее. Советской экономике это было совершенно не под силу. Предпринятые массированные денежные, в том числе валютные, вливания в машиностроение не дали эффекта ни через год, ни через два после провозглашения его приоритетным, но серьезно подорвали казну и только усилили товарный голод, который-то в глазах простых людей и был главным показателем экономического кризиса в СССР.

В типично хрущевском духе была выдержана и провозглашенная Горбачевым школьная реформа, главной задачей которой было всеобщее компьютерное обучение школьников. Явно подразумевалось, что выпускники в результате подобной «революционной» школьной реформы сразу встанут вровень с «беловоротничковым» рабочим классом стран Запада и создадут прочную кадровую базу научно-технического прогресса. Из виду была упущена самая «малость»: советская промышленность не могла произвести и толики компьютеров, необходимых для радикальной реформы. Школьная реформа испустила дух уже через несколько месяцев после ее провозглашения.

Хрущевскому и, в еще большей мере, андроповскому подходу отвечали методы, при помощи которых Горбачев и его окружение намеревались реализовать программу «ускорения» социально-экономического развития. Упор делался на укрепление производственной и исполнительской дисциплины, улучшение работы с кадрами, а также на жесткий контроль над произведенной продукцией. На апрельском пленуме слово «дисциплина» употреблялось даже чаще, чем слово «гласность», риторика Горбачева создавала впечатле-

ние, что именно дисциплина сыграет роль приводного ремня ускорения: «... только за счет того, что коллективы и их руководители как-то подтягиваются, начинают лучше работать, удается в короткий срок поднять производительность труда в таких размерах, которые порой сопоставимы с плановыми заданиями на целую пятилетку». Горбачеву удалось найти такие формулировки укрепления дисциплины, которым мог позавидовать и Андропов: «Особенно актуален сегодня вопрос об укреплении порядка и дисциплины... И здесь прежде всего нужно строже спрашивать с руководителей коллективов, которые несут персональную ответственность за дисциплину... каждый должен заниматься своим делом, добросовестно выполнять свои прямые обязанности». «Каждый должен заниматься своим делом», — именно эта фраза была с наибольшей готовностью подхвачена советско-партийной и хозяйственной номенклатурой, увидевшей в горбачевском курсе усиление командно-административных приемов «совершенствования социализма».

Среди таких командно-административных мер наибольшую известность приобрели постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма», принятое сразу после апрельского пленума ЦК КПСС, и закон о госприемке. Первое постановление было сформулировано в бескомпромиссных выражениях и воплощалось в жизнь с поразительной целеустремленностью. Объявив пьянство одной из главных причин низкого состояния производственной дисциплины, ЦК КПСС потребовал применения в отношении пьяниц всех возможных законодательных мер, в том числе лишение премий, вознаграждений по итогам работы за год, путевок в дома отдыха и санатории и т.д. Предполагалось ежегодно сокращать производство и реализацию водки и ликероводочных изделий на 10% с тем, чтобы за 5 лет уменьшить их выпуск вдвое. Выпуск плодово-ягодных изделий намечалось прекратить в 1988 г. На деле антиалкогольная кампания проводилась гораздо более энергично, производство алкогольных напитков сократилось почти вдвое уже в течение 1985-1986 гг.

Закон о госприемке создавал службы государственных инспекторов по надзору за качеством промышленной продукции. К октябрю 1986 г. службы госприемки, в которые отвлекались наиболее квалифицированные специалисты, контролировали от 20 до 30 процентов всей произведенной в СССР промышленной продукции, а к 1 января 1987 г. они действо-

вали практически на всех крупных промышленных предприятиях.

В командно-административной стратегии ускорения особое значение приобрела кадровая политика. С самого начала она имела многоаспектный характер. Главными были два направления. Первое развивало андроповскую линию на борьбу с эксцессами коррупции и «перерожденчества» в партийно-государственной элите, на замену откровенно бездеятельных и неспособных руководителей более компетентными. В 1985-1986 гг. эта тема стала ритуальной в партийной пропаганде. К обновлению кадров призывали и новые люди в партийной элите, и те, кто сами по всем признакам подлежали смещению. 15 апреля 1985 года первый секретарь Московского горкома КПСС В.Гришин в статье «Успех дела решают кадры» призывал к решительному обновлению партийно-хозяйственной элиты честными, принципиальными, компетентными работниками[6]. В феврале 1986 года он сам был отстранен от должности. Сменивший его на высоком посту Б.Ельцин, уже партруководитель «новой волны», во главу угла политики «ускорения» также поставил кадровый вопрос. В выступлении на XXVII съезде КПСС (конец февраля 1986 года) Ельцин сосредоточил огонь критики на провалах кадровой политики ЦК: «А вот отдел организационно-партийной работы явно перегружен. Чем он только не занимается — и вагоны, и корма, и топливо. Все, конечно, нужно. И все же важнее всего кадры. А как раз эта работа и была упущена. Партийные кадры в отделе знали плохо. Контроль за их работой осуществлялся слабо. Вовремя принципиальной оценки многим не давалось. А иначе чем объяснить те провалы, которые допущены в ряде партийных организаций областей, краев и республик страны? Неужели в ЦК КПСС никто не видел, к чему идут дела в Узбекистане, Киргизии, ряде областей и городов, где шло, прямо скажем, перерождение кадров?». В недостатках кадровой политики Ельцин видел «причины спадов и провалов в работе целых регионов»[7].

Второе направление кадровой политики заключалось в смещении политических противников Горбачева и его курса. Один за другим были отстранены Г.Романов, В.Гришин, В.Щербицкий, Д.Кунаев, Г.Алиев, другие партийные бонзы. Чистки коснулись также среднего и нижнего звена партноменклатуры: наибольшую известность получило кадровое «очищение» в Москве, где Б.Ельцин за один год сместил практически всех партаппаратчиков, лояльных по отноше-

нию к В.Гришину. К началу 1987 года по подсчетам американской газеты «Вашингтон пост» было заменено 70% членов Политбюро, 60% секретарей областных партийных организаций, 40% членов ЦК КПСС брежневского «набора»[8].

Курс, провозглашенный в 1985 году на апрельском пленуме, был подкреплен и развит в начале 1986 года на очередном XXVII съезде КПСС, который согласно принятой в СССР традиции определил, как советскому обществу жить в последующие пять лет. Принципиальных нововведений на съезде было немного, главным среди них была поддержка Закона о трудовых коллективах. Закон провозглашал создание на всех предприятиях советов трудовых коллективов с весьма широкими полномочиями, включавшими выборы руководящих работников, регулирование заработной платы в целях ликвидации уравниловки и соблюдения социальной справедливости в оплате труда и даже определение цены выпускаемой продукции. По традиционным советским меркам закон этот звучал непривычно, но в контексте марксистско-ленинской идеологии выглядел вполне ортодоксально, а Горбачеву явно виделся как реальное подспорье «снизу» политике «ускорения». Марксизм-ленинизм всегда рассматривал классовое сознание трудящихся как подчиненное неизменно коллективистским и никогда эгоистическим интересам, способное «по определению» служить исключительно интересам всего общества. XXVII съезд КПСС последовал этой догме, провозгласив, что утверждение и расширение «непосредственной демократии» на производстве резко повысит «социалистическую взаимопомощь и требовательность», «высокую ответственность за выполнение обязанностей перед обществом». Но в жизни дела, как вскоре выяснилось, пошли не по бумаге: трудовые коллективы обнаружили склонность к «коллективному эгоизму», выбирая удобных и покладистых начальников, стремясь любой ценой повысить цену выпускаемой продукции и зарплату.

Векселя, выданные XXVII съездом советскому народу, были очень обширны, особенно громко звучали обещания удвоить к 2000-му году экономический потенциал СССР, в 2,5 раза повысить за тот же срок производительность труда и обеспечить каждой советской семье отдельную квартиру. И хотя съезд подверг критике за утопизм и переписал прежнюю, хрущевскую, программу КПСС, его собственные решения, как и новая редакция программы, были выдержаны в хрущевском духе. Преемственность с прежними целями КПСС

подтверждалась названием передовицы «Правды», посвященной итогам съезда: «Наша цель — коммунизм!».

Тем более странным могло показаться то, что после XXVII съезда КПСС Горбачев стал говорить о революционном характере предпринятых им преобразований, а на встрече с активом в Хабаровске летом 1986 г. прямо заявил: «Я бы поставил знак равенства между словами перестройка и революция»[9]. Для людей, воспитанных на букве марксизма-ленинизма, слова Генерального секретаря звучали тревожно: ведь под революцией классики понимали полную смену если не социально-экономического, то уж по меньшей мере — политического строя. В голове каждого советского человека с детства сидела железная ленинская формулировка: «Коренной вопрос всякой революции — вопрос о власти». Глубоко озадаченными чувствовали себя преподаватели обществоведения: как в лекциях и на семинарах совмещать марксистско-ленинское учение о революции с новой концепцией Генерального секретаря?

Постепенно прояснилось, что озадачившее многих слово «революция» имело пропагандистское значение: приравняв провозглашенную им перестройку по исторической значимости к Октябрю 1917 года, Горбачев рассчитывал мобилизовать широкую поддержку масс. Основ советского строя, объяснял он в своей книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», изданной в СССР и за рубежом, менять не планировалось, более того, новая революция предполагала их упрочить: «Разумеется, Советскую власть мы менять не собираемся, от ее принципиальных основ отступать не будем. Но изменения необходимы, причем такие, которые укрепляют социализм, делают его политически богаче и динамичнее»[10]. Один из наиболее влиятельных тогда идеологов в окружении Генерального секретаря, Г.Смирнов, в разъяснительной статье «Революционная суть перестройки» даже придал новой революции охранительный смысл: «... речь идет не о социально-политической революции, когда уничтожаются основы экономических отношений старого строя, устанавливается принципиально новая политическая власть, выражающая интересы свергающих классов. Здесь ситуация иная. Речь идет не о разрушении общественной собственности на средства производства, а о ее укреплении и более эффективном использовании... Речь идет не о сломе государственной власти, а о дальнейшем укреплении социалистического всенародного государства, углублении социалистической демок-

ратии, развитии народного социалистического самоуправления»[11].

Наиболее лапидарно суть перестройки, приравненной к революции, выразил второй секретарь ЦК КПСС Е.Лигачев: «Глубинную суть перестройки партия выражает четкой формулой - больше социализма!»[12]. Лозунг «больше социализма» предполагал, что основы советского социализма здоровы и их можно было только улучшать. Ни один из его трех столпов — руководящая роль КПСС, государственная собственность на средства производства, политическое господство трудящихся — ни разу под сомнение не ставился. Поэтому на взгляд критически настроенных людей, лозунг «больше социализма» мог означать больше руководящей роли КПСС, больше государственной собственности, больше политического господства рабочего класса (последнее, впрочем, давно являлось маской, прикрывавшей господство партократии).

Но критически настроенных в отношении горбачевского курса людей тогда было явное меньшинство, а голос их не был слышен. Большинство же советских людей поверило в нового Генерального секретаря и с энтузиазмом поддержало его. Тому было много причин, и одна из главных заключалась в неординарной личности Горбачева. В сравнении с предшествующими генсеками он выглядел поистине, как инопланетянин, — живой, динамичный, способный говорить красиво и зажигательно, подчеркнуто стремящийся к общению с людьми, чувствующий себя, как рыба в воде, в гуще народа. Необычный политический стиль нового Генерального секретаря привлек к нему десятки миллионов людей, в мгновение ока они влюбились в него. Он обладал и прирожденным умением гипнотизировать сознание масс, а главным среди гипнотических средств была способность обрамлять умеренные идеи и предложения в яркие, кричащие, завораживающие слова: «перестройка», «гласность», «ускорение», «революция», «новое мышление». Многие из них вскоре стали популярны во всем мире и заняли в международном лексиконе места рядом с самым известным русским словом — «спутник».

Популярности Горбачева способствовало и то, что советские люди заждались перемен: их не было в течение вот уже двадцати лет. Кое-какие реформы, правда, были намечены Андроповым, но он пробыл у власти менее полутора лет, к тому же большую часть времени был прикован к постели. Горбачев же сразу предложил дюжину реформ, а его возраст

и энергия внушали веру, что обещания будут воплощены в жизнь. С течением времени общество стало все более осознавать умеренность и ортодоксальность реформ и идей Генерального секретаря, но в момент провозглашения они воспринимались чуть ли не как потрясение основ. К тому же некоторые из них по меркам тоталитарного общества, каким, как вскоре было признано, и являлся Советский Союз, действительно были радикальны. К таковым в первую очередь, относились провозглашенные Горбачевым идеи гласности и нового политического мышления.

Гласность означала раскрытие недостатков и пороков, которые мешали реализации «потенциала социализма», предание огласке и критике фактов, свидетельствующих о противоречиях между официально принятой в СССР идеологией социализма и реальностью. Таких фактов — коррупция партийных чиновников и хозяйственников, лихоимство и бездеятельность бюрократов, разбазаривание и разворовывание государственных средств, зажим критики, несправедливое распределение жилья, путевок, иного дефицита — было предостаточно, и средства массовой информации дружно принялись за «разгребание грязи». Новое политическое мышление предполагало поиск нетрадиционных путей смягчения международной напряженности, что позволило бы серьезно сократить разорительные для советской экономики военные расходы. Так пришли к принятию «нулевого варианта» относительно американских и советских ракет среднего радиуса действия в Европе, одобрили концепцию «разумной достаточности» относительно оборонного потенциала СССР.

Динамизм Горбачева на международной арене, подкреплявшийся реальными позитивными договорами с Соединенными Штатами и их союзниками, немало способствовал укреплению авторитета Генерального секретаря среди советских людей. Да и дела внутри страны, как о том красноречиво свидетельствовала статистика, вначале пошли неплохо. Согласно данным Центрального статистического управления, опубликованным накануне XXVII съезда КПСС, показатели народного хозяйства за 1985 год в подавляющем большинстве превосходили показатели 1984 года на 3-4 процента. Казалось бы, командно-административные методы «ускорения» дали первые плоды, и съезду партии надлежало только закрепить их.

Данные развития народного хозяйства в 1986 году, как свидетельствовали цифры ЦСУ, были еще лучше, чем в 1985

году. При этом серьезно улучшились дела в сельском хозяйстве: если в 1985 году роста производства не было, то в 1986 году он составил более 5%[13]. Газета «Правда» в последний день 1986 года в передовой, озаглавленной «Год перестройки, год ускорения», настраивала читателей на самый оптимистический лад: «За минувшие месяцы 1986-го достигнут самый высокий в восьмидесятые годы рост промышленного производства. Есть сдвиги и в работе агропрома. Валовый сбор зерна составил 210 миллионов тонн, что на 30 миллионов тонн выше среднегодового объема в прошлой пятилетке».

Но именно на рубеже 1986–1987 годов тезис «статистика знает все» обнаружил самые серьезные расхождения с реальностью. Миллионы советских людей на опыте повседневной жизни убеждались, что снабжение товарами народного потребления и продовольствием не улучшается, а ухудшается, дефицит постоянно увеличивается. Денежные запасы населения росли не потому, что запросы его были удовлетворены в полной мере и не было нужды тратить деньги, а потому что полки магазинов все меньше и меньше наполнялись товарами и продуктами питания. Простой здравый смысл подсказывал, что радужные данные ЦСУ прикрывают какую-то тайну, которая не должна была скрываться за семью печатями, коли уже наступила эпоха гласности.

Тайна была приоткрыта Горбачевым только в 1987 году. Как выяснилось, в экономике СССР сложился и развивался своего рода парадокс: при том, что промышленность и сельское хозяйство производили все больше продукции, а национальный доход увеличивался, государственная казна все худела и худела. Дотации сельскому хозяйству и промышленности, как и выплаты на заработную плату, увеличивались, а поступления в казну все сокращались. Развивалась скрытая инфляция, печатный станок выпускал денег гораздо больше, чем производилось товаров, деньги в казну не возвращались, в стране развивался бюджетный дефицит. Это было поразительным открытием: ведь еще в октябре 1985 г. согласно докладу министра финансов СССР доходы казны превысили расходы. Как выяснилось позднее, то была ложь: в действительности бюджетный дефицит уже в 1985 году составил 17-18 миллиардов рублей, а в следующем году возрос в целых три раза![14] Страна вошла в острый финансовый кризис, который сопровождался драматическими экономическими последствиями.

Но откуда возник бюджетный дефицит, отсутствие кото-

рого согласно официальной идеологии всегда составляло одно из преимуществ реального социализма над капитализмом? Как следовало из разъяснений самого Горбачева, главной причиной экономического провала являлись глубокие ошибки прежнего советского руководства, а его собственный просчет заключался только в том, что он недооценил глубину кризиса, в котором оказался СССР. Одна из ошибок прежнего советского руководства, приведшая к бюджетному дефициту, состояла в том, что оно сделало ставку на экспорт нефти, когда же спрос на нее на мировом рынке упал, это больно ударило по советскому бюджету. Только в 1985-1986 гг. поступления от экспорта нефти сократились почти на одну треть. Постоянно усиливая критику прошлой экономической политики СССР, приведшей по его заключению к «застою», Горбачев должен был в 1988 году признать и одну собственную ошибку: то была массированная антиалкогольная кампания, сократившая поступления в казну от продажи спиртных напитков в течение трех лет на 37 млрд. рублей[15]. Указав на эту ошибку, Горбачев не раскрыл всех ее негативных последствий, среди которых было исчезновение из продажи сахара, вследствие резкого роста самогоноварения, варварское уничтожение виноградников, рост потребления алкогольных суррогатов и наркотиков, увеличившего смертность и болезни среди пьющих.

Но самое главное, Горбачев не смог признать, что резкий рост бюджетного дефицита, скрытой инфляции и товарного голода был также следствием его собственной экономической политики, такого определения приоритетов, при котором сверхзадачей объявлялось ускоренное развитие машиностроения. Именно капиталовложения в машиностроение, импортные закупки для него привели в 1985-1986 гг., как свидетельствуют цифры[16], к перенапряжению бюджета. Никакого позитивного эффекта от бюджетных вливаний в машиностроение на товарном и продовольственном рынке не ощущалось, более того, этот рынок стал жертвой «ускорения» в машиностроении, ибо импортные поставки для последнего вели к сокращению закупок продовольствия и товаров народного потребления.

Только в 1993 г., будучи уже в отставке, Горбачев смог критически оценить результаты своей экономической политики 1985-1986 гг. и указать на ее главную ошибку: «В экономике, следуя установившимся стереотипам, мы начали с реформы тяжелой промышленности, машиностроения. Правильнее же было начинать с сельского хозяйства, с легкой и

пищевой промышленности, то есть с того, что дало бы быструю и наглядную отдачу для людей, укрепило социальную базу перестройки. Словом, в ряде случаев, встав на путь реформ, мы неточно выбрали последовательность мер по ее осуществлению»[17]. Но в 1985 и 1986 гг., как и во все последующие годы пребывания у власти, Генеральный секретарь не проявил способности к подобному критическому самоанализу, а причины провала реформ искал не в себе и не своих действиях.

Политические оппоненты Горбачева в последние годы пребывания его у власти, особенно после крушения перестройки, возложили на Генерального секретаря всю ответственность за «роковые» ошибки начального периода его деятельности. Однако разносторонний анализ истории тех лет доказывает, что Горбачев не был единственным автором стратегии «ускорения», как и конкретных реформ, что они пользовались поддержкой как политической и интеллектуальной элиты, так и большинства населения. Есть основания заключить, что предложенный им курс соответствовал ожиданиям общества, его интеллектуальному, политическому уровню и менталитету.

Известный американский экономист и историк-русист М.Голдман приводит убедительные свидетельства, почерпнутые в частности и из личных бесед с советской элитой, из которых явствует, что Горбачев, в отличие от предшественников, с первых дней вступления в должность стремился привлечь к разработке своих планов представителей академической общественности, особенно экономистов и социологов[18]. По его инициативе в Москву были переведены академики Т.Заславская и А.Аганбегян, работавшие до того в Новосибирске и давно слывшие критиками экономической ортодоксии. Особенно существенное воздействие на стратегический курс Горбачева оказал А.Аганбегян, предложивший концепцию изменения структурной политики инвестиций (вместо вложений в капитальное строительство они должны были направляться на технологическое перевооружение) и утверждавший, что «машиностроение является сердцем технологической реконструкции в экономике»[19]. Другие реформы Горбачева, например, укрупнение министерств, создание гигантских Государственного агропромышленного и машиностроительного комитетов также согласовывались с рекомендациями ученых-экономистов.

Тесная связь с наукой вообще стала «фирменным знаком»

реформаторского курса Горбачева. Главный теоретический орган КПСС, журнал «Коммунист», решительно переориентировался на связь с учеными: экономисты, социологи, политологи, пользовавшиеся к тому же репутацией антиортодоксов, решительно потеснили в его авторском активе партруководителей. Главным редактором журнала стал известный философ И.Фролов, а экономический отдел возглавили О.Лацис и Е.Гайдар. Статьи журнала после этого стали более смелыми и новаторскими, но все же по отношению к курсу Горбачева они носили комментаторский характер. Примечательна, например, дискуссия журнала по проблемам перестройки экономической науки, проведенная в начале 1987 года. Ее участники, Л.Абалкин, А.Анчишкин, А.Гранберг, П.Бунич, С.Шаталин, рассматривали задачи развития экономической науки исключительно «в свете» установок XXVII съезда партии и пленумов ЦК, ограничивали себя их «теоретическим наполнением», не высказав ни одного замечания по адресу реформ Горбачева[20]. Редактор отдела экономики Е.Гайдар в своих статьях исходил из убеждения, что главный стержень экономического развития — «опережающее развитие отраслей машиностроительного комплекса» и в полном соответствие с данными отчетов Госкомстата СССР выявлял укрепление «позитивных тенденций» в развитии советской экономики[21].

Горбачевские реформы, как свидетельствуют результаты начавших тогда проводиться опросов общественного мнения, одобрялись и подавляющим большинством населения. Например, даже по данным опросов 1987 года, когда и сам Горбачев осудил издержки антиалкогольной кампании, 86% опрошенных (среди женщин 93%) одобряли ее. Избрание руководителей трудовыми коллективами одобряли 82% опрошенных, среди рабочих — 85%[22]. Все другие меры Горбачева также поддерживались большинством опрошенных. Генеральный секретарь, со всеми его слабостями и ошибками, являлся бесспорным лидером общества, причем его лидерство имело большой запас прочности. Но такая мощная, во многом слепая, некритическая поддержка накладывала на Горбачева и особую ответственность, ибо он персонифицировал курс перемен, имея карт-бланш и на определение курса реформ и на его коррективы.

II

«БОЛЬШЕ ДЕМОКРАТИИ!»

В 1993 г., критически осмысливая просчеты первых лет реформаторства, М.Горбачев утверждал, что правильнее было бы начинать реформы с сельского хозяйства, с легкой и пищевой промышленности, то есть с того, что дало бы быструю и наглядную отдачу для людей. Именно по этому пути в 1980-ые годы успешно шли реформы в Китае и, казалось бы, китайский пример должен был привлечь внимание советского руководства. Если экономические реформы не задались в СССР в 1985-1986 гг., почему в 1987 г. нельзя было пристально посмотреть на успешные преобразования в стране со схожей организацией собственности и социальных отношений?

Но ни в 1985-ом, ни в последующие годы китайский пример не принимался в расчет Горбачевым и его окружением. Игнорирование китайского опыта имело ряд причин, но главная заключалась в том, что двадцатипятилетний политический разрыв и конфронтация с Китаем фактически накладывали табу на какие-либо заимствования из опыта восточного соседа. Идеологические стереотипы восприятия Китая, сложившиеся в 1960-ые — 1970-ые годы во времена правления Мао Цзэ-дуна, сохранялись в СССР и в 1980-ые, так что Китай продолжал рассматриваться как экономически отсталая и политически ущербная по сравнению с Советским Союзом страна, эксперименты которой с рыночными отношениями и смешанной экономикой годились разве что для стран третьего мира. Все это помогает понять, почему решившись в 1987 году на серьезные корректировки своего реформаторского курса, Горбачев не проявил никакого интереса к китайской модернизации, отдав предпочтение построению новой идеологической конструкции, которая, по крайней мере внешне, обнаруживала сходство с моделью «социализма с человеческим лицом», выдвигавшейся некогда в Чехословакии.

Новая идеология и стратегия реформ были впервые изложены Горбачевым на январском пленуме ЦК КПСС в 1987 году. Затем они последовательно развивались на протяжении полутора лет, а кульминацией нового реформаторского курса

явилась XIX партийная конференция, состоявшаяся летом 1988 года. Развязка же, неожиданная для Горбачева, совершенно непредвиденная им, произошла в 1989—1990-ом годах.

Политический словарь нового реформаторского курса, в сравнении с прежним, претерпел серьезные изменения. Слово «ускорение» постепенно вышло из обихода, а если и употреблялось, то в новом значении: теперь предполагалось «ускорять» не вообще социально-экономическое развитие СССР, а «перестройку» общественного строя. По частоте употребления с «перестройкой» и «гласностью» теперь соперничали такие понятия как «демократизация», «командно-административная система», «механизм торможения», «деформации социализма». Поменялась и исходная идея реформаторского курса: если прежде предполагалось, что советский социализм в основе своей здоров и нужно только «ускорять» его развитие, то теперь «презумпция невиновности» с советской социалистической модели была снята и у нее были обнаружены серьезные внутренние пороки. Их-то и нужно было устранить, направив одновременно усилия на создание новой модели социализма.

В январе 1987 г. Горбачев признал неудачу реформаторских усилий предшествующих лет, а ее коренную причину увидел в деформациях, восторжествовавших в СССР к 1930-ым годам и воплотившихся затем в общественной практике и представлениях о социализме. Сначала было заявлено об оформлении в СССР вследствие «абстрактных» и «легковесных» представлений о коммунизме мощного «механизма торможения», который позднее стал обозначаться как «командно-административная система». Эта система и привела в СССР к «деформациям» социализма, которые подлежали устранению вместе с «механизмом торможения». На возможный и даже закономерный вопрос о том, какой социализм в СССР был «деформирован», у Горбачева и его окружения имелся четкий ответ: «Тот, который был задуман Лениным». Отсюда вытекал еще один крылатый лозунг нового реформаторского этапа: «Назад к Ленину!».

Новая реформаторская логика Горбачева не была такой уж и новой. В свое время ее уже пытался использовать Хрущев. И не случайно, а словно по заказу, имя Хрущева становится популярным на страницах перестроечной печати, а издания, находящиеся на переднем фронте «гласности», начинают охотно представлять свои страницы зятю Хрущева, А.Аджубею, и сыну, С.Хрущеву, которые неожиданно для

себя, да и для многих других, превращаются в «прорабов перестройки». В партийной и историко-партийной литературе утверждается новый взгляд на октябрьский пленум ЦК КПСС 1964 г., который, оказывается, вопреки прежним оценкам, пресек не авантюризм и волюнтаризм Хрущева, а прервал, по утверждению помощника Горбачева по вопросам идеологии Г.Смирнова, линию на «демократизацию партийного и государственного аппарата»[1]. Хрущев, уверенно ведший страну в последние годы пребывания у власти к экономическому краху, нагонявший страх на художников-авангардистов и неортодоксальных поэтов, преследовавший Пастернака и пообещавший «похоронить» Америку, по прихоти судьбы предстал предтечей «социализма с человеческим лицом».

Подобно Хрущеву, Горбачев решительно осудил сталинизм и, объявив непорочными сами идеалы социализма, попытался отыскать их у Ленина. Но между Хрущевым и Горбачевым были и серьезные отличия как в истолковании деформаций социализма, так и в понимании ленинского наследия. Хрущевская критика «отступлений» от социализма носила ярко выраженный персонифицированный характер, поскольку вся ответственность за нарушение «ленинских норм» возлагалась на Сталина. Главным объектом критики был поэтому культ личности Сталина. Горбачев возлагал ответственность за «деформации» социализма уже на всю командно-административную систему, которая складывалась в течение полувека, получив завершающий вид при Брежневе. Поэтому, согласно Горбачеву, разрушены должны быть командно-административные механизмы управления экономикой, социальными отношениями и политикой, которые оставались основополагающими и во времена Хрущева и которые использовались в попытках реанимировать советский социализм самим Горбачевым в 1985—1986 гг. Горбачев претендовал на создание новой модели социализма, которая основывалась внешне на интерпретации ленинского наследия, но по сути развивала схему «социализма с человеческим лицом».

Ключом к пониманию новой модели социализма стало слово «демократизация»: именно всеохватывающая демократия объявлялась сущностным выражением образцовой социалистической системы. Новый реформаторский лозунг «Больше демократии!» означал внедрение непосредственного управления трудящихся в производственные отношения, экономическое развитие, отправление государственной власти,

правотворчество. В производстве ведущей силой становились трудовые коллективы, которые практически выступали бы хозяевами общественной собственности, получали реальные возможности распоряжаться прибылью. В таком виде производственная демократия, по новому реформаторскому замыслу, создавала бы социалистический рынок, на котором конкурировали коллективные товаропроизводители. Не менее радикальным, по советским меркам, был и замысел демократизации политической системы: уже на январском 1987 года пленуме ЦК КПСС Горбачев предложил ввести альтернативные, то есть на основе соперничества двух и более претендентов на каждое место, выборы депутатов и иных государственных лиц всех уровней власти. Тотальная демократизация всех сфер управления обществом, согласно новой реформаторской стратегии, должна была разрушить командно-административную систему, укоренить состязательность во всех сферах жизни, создать естественные механизмы динамичного развития общества.

Генеральный секретарь и его окружение доказывали, что у новой реформаторской стратегии нет и не может быть политических оппонентов, но в действительности впервые со времени прихода Горбачева к власти под прицел критики была взята обширная часть партийно-государственного и хозяйственного аппарата, обозначенная хорошо известным словом «бюрократия». Слово «бюрократия» было давно общепринято и во всем мире, при этом в мировой социологической науке под ней понимался управленческий слой в целом. Бюрократия со времени М.Вебера рассматривалась зарубежной наукой как важная и неотъемлемая часть государственной системы: упразднить ее было равнозначно утопии, самое большее, на что должно было нацеливаться общество - это рационализировать деятельность бюрократии. Но в советской перестроечной идеологии понятие «бюрократия» приобрело специфический смысл: им была обозначена та часть управленческого аппарата, которая стеной встала на пути реформаторских замыслов. Фактически Горбачев попытался списать на нее все неудачи своих реформаторских попыток и доказать, что как только будет устранена бюрократия, дело реформ сразу пойдет на лад. «Самый худший внутренний враг» — это название сборника статей о советской бюрократии, изданного в 1987 году известным социологом И.Бестужевым-Ладой[2], четко обозначало главную линию атаки на новом реформаторском этапе.

«Бюрократия представляет главную социальную силу механизма торможения»[3], — утверждал в том же году один из идеологов перестройки, А.Бутенко. А экономист Г.Попов, автор понятия «командно-административная система», дал характеристику ее составных частей, влияние которых нужно было обуздать, чтобы реформы достигли успеха. Во-первых, это был аппарат хозяйственных органов и ведомств, которым демократизация экономического управления грозила потерей мест. Во-вторых, те чиновники, функции которых сохранялись и в новой системе, но которые не могли отказаться от командно-административного стиля. В-третьих, те партийные работники, которые владели рычагами командно-административного управления. Эта весьма мощная сила могла быть, по заключению Попова, сметена «массовым движением трудящихся, опирающихся на волю руководства партии»[4]. Данный вывод Попова выражал стратегическую установку, которую Горбачев предпочитал формулировать завуалированно: реформы могли быть делом рук просвещенного руководства во главе с Генеральным секретарем и народного давления «снизу». Этот непривычный по традиционным партийным меркам альянс и должен был соединить социализм с демократией.

Новая реформаторская стратегия явно предполагала, что без основательной очистительной работы и всесторонней демократизации общества радикальные экономические реформы никак не пойдут. Последние тем самым как бы отодвигались по времени, а главными становились пропаганда, распространение и утверждение демократических принципов. Именно в соответствие с этой логикой и развивался новый этап перестройки. Не случайно он стал поистине золотым периодом гласности, бурлящего кипения газет, журналов, книжного бума, всесторонней и беспощадной критики «деформаций социализма» в экономике, политике, духовной сфере. И не случайно на авансцену перестройки выступила интеллигенция, в первую очередь гуманитарная и художественная, писатели, публицисты, историки и экономисты, с увлечением погрузившиеся в осмысление и развенчание накопившихся за 70 лет пороков командно-административного социализма. А их лидерами стали «шестидесятники» — люди, чья совесть и критическое сознание были разбужены XX съездом КПСС, но чьи надежды были преданы сначала самим Хрущевым, а потом и послехрущевским руководством. Теперь «шестидесятники» явно вознамерились взять реванш

за то поражение и довершить критику и разрушение командно-административной системы, начатые три десятилетия назад.

В критикоочищающем потоке «гласности» весомо звучал голос истории: те критически настроенные историки, которые хорошо владели пером, и те публицисты и журналисты, которые проявили интерес к истории, быстро встали в ряд людей, которых газета «Московские новости», а затем другие издания стали с гордостью называть «прорабами перестройки». Боевым кличем исторической публицистики стало: «В истории не должно быть белых пятен!». Под «белыми пятнами» понимались фальсифицированные или сознательно сокрытые от советских людей факты прошлого, без которых истинно правдивая история была просто невозможна.

На первое место в исторической публицистике поначалу выдвинулась тема Сталина и сталинщины. Теперь она раскрывалась гораздо более полно и беспощадно, чем во второй половине 1950-х. Новая критика признала ограниченность постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий», в котором фактически отрицалось личное участие Сталина в организации массовых репрессий. Теперь же были полно раскрыты не только «руководящая роль», но и непосредственное личное участие Сталина в массовых репрессиях, насильственной коллективизации, экспроприации крестьян-середняков, авантюристических и преступных «перегибах», которые «великий вождь» цинично списывал на счет рядовых партийцев. Во всей полноте была воссоздана хронология и факты о преступных деяниях Берии, Ежова, Ягоды. Разоблачения сталинщины сопровождались выявлением и реабилитацией все новых и новых десятков тысяч безвинных жертв режима. Процесс реабилитации видных и рядовых жертв сталинщины приобрел поистине всенародный характер: в газеты, на радио и телевидение шли потоки писем советских людей, чьи близкие и дальние родственники, просто знакомые были репрессированы, оболганы, подвергнуты остракизму в сталинские десятилетия. Широкую огласку приобрели усилия студента историко-архивного института Д.Юрасова, составившего картотеку рядовых жертв репрессий из нескольких десятков тысяч имен. Процесс движения «снизу» за восстановление всей правды о репрессиях поддерживался постоянно и «сверху»: в ЦК КПСС была создана специальная комиссия по реабилитации во главе с новым секретарем по идеологии А.Яковлевым.

Затем была развенчана, как миф, версия хрущевских времен о том, что народ и честные члены партии в сталинские десятилетия безмолствовали, потому что во всем доверяли вождю, отождествляя Сталина и социализм. Опубликованные биографии и дневники Владимира Вернадского, Мартемьяна Рютина, Федора Раскольникова, свидетельства неповиновения вождю десятков честных прокуроров показывали, что истинная цена идеологии и практики сталинщины осознавалась многими современниками. Важным и принципиальным нововведением в историко-публицистическую критику сталинщины в сравнении с хрущевскими временами стала политическая реабилитация тех партийных деятелей, которых и в 1930-ые, и в 1960-ые и позднее клеймили как «левых» и «правых» «уклонистов» и «оппортунистов». Особенно показательна политическая реабилитация Н.Бухарина, который в истолковании перестроечной публицистики и историографии предстал олицетворением демократической социалистической альтернативы сталинщине в 1920-ые — 1930-ые гг. Американский советолог социал-демократической ориентации С.Коэн, автор переведенной на русский язык биографии Бухарина, стал одним из любимцев советских средств массовой информации, оракулом перспектив демократической перестройки в СССР.

Перестроечной публицистикой остро дискутировался вопрос о том, существовала ли историческая альтернатива командно-административной системе в СССР, возможно ли было иное развитие советского социализма. Часть публицистов вслед за И.Клямкиным, выступившим с яркой статьей «Какая улица ведет к храму»[5], полагали, что казарменный социализм в России был исторически закономерен. Но большинство публицистов полагали, подобно, Ю.Леваде, что «всегда есть альтернатива: выжить-погибнуть. И выжить по-разному» и готовы были подписаться под заключением И.Дедкова и О.Лациса: «Если же согласиться с фатальной неизбежностью культа личности, то его пришлось бы оправдать»[6]. «Шестидесятники», доминировавшие в осмыслении прошлого, были преисполнены исторического оптимизма: шансы на утверждение в стране демократического социализма наличествовали всегда, никакой закономерности торжества казарменного социализма не существовало.

Подобная историческая ретроспекция в полной мере отвечала перестроечной стратегии, сориентированной на утверждение в СССР социализма с человеческим лицом. Но схема

эта вызывала все большие сомнения, по мере того, как множились свидетельства жестоких расправ с инакомыслием и ростками всего нового не только в эпоху Сталина, но также во времена Хрущева, Брежнева, Андропова и Черненко. С чем же тогда могли быть связаны реальные надежды на утверждение в СССР демократического социализма? Увы, как заключила перестроечная публицистика, их было очень немного и все они были фактически связаны с идеологией и политической практикой основателя советского государства, В.Ленина. И тем с большей настойчивостью публицисты из перестроечного лагеря стали отыскивать модель демократического социализма в ленинизме.

Вновь и вновь выявлялись и обнародовались ленинские высказывания, в которых клеймилась бюрократия, объявлялось о нерасторжимости социализма и демократии, выносились суровые оценки Сталину. Особую популярность приобрела ленинская концепция новой экономической политики, как и практические меры по ее реализации в начале 1920-х гг. НЭП стал рассматриваться перестроечной идеологией как прообраз горбачевских реформ. Культ Ленина получил еще большую поддержку после того, как видные места на трибуне гласности были представлены популярному драматургу М.Шатрову, публицисту Е.Яковлеву, писателю Р.Медведеву, которые во времена Брежнева зачислялись в ряды инакомыслящих, но которые в действительности были поборниками «чистого ленинизма».

Но самым твердым защитником ленинского культа был Горбачев. В многочисленных выступлениях, наиболее заметным среди которых явилась речь на праздновании 70-летия Октябрьской революции, Генеральный секретарь доказывал, что все «деформации социализма» были отступлением от ленинизма, надругательством над ним, что идеалы перестройки могут быть найдены у Ленина. В мае 1987 года в беседе с корреспондентом итальянской коммунистической газеты «Унита» он отверг предположение, что в СССР «вознамерились приблизиться к той демократии, которая на Западе», и утверждал, что перестройка развивает «изначальную суть ленинских принципов советского социалистического демократизма». Услышав утверждение Горбачева о том, что «демократизация имеет самостоятельную ценность», корреспондент резонно спросил: «Не кажется ли Вам, что есть определенная аналогия между этим Вашим утверждением и высказанным в свое время суждением Энрико Берлингуэра о

демократии как «универсальной ценности». Генеральный секретарь твердо отклонил столь откровенный внеклассовый подход, ответив, что перестроечный принцип демократии «восходит к В.И.Ленину»[7].

Подобная заданность горбачевской концепции демократизации постепенно вступила в противоречие с развитием процесса гласности, который приобрел собственную инерцию и которому становилось все более тесно в берегах социалистического демократизма. В размывании этих берегов особую роль сыграли литературные и публицистические журналы, такие как «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Огонек». Их возглавили новые руководители, имена которых — С.Залыгин, Г.Бакланов, В.Коротич — вскоре оказались на слуху у всей страны. Тиражи «толстых журналов» выросли в 3-4 раза и стали соперничать с тиражами многих газет. В течение каких-то двух-трех лет журналы познакомили читателей практически со всеми запрещенными прежде писателями, в том числе с откровенно «антисоциалистическими» произведениями М.Булгакова, Б.Пастернака, В.Набокова, В.Гроссмана. Самые популярные публикации журналов моментально оказывались в центре внимания ведущих средств массовой информации, вокруг них разгорались острейшие дискуссии, они прочно входили не только в литературу, но и в массовое общественное сознание.

Центральное место в журналах заняли произведения, посвященные все той же критике пагубных последствий сталинщины и командно-административной системы для экономики, науки, душ людей. Наибольшую известность среди них приобрели «Белые одежды» Ю.Дудинцева, «Зубр» Д.Гранина, «Дети Арбата» А.Рыбакова, «Ночевала тучка золотая» А.Приставкина. Произведения эти, отмеченные художественным талантом и гражданской позицией, немало способствовали развитию в обществе негативного отношения к казарменному социализму, но все они не выходили за рамки перестроечной идеологии. Другое дело, появившиеся в журналах, прежде строго настрого запрещенные и даже не упоминавшиеся романы и повести русских писателей, уничтоженных когда-то системой или эмигрировавших. Такие произведения как «Собачье сердце» М.Булгакова, «Котлован» А.Платонова, «Мы» Л.Замятина, и, конечно, романы А.Солженицина, четко отстаивали идею, что советский социализм был изначально несостоятелен и губителен для народа. Особое значение имели жесткие, бескомпромиссные романы

В.Гроссмана «Жизнь и судьба» и «Все течет», в которых открыто и даже с вызовом отрицалось какое-либо различие между Лениным и Сталиным, коммунизмом и фашизмом, советскими и германскими концентрационными лагерями. Все эти произведения нанесли первый чувствительный удар по перестроечной идеологиии, посеяв среди масс читателей сомнения относительно «потенциала социализма», возможностей советского демократизма и «очищенного ленинизма».

И все же в 1987–1988 гг. половодье гласности вмещалось в берега демократического социализма. Концепция демократического социализма прочно обрела права гражданства в СССР, настойчиво вытесняя прежнюю сталинско-брежневскую ортодоксию. Большую роль в развитии советского варианта теории демократического социализма сыграл А.Яковлев, которого многие стали называть главным идеологом и даже истинным «архитектором перестройки». А.Яковлев, профессиональный партийный работник, достиг высоких партийных постов еще при Брежневе, но в 1970-ые гг. был подвергнут опале и отправлен с поста заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС послом СССР в Канаде. После прихода Горбачева к власти А.Яковлев возвращается в Москву, работая сначала в должности директора Института мировой экономики и международных отношений, а с 1987 года секретарем ЦК КПСС по идеологии. Очень скоро стало ясно, что А.Яковлев играет роль дирижера процесса гласности: под его руководством в ЦК КПСС стали проводиться регулярные совещания и встречи главных редакторов научных, литературных и публицистических журналов, руководителей средств массовой информации. С приходом его к руководству партийной идеологией гораздо смелее и радикальнее стали публикации в «Огоньке», «Московских новостях», других изданиях, являвшихся лидерами процесса гласности. Теоретические и публицистические статьи самого А.Яковлева заключали в себе своего рода отечественный вариант теории демократического социализма, которая на Западе развивалась представителями социал-демократии и еврокоммунизма.

А.Яковлев отстаивал идею многообразия и равноправия различных моделей социализма, разрушая тем самым монопольные притязания марксизма-ленинизма на научность и доказывая, что только сама практика может служить критерием жизнеспособности социалистической модели. Вопреки официальной брежневской доктрине «развитого социализма»

он утверждал, что мировой социализм, в том числе и советский, еще только прощается со своим детством и юностью, а следовательно и со своими «детскими болезнями» и пороками. Последовательно настаивая на приоритете для социалистов общечеловеческих ценностей, А.Яковлев подчеркивал особое значение среди них (наряду с демократией) нравственности. В одной из программных своих статей «Перестройка и нравственность» он доказывал, что моральные критерии обретают «сегодня политическое значение», что они должны стать главными при оценке поведения всех без исключения государственных, партийных, хозяйственных руководителей[8]. Разрушая догмы советской социалистической ортодоксии, новый секретарь ЦК КПСС обнаружил себя горячим поборником внедрения в СССР полнокровных товарноденежных отношений, рынка, аренды и кооперации, то есть всего того, что выражало суть радикальной экономической реформы.

Пропаганда радикальной экономической реформы имела для сторонников новой концепции социализма особое значение, она быстро заняла одно из центральных мест не только в средствах массовой информации, но даже в литературных журналах. Яркие и доходчивые экономические статьи в популярных газетах и журналах сделали известными всей стране имена публицистов В.Селюнина, А.Стреляного и А.Нуйкина, а также профессиональных ученых П.Бунича, Г.Попова, Н.Шмелева, О.Богомолова, Л.Абалкина. Большинство среди поборников рынка в качестве основополагающего признало конфликт между старым «административным» и новым «хозрасчетным социализмом». Хозрасчетный социализм должен был основываться на трех китах — самофинансировании, самоокупаемости, самоуправлении всех предприятий. Согласно новой концепции между предприятиями должна была возникнуть конкуренция, заступающая на место прежнего социалистического соревнования. Ценообразование должно было определяться механизмами рынка, рыночная среда выступала в качестве регулятора рентабельности, прибыли, заработной платы. Предприятиям предстояло самим заботиться о закупках сырья, сбыте продукции, инвестициях. Теоретически допускались даже банкротство убыточных предприятий и безработица, но эти допущения сопровождались оптимистическими утверждениями о том, что банкротства будут предотвращаться переходом предприятий на выпуск рентабельной продукции, а безработица будет поглощаться

созданием рабочих мест в новых хозяйственных сферах. Концепция хозрасчетного социализма воспринимала экономические категории, ассоциировавшиеся прежде исключительно с капитализмом, но дополняя их определением «социалистический». Социалистический характер радикальной экономической реформы подчеркивался тем аргументом, что истинными хозяевами предприятий станут трудовые коллективы, которые наделялись правами утверждения хозрасчетных показателей, выбора администрации, решения социальных вопросов.

Только единицы среди экономистов-рыночников отнеслись пессимистически к возможности соединения рынка с социализмом. Одной из первых пессимизм высказала Л.Пияшева, выступившая в 1987 г. в журнале «Новый мир» под псевдонимом Л.Попкова. «Социализм, — утверждала она, — и это мое глубокое убеждение, несовместим с рынком по сути своей, по замыслам своих создателей...»[9]. Подобные высказывания всерьез общественным мнением не воспринимались, оно верило в возможность создания конкуренции и рынка на основе социалистических отношений собственности, пусть и серьезно реформированных. Эта вера пронизывала и главную экономическую реформу, осуществленную в соответствие с концепцией хозрасчетного социализма. Она воплотилась в Законе о государственном предприятии (объединении), одобренном в июне 1987 и вступившем в силу с 1 января 1988 года.

Закон перераспределял прерогативы между министерствами и предприятиями, наделяя последние большой экономической самостоятельностью и создавая тем самым конкурентную среду. Роль центральных планирующих органов сводилась к подготовке контрольных цифр хозяйственного развития и определения государственного заказа, долю которого предполагалось постоянно снижать (на 1988 год она планировалась в среднем на уровне 85%). Продукция, произведенная сверх госзаказа, могла реализовываться по свободной цене на любых выгодных для предприятий рынках. Кроме того, предприятия получали «свободу рук» в определении численности работающих, установлении заработной платы, выборе хозяйственных партнеров. За трудовыми коллективами закреплялось право выбора администрации. Так возникала модель, в чем-то схожая с «социализмом самоуправления» в Югославии.

Предполагалось, что в 1988 году закон будет распростра-

нен на 50 процентов промышленных предприятий, а в следующем году на другую половину. Но уже в 1988 году выяснилось, что закон прочно забуксовал, а в следующем году стало ясно, что он потерпел фиаско. Тому было несколько причин. Одна из них заключалась в том, что предприятия столкнулись с полным отсутствием инфраструктуры, которая позволяла бы им более менее уверенно пускаться в «свободное плавание». В стране не было посреднических организаций, товарносырьевых бирж, которые наладили бы механизмы закупок сырья и сбыта продукции. В таких условиях большинство руководителей предпочитали не рисковать, а получать по максимуму госзаказ, который служил гарантией централизованного снабжения сырьем и сбыта готовой продукции.

Рыночные отношения не заладились и в силу патерналистско-социалистических стереотипов сознания, характерных и для администраций, и для государства, и для рабочих. Накануне вступления закона в силу было известно, что в стране насчитывается более 30 процентов убыточных предприятий, кроме того еще 25 процентов получали очень небольшую прибыль, а это обрекало всех их в условиях перехода к самофинансированию и прекращения государственных дотаций на банкротство. Возможность и условия банкротства были предусмотрены в 23-ей статье закона о предприятиях. Но статья эта так и не была введена в действие: лоббистские усилия партийно-хозяйственных органов, министерств, как и активность профсоюзов и трудовых коллективов, оставили «на плаву» даже самые безнадежные предприятия. Ничего не дало и право сокращения работающих: перспектива возникновения безработицы была решительно осуждена и трудовыми коллективами, и обществом в целом. Общественное мнение не приняло и перспективы повышения цен как следствия экономической свободы предприятий[10].

Одной из причин краха реформы был и все более явственный «коллективный эгоизм» трудовых коллективов и предприятий. Они воспользовались предоставленными правами для повышения зарплаты, сокращения дешевого и увеличения дорогого ассортимента товаров. Вследствие этого дефицит доступных населению товаров еще более усилился. Закон о государственном предприятии, как и предыдущие экономические реформы, принес результаты, противоположные ожиданиям.

Как и прежде, Горбачев и его сторонники экономические неудачи пытались компенсировать идеологической актив-

ностью и политическими реформами. В идеологической сфере происходил постепенный пересмотр с либерально-демократических позиций советской марксистской ортодоксии. Теоретической платформой пересмотра стала концепция общечеловеческих ценностей, претерпевшая в 1987–1988 гг. серьезную трансформацию. До того Горбачев и его окружение понимали под общечеловеческими ценностями то, что объединяло человечество перед лицом глобальных угроз, например, необходимость предотвращения войны или экономических катастроф. Но теперь в общечеловеческие ценности стали включаться некоторые политические и экономические принципы, укоренившиеся в западной цивилизации и обеспечившие опережающее ее развитие в сравнении с другими регионами. Сначала в них были включены товарно-рыночные отношения и экономическая конкуренция, а также индивидуально-трудовая и акционерная собственность. Распространились новые, невозможные прежде трактовки К.Маркса. Например, секретарь ЦК КПСС В.Медведев, отвечавший, как и А.Яковлев, за вопросы идеологии, доказывал, что Маркс «недвусмысленно трактует социалистическое обобществление производства как восстановление индивидуальной собственности, но, конечно, на качественно новой основе» и что по Марксу «в акционерной форме капитала... частная собственность как бы преодолевает саму себя»[11].

В 1988 году в идеологию перестройки были включены и некоторые основополагающие политические либерально-демократические принципы. Радикальные перемены, происшедшие в политической доктрине перестройки в течение буквально одного года, могут быть проиллюстрированы на примере изменений суждений Ф.Бурлацкого, выдвинувшегося в число признанных идеологов — «горбачевцев» по политическим вопросам. В 1987 г. в статье «Учиться демократии» он еще возводил непреодолимую стену между буржуазной и социалистической демократией[12], а ровно год спустя, в период XIX партконференции, превозносил в качестве общечеловеческих принципы, которые прежде относились к буржуазной демократии, — разделение властей, парламентаризм, правовое государство, естественные неотъемлемые гражданские и политические права человека[13]. Подобная эволюция характеризовала реформаторское окружение Горбачева в целом.

В 1988 году новая доктрина политической демократии получила и практическое воплощение в решениях XIX Всесоюзной партконференции. Конференция, прошедшая в кон-

це июня, приковала внимание всей страны. Ни на одном из прежних партийных форумов не было столь жарких дебатов и не принималось столь радикальных политических решений. Многие делегаты, следуя традиции, в своих выступлениях сосредоточивались на хозяйственных вопросах, но Горбачев, умело руководивший ходом конференции, твердо настаивал на том, что главными являются вопросы политические и что без их решения экономические реформы обречены на провал. Он апеллировал к опыту прежних экономических реформ в СССР, которые разбились о командно-административную систему, консерватизм партийного аппарата и бюрократизм государственных чиновников. Весь этот механизм, настаивал Горбачев, должен быть радикально демократизирован.

Конференция завершилась триумфом для Генерального секретаря и его сторонников. Сам Горбачев вследствие решений конференции, вызвавших всеобщий энтузиазм в стране, достиг пика политической популярности и влияния. Ожидания, порожденные среди масс партийной конференцией, смягчили разочарования от экономических неудач нового советского руководства. Ее резолюции, наносившие серьезный удар по советскому тоталитаризму, казалось, создавали надежную основу и для запуска демократических механизмов в экономике.

Всего было принято шесть резолюций, сами названия которых говорили о многом: «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки», «О демократизации советского общества и реформе политической системы», «О борьбе с бюрократизмом», «О межнациональных отношениях», «О гласности», «О правовой реформе», «О некоторых неотложных мерах по практическому осуществлению реформы политической системы страны».

В докладе Горбачева на конференции и ее решениях упор делался на вовлечение в процесс управления страной миллионов советских граждан и создание с этой целью соответствующих механизмов. Впервые провозглашалась цель создания в СССР гражданского общества, которое со времен Маркса рассматривалось в коммунистической идеологии исключительно как основа буржуазного миропорядка. В докладе Горбачева само понятие «гражданское общество» не употреблялось, но зато давалось лаконичное, емкое и четкое его определение: это механизмы «свободного формирования и выявления интересов и воли всех классов и социальных групп», а также система «саморегулирования и самоуправле-

ния общества». А вот понятие «правовое государство», означающее безусловное верховенство законов, а не государства и чиновников в урегулировании взаимоотношений в обществе, употреблялось прямо и стало на конференции одним из наиболее популярных. Последовательно проводилась мысль о необходимости исключения партийных органов из хозяйственного управления, лишения их государственных функций и закреплении последних исключительно за Советами. Сами Советы — еще одно решение, идущее вразрез с заветами Маркса и Ленина и означавшее усвоение «буржуазных» норм — предполагалось преобразовать в соответствие с канонами парламентаризма.

Радикальными и далеко идущими по последствиям были решения конференции о реформе советского федерализма, а на самом деле унитаризма, и межнациональных отношений. В резолюции подчеркивалось, что «речь идет прежде всего о расширении прав союзных республик и автономных образований путем разграничения компетенции Союза ССР и советских республик, децентрализации, передачи на места ряда управленческих функций».

Были одобрены и конкретные реформы политической системы, подлежащие реализации в ближайшее время. Предполагалось избрать Съезд народных депутатов СССР, высший законодательный орган страны из 2250 человек. При этом две трети Съезда должны были избираться населением на альтернативной основе, то есть не менее чем из двух кандидатов, а еще одна треть депутатов, так же на альтернативной основе, избиралась общественными организациями. Съезд, созываемый периодически для определения законодательной политики и принятия высших законов, формировал из своей среды Верховный Совет, который должен был работать на постоянной основе и являть собою советский парламент.

Решения конференции оказали огромное воздействие на советскую государственно-политическую систему и в конечном итоге перевернули весь ход советской истории. Осознавал ли Горбачев все возможные следствия решений XIX партконференции? Как показало последующее развитие событий, безусловно, нет. Стратегический замысел Генерального секретаря состоял в том, что решения партконференции помогут отстранить от власти консерваторов, разрушить командно-административную систему и сплотить народ вокруг просвещенного реформаторского руководства КПСС. Он не допускал

и мысли о том, что альтернативные выборы могут быть использованы народом для «наказания» не только ретроградов и бюрократов, но партаппарата и КПСС в целом, что уже первые реальные политические свободы нанесут мощный удар по «идейно-политическому единству» советского общества и окажутся смертельно опасными для советской империи. Но кто в июле 1988 года мог предвидеть, что демократические решения XIX Всесоюзной партконференции заключают в себе смертельную угрозу для самой КПСС и СССР? Позиции Горбачева казались тогда прочными, как никогда, он без особых усилий нейтрализовал опасность своему реформаторскому курсу как «слева», так и «справа».

Реальная опасность «слева» впервые обозначилась осенью 1987 года, когда с острой критикой реформаторского курса выступил первый секретарь Московского горкома КПСС Б.Ельцин. Ельцин заявил, что его не устраивают низкие темпы перестроечных процессов, сохраняющееся засилье консерваторов в руководстве партии и демонстративно вышел в отставку. Горбачев организовал против московского секретаря контратаку, выдержанную в классических номенклатурных традициях. На пленуме московского горкома против Ельцина была организована концентрированная ожесточенная критика со стороны лиц, пониженных им в должности или вообще лишенных властных кресел. В конце заседания, обвинившего его в нанесении «удара ножом в спину партии», Ельцин дрогнул и признался в том, что его выступление было вызвано «перегрузками» и «амбициями»[14]. Но Ельцина тогда осудила не только партноменклатура, но и демократическая интеллигенция, а один из ее признанных глашатаев, Г.Попов, вынес жесткий диагноз политическому недугу московского секретаря: «авторитарный консервативный авангардизм». Авторитарный, — пояснял Г.Попов, потому, что «главными действующими лицами перестройки объявляются не массы, а руководители», авангардизм, потому, что Ельцин пытался достичь целей перестройки в «один-два прыжка», консерватизм, потому что подобный метод «независимо от субъективных намерений авангардистов... отвечает интересам наших консерваторов»[15].

Выступая на XIX Всесоюзной партийной конференции, делегатом которой он был избран, Ельцин обратился с просьбой о своей «политической реабилитации». Дух конференции, пояснил он свою просьбу, не противоречил, а соответствовал его радикальной позиции, а потому он и не чувствовал

никаких грехов перед партией. Выступление Ельцина свидетельствовало, что Горбачев обладал способностью нейтрализовать радикалов не только с помощью «кнута», но и путем постоянного расширения и обновления демократических лозунгов. По крайней мере вплоть до конца 1988 года это ему удавалось в полной мере.

Гораздо большую опасность для Горбачева представляла оппозиция «справа». С самого начала в консервативной оппозиции новому курсу Горбачева обозначилось два течения - национально-патриотическое и ортодоксально-коммунистическое. Представители национально-патриотического направления выступали подчеркнуто с внеклассовых позиций, отстаивали идею «русской исключительности», которой угрожал неожиданно ворвавшийся в Россию процесс вестернизации. Среди лидеров этого движения было много представителей творческой интеллигенции, наибольшим авторитетом среди которых пользовались писатели В.Солоухин, В.Белов, В.Распутин, Ю.Бондарев, художник И.Глазунов. Характерным выражением их позиции стало коллективное письмо Ю.Бондарева, В.Распутина и В.Белова, опубликованное в «Правде» 9 ноября 1987 года. Три известных писателя резко протестовали против рок-культуры, в мгновение ока пленившей умы их молодых соотечественников, доказывали, что она губительна для морально-нравственных устоев общества, развращает и разрушает неопытные души. Особая ответственность за насаждение западной контр- и масскультуры возлагалась на средства массовой информации, которые слишком быстро и легко встали на путь коммерциализации и в погоне за тиражами готовы были продать душу дьяволу.

Первыми центрами «духовной оппозиции» вестернизации стали журналы «Наш современник» и «Молодая гвардия». Неприятие западного влияния постепенно трансформировалось в сознании их авторов в идею о наличии векового «масонского заговора» против России, преследующего цель ее превращения в сырьевой придаток и духовного раба Запада. Патриотическая тема прочно завладела одним из самых массовых периодических изданий, «Роман-газетой», любимым автором которой стал В.Пикуль, мастер лубочных исторических романов, воспевающих исключительный и всепобеждающий русский характер. Писатели-патриоты заявили о решительной оппозиции «перестроечным» журналам и констатировали наличие «гражданской войны» в литературе.

Крайним выражением национал-патриотизма стала дея-

тельность общества «Память», возникшего как просветительское, но превратившегося в 1987-1988 гг. в ярко выраженное идейно-политическое течение. В «Памяти» совмещались разные тенденции, от монархической до авторитарно-сталинистской, но общим их знаменателем была идея нависшей над Россией угрозы «жидомасонского заговора». Особенно активной «Память» была в Ленинграде и Москве, а самым популярным ее деятелем стал Д.Васильев, обладавший способностью часами с жаром изобличать «Протоколы сионских мудрецов»[16].

Ортодоксально коммунистическое течение долгое время развивалось как бы подспудно, а открыто бросило вызов Горбачеву и его курсу только в марте 1988 года в связи с публикацией в газете «Советская Россия» статьи Н.Андреевой «Не могу поступаться принципами». Н.Андреева, никому не известный преподаватель одного из ленинградских институтов, решительно осудила архитекторов перестройки за утрату классового подхода и попытку под видом «улучшения социализма» насадить в стране чуждую идеологию и строй. Не ограничившись этим, она выступила в защиту Сталина и проводившейся им политики. Статья Андреевой появилась в тот момент, когда Горбачев находился в зарубежной поездке, и явно застала сторонников перестройки врасплох. Поскольку «Советская Россия» являлась газетой ЦК КПСС, быстро распространились слухи, что в верховном политическом эшелоне страны вызрел заговор консерваторов во главе с Е.Лигачевым, а статья Андреевой является для их сторонников сигналом к контрнаступлению. После того, как стало известно, что статья перепечатана в десятках областных партийных газет, тревога сторонников перестройки сменилась паникой. В течение трех недель газеты, поддерживавшие реформаторский курс, пребывали в шоке, не решаясь вступить в полемику с газетой ЦК КПСС.

И только 5 апреля самая главная партийная газета «Правда» ответила на статью Н.Андреевой публикацией «Принципы перестройки: революционность мышления и действий». Публикация шла без подписи, как редакционная статья, выражающая, следовательно, официальную линию ЦК КПСС. По стилю и идеям авторство ее установить было несложно: она принадлежала перу А.Яковлева. Одно за другим в ней решительно отвергались все положения Андреевой. Сталинской ортодоксии противопоставлялись принципы демократического социализма, освящавшиеся авторитетом Ленина. Смысл

перестройки, доказывала статья в «Правде», заключается не в реставрации капитализма, а в том, чтобы «вернуться к ленинским принципам, сутью которых являются демократия, социальная справедливость, хозрасчет, уважение к чести, жизни и достоинству личности».

После публикации в «Правде» уже вся перестроечная пресса выступила с решительным осуждением консервативного просталинского манифеста. Консерваторы вынуждены были затаиться, а на XIX партконференции только единицы среди них, подобно писателю Ю.Бондареву, осмеливались вступать в полемику с Горбачевым, да и то не упоминая его имени. Е.Лигачев предпочел солидаризироваться с Генеральным секретарем, а свою главную задачу видел в том, чтобы подавить попытку «реабилитации» Ельцина. Горбачев, наблюдая за схваткой между Лигачевым и Ельциным, выступал в роли «смеющегося третьего», который позволял «крайностям» истощать друг друга в злых взаимных нападках, оставаясь в результате сам единовластным хозяином политического положения.

1988-ой год, как и предшествующие годы пребывания у власти, прошел для Горбачева в целом успешно. Он сохранил лидерство в общественном процессе и как свидетельствовали опросы общественного мнения, его подход к реформам, в том числе и центральная концепция демократического социализма, пользовались поддержкой большинства[17]. Но то был последний год, когда Горбачеву удавалось вдохновлять народ на перемены, не подкрепляя свои лозунги реальными сдвигами в экономике.

В 1988 году, чего не скрывала уже официальная статистика, плановые экономические задания в большинстве случаев не были выполнены. Дефицит продовольствия и товаров широкого потребления еще более обострился. Эта драматическая экономическая ситуация в соединении с усиленно насаждавшейся самим Горбачевым «революцией растущих ожиданий» и предоставленным народу реальным правом политического выбора должна была рано или поздно повернуть ход событий против архитектора перестройки. Произошло это уже в следующем году.

III

НА СЦЕНУ ВЫХОДЯТ РАДИКАЛЫ

Расстановка политических сил в стране стала резко меняться с осени 1988 года. Главная политическая перемена заключалась в том, что прежде единый лагерь сторонников перестройки стал раскалываться: в нем выделилось радикальное крыло, быстро набравшее силу, превратившееся в 1989 году уже в мощное движение, а в 1990-ом году начавшее решительно оспаривать у Горбачева власть. Борьба между Горбачевым и радикалами за лидерство в реформаторском процессе составила главный стержень следующего этапа перестройки, который продолжался с осени 1988 года до июля 1990-го года.

В выступлениях Горбачева конца 1988-го — начала 1989 года впервые прозвучали острые тревожные нотки по поводу притязаний оппонентов «слева» и были даны резко негативные оценки их политических требований. В конце ноября 1988 года, выступая на заседании президиума Верховного Совета СССР, он с явным осуждением заметил, что «кое-кто из наших товарищей и в партии, и в Советах поддался сейчас, так сказать, популистской идеологии». В начале января следующего года на встрече с интеллигенцией он резко отрицательно высказался о выявившемся радикальном «уклоне» в предвыборной дискуссии: «Исподволь подбрасывается идея о политическом плюрализме, многопартийности и даже частной собственности. Речь идет о якобы неспособности через перестройку раскрыть потенциал социализма». В феврале на встрече с рабочими Генеральный секретарь заклеймил идею многопартийности еще более сурово: «Что такое, к примеру, дискуссии о многопартийности? Они беспочвенны. Ведь можно и при трех-четырех партиях такой диктат держать, что никто и не пикнет, не вздохнет свободно!»[1]

Направленность политического процесса, возникшего под воздействием XIX партконференции, таила в себе множество неожиданностей, совершенно непредвиденных, а теперь решительно осуждаемых Горбачевым.

Процесс этот вынес на поверхность два потока радикализ-

ма, каждый из которых заключал опасность для «генеральной линии» КПСС. Одним из них оказался поток национального радикализма: он умело направлялся Народными фронтами, возникшими в большинстве союзных республик и наполнявшими все более смелым содержанием идеи расширения прав республик и реформы советской федерации. Другой поток включал политических радикалов, настаивавших на решительном углублении и расширении экономических и иных реформ, проводившихся уже самим центральным правительством. Два потока развивались параллельно друг другу, но во многих случаях пересекались и даже сливались. Так, например, большинство радикалов обоих направлений пришли к одобрению возмутивших Горбачева идеей частной собственности, политического плюрализма и многопартийности.

Среди Народных фронтов осенью 1988 года самыми инициативными и организованными оказались прибалтийские. Поначалу их требования шли в направлении развития резолюций XIX партконференции и вполне согласовывались с горбачевской стратегией поддержки реформаторских усилий просвещенного партийного руководства «снизу». Хартия Народного фронта Эстонии, обнародованная 9 сентября, провозглашала его общенародным движением, объединившимся «во имя поддержки курса КПСС на перестройку». Народный фронт ставил главными целями «пресекать любые попытки затормозить процесс демократизации и гласности в Эстонской ССР», добиваться «раздельного функционирования законодательной, исполнительной и судебной власти», защищать Эстонию от «диктата и засилья союзных ведомств». Он объявлял себя движением, открытым для всех граждан Эстонии, при этом коммунистическая партия ставилась на первое место среди организаций, с которыми предполагалось тесное сотрудничество. Хартия не содержала никаких намеков на возможность отделения Эстонии от СССР, в ее первой статье утверждалось, что Народный фронт создается исключительно «в поддержку курса на социалистическое обновление и претворение его в жизнь во всех областях государственной и общественной жизни Эстонской Советской Социалистической Республики»[2].

Аналогичные цели ставили перед собой Народные фронты Литвы и Латвии. Председатель Народного фронта Латвии Дайнис Иванс, бывший делегатом XIX партконференции, в ноябре 1988 года подчеркивал: «В Латвии — я говорю это со всей ответственностью — нет такой политической силы,

которая может осуществить выход из состава Советского Союза». Он подчеркивал, что фронт будет добиваться расширения республиканских прав для «всех, и в интересах всех жителей нашей республики, независимо от их национальности». А первые строки Устава Народного фронта Латвии звучали еще более лояльно по отношению к КПСС, нежели начало эстонской хартии: «Народный фронт Латвии (НФЛ) — массовая общественно-политическая организация республики, возникшая в результате патриотической активности народа, активно поддерживает и участвует в коренной перестройке нашего общества в соответствии с установками резолюций XXVII съезда КПСС и XIX Всесоюзной партконференции»[3].

Но в том же ноябре 1988 года появились признаки того, что Народные фронты прибалтийских республик не удовлетворятся реализацией решений XIX Всесоюзной партконференции. В средствах массовой информации, на собраниях и массовых митингах, организуемых Народными фронтами, все чаще и громче звучали фразы о «советской оккупации» Прибалтики, о необходимости восстановления государственной независимости трех республик. Были предприняты, и удачно, первые попытки испытать «на прочность» бастионы советского унитаризма. В середине ноября Верховный Совет Эстонской ССР изменил статью 74 Конституции республики: прежняя формулировка «Законы СССР обязательны на территории Эстонской ССР» была заменена на новую, объявлявшую, что «Верховный Совет Эстонской ССР имеет право приостанавливать или устанавливать пределы применения законодательного или иного нормативного акта СССР...». Процесс расшатывания СССР «пошел».

В начале 1989 г. по мере развертывания кампании по выборам первого Съезда народных депутатов СССР выяснилось, что Народные фронты Прибалтики пользуются большей популярностью, нежели представители партийно-государственной бюрократии. Первые в советской истории альтернативные выборы, состоявшиеся в марте, были использованы ими для формирования сплоченных политических фракций, одержавших ряд внушительных побед и готовых после этого предъявить Горбачеву радикальные ультиматумы.

Кроме Прибалтики, Народные фронты добились большого влияния в закавказских республиках. В Армении Народный фронт во главе с Л.Тер-Петросяном наряду с общедемократическими требованиями выдвинул цель возвращения в состав республики Нагорного Карабаха, что привело к резкому

обострению противоречий с Азербайджаном. Осенью 1988 года шесть руководителей армянского Народного фронта были арестованы и переправлены в московскую Бутырку, но 31 мая следующего года освобождены в полном составе. В Грузии Народный фронт во главе с З.Гамсахурдиа постепенно вошел в жесткое противоборство с коммунистическим руководством республики, завершившееся трагическими событиями 9 апреля 1989 года, когда власти использовали силы Советской Армии для разгона массового митинга в центре Тбилиси. В ходе жестокого столкновения было убито около 20 сторонников Народного фронта, после чего в Грузии начался быстрый рост антирусских настроений. Движение же Народного фронта стало приобретать все более националистический характер.

В самой России демократическая инициатива «снизу» получила выражение в создании в разных городах множества так называемых «неформальных» движений и групп. «Неформалы» были очень разношерстны: они включали и объединения музыкальной, спортивной, философско-мистической ориентации, и экологические движения, и, наконец, общественно-политические клубы. Политклубы, возникшие не только в Москве и Ленинграде, но также в Свердловске, Саратове, Челябинске, Набережных Челнах, были объединены целью демократизации и радикализации процесса перестройки. Было создано много дискуссионных клубов типа «Московской трибуны», объединявших по преимуществу творческую интеллигенцию и ставших генераторами программ и идей углубления реформ. По мере приближения альтернативных выборов на Съезд народных депутатов, эти объединения и клубы стали превращаться в организационные ячейки по выдвижению и поддержке кандидатов, оппозиционных партийно-государственной бюрократии.

Альтернативные выборы марта 1989 года во многих отношениях стали первой «тихой» массовой революцией против партийно-государственного аппарата. В ходе выборов аппарат еще не потерпел поражения, более того его представители получили большинство депутатских мест. Но ему был нанесен чувствительный урон: многие его высокопоставленные кандидаты в депутаты, «первые лица», по советско-номенклатурной терминологии, с треском провалились. В верхнем эшелоне КПСС возникли панические настроения, проявившиеся на апрельском 1989 г. пленуме ЦК КПСС. В преддверии повторных выборов в округах, в которых ни один из кандидатов в

первом туре не набрал голосов, необходимых для победы, секретари обкомов, горкомов и райкомов приняли совместное решение о том, что «они в такой обстановке не пойдут на эти выборы, потому что 100-процентная гарантия, что их не изберут». Сообщивший об этом первый секретарь Московского обкома КПСС В.Месяц получил поддержку многих присутствующих на пленуме: «Правильно!» И только решительная позиция Горбачева — «Правильно?! Выходит, партия должна уклониться от участия в руководстве и в выборах?» - приглушила консервативный протест участников пленума[4].

Выборы 1989 года не были в полной мере демократическими. Не все, а только две трети депутатов получили мандаты на основе всеобщего голосования. Бюрократическими препонами была обставлена процедура выдвижения кандидатов в депутаты. Но недемократические процедуры очень часто срабатывали не в пользу, а против партийно-государственной номенклатуры. Вырисовывалась такая закономерность: чем больше препятствий выдвигалось на пути независимого кандидата, тем тверже становилась решимость избирателей видеть именно его в качестве депутата. Самым ярким ее подтверждением стал «феномен» Б.Ельцина, баллотировавшегося в Московском городском избирательном округе. Против бывшего первого секретаря Московского горкома КПСС партаппаратом была организована настоящая травля, а ЦК КПСС, членом которого Ельцин продолжал состоять, создал специальную комиссию для рассмотрения нового его персонального дела. Но происки партбюрократии против Ельцина, санкционированные, совершенно очевидно, не кем иным, как М.Горбачевым, способствовали не поражению, а триумфу опального партийного лидера. Ельцин стал подлинным кумиром москвичей, а во время выборов получил около 90% голосов — своего рода рекорд избирательной кампании.

В другой российской столице, Ленинграде, все усилия партаппарата не смогли обеспечить избрания ни первому секретарю обкома Ю.Соловьеву, ни первому секретарю горкома А.Герасимову. Зато целая группа независимых кандидатов с радикальными программами, среди них А.Собчак, Ю.Болдырев, Н.Иванов, Ю.Щелканов, А.Денисов, будущие яркие ораторы демократической фракции на Съезде народных депутатов СССР, добились избрания. В ходе выборов в Ленинграде, Москве, как и в других крупных городах, не единицы, а целые группы независимых депутатов получили поддержку избирателей. Так формировалась основа будущей

широкой политической оппозиции горбачевскому курсу «слева».

Противоречивыми оказались результаты выборов одной трети депутатов от общественных организаций. В будущем многие демократы активно пропагандировали идею о том, что именно эти «ненародные» избранники стали опорой консерватизма на Съезде народных депутатов. Но в действительности политическая ориентация депутатов от общественных организаций отличалась широкой палитрой, среди них было немало демократов, в том числе и тех, кто стал «мозговым центром» радикальной оппозиции. Избранники ряда общественных организаций — ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, Комитета советских женщин — действительно в своем большинстве были консерваторами. Но избранники ряда других общественных организаций, таких как Академия наук СССР и некоторых творческих союзов, в своем большинстве оказались демократами. Избрание их, правда, не обошлось без острой борьбы, как это, например, имело место в случае с демократическими депутатами от Академии наук.

Первоначально право выдвижения кандидатов от этой «общественной организации» было узурпировано престарелыми академиками из числа руководителей отделений и президиума АН СССР. На своем закрытом заседании они провалили всех прогрессивно настроенных кандидатов, включая академика А.Сахарова. После этого тысячи «рядовых» докторов и кандидатов наук из десятков академических институтов организовали митинг перед зданием Президиума АН СССР, требуя от общего собрания Академии аннулировать результаты голосования академической верхушки. Под их давлением к участию в голосовании на общем собрании были допущены и рядовые сотрудники Академии, делегированные институтами. Результатом стало то, что на общем собрании большинство назначенцев от академической иерархии были отвергнуты, а освободившиеся места заняли ученые демократической ориентации. Большинство из 20 депутатов от Академии были людьми, составившими интеллектуальное ядро демократического крыла Съезда: А.Сахаров, Р.Сагдеев, Н.Шмелев, С.Аверинцев, В.Иванов, П.Бунич, Н.Петраков, А.Яковлев, Г.Лисичкин, Ю.Карякин, В.Гинзбург.

Избирательная кампания зимы-весны 1989 г. породила ряд неизвестных прежде в советской политической практике форм выражения общественного мнения, недовольства и протеста. Самой популярной и действенной среди них стали

массовые митинги. Они носили стихийный, несанкционированный характер и по мере расширения радикальных политических требований и вовлечения в митинги все большего числа участников, стали представлять большие неудобства и даже опасность для властей. Впервые Горбачев столкнулся с тем, что выдвинутый им и одобренный XIX партконференцией лозунг о поддержке реформ «снизу» начинал «работать» не только против консерваторов, но и против него самого. Желание Горбачева создать массовую социальную опору реформам в подобной ситуации неизбежно вступало в конфликт с стремлением сохранить и упрочить собственную власть, которой все больше угрожали не только консерваторы, но и радикалы, особенно радикальные течения национальных Народных фронтов. Явно желая пресечь эксцессы радикализма, Горбачев и его окружение в начале апреля решились на принятие указа, вступавшего в явное противоречие со стратегическим политическим лозунгом «Больше демократии».

Указ назывался «О внесении изменений и дополнений в Закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» и некоторые другие законодательные акты СССР». Наибольшее количество вопросов и критику со стороны общественности вызвала статья 11[1], которая в частности указывала, что «публичные оскорбления или дискредитация высших органов государственной власти и управления в СССР», равно как и «общественных организаций и их общесоюзных органов» наказываются «лишением свободы на срок до трех лет или штрафом до двух тысяч рублей». Сторонники указа, защищая его, использовали классический в таких случаях аргумент, что «демократия не равнозначна вседозволенности». Оппоненты же доказывали, что статья может быть использована для пресечения любой критики в адрес КПСС и властей предержащих, поскольку в ней всегда можно обнаружить какую-то долю «дискредитации». Горбачев, за чьей подписью вышел указ, вбил первый клин в отношения с радикалами, полагая, что такая цена необходима для сохранения его собственного контроля над процессом реформ и удержания последнего в режиме, заданном Генеральным секретарем.

Желая прочно сохранить в своих руках контроль над общественно-политическим процессом, Горбачев, все более выказывавший стремление двигаться «по центру», стремился пресечь «крайности» как слева, так и справа. В том же апреле

1989 года он совершил эффектную атаку на консерваторов в ЦК КПСС, принудив к добровольной отставке несколько десятков самых престарелых его членов. О настроениях старцев свидетельствовало выступление многолетнего вице-президента АН СССР П.Федосеева, предупредившего, подобно Н.Андреевой, против попыток улучшать социализм капитализмом и заклеймившего в старозаветном духе теорию конвергенции.

Накануне открытия первого Съезда народных депутатов СССР Горбачев, судя по внешним признакам, сохранял прочное лидерство в перестроечном процессе, да и в целом в общественно-политическом развитии страны. Начало Съезда, открывшегося 25 мая, служило тому подтверждением. Съезд утвердил повестку дня, избрал Председателем Президиума Верховного Совета Горбачева (2123 голоса против 87), перешел к избранию Верховного Совета, который, подобно парламенту, должен был работать на постоянной основе. Списки кандидатов в Верховный Совет были подготовлены на традиционной аппаратной основе, без демократического обсуждения. Горбачев умело сворачивал попытки радикальных депутатов развернуть вокруг них дискуссию. Избрание Верховного Совета, казалось, завершилось для него успехом.

Но 27 мая, когда Съезд должен был перейти к обсуждению нового вопроса, произошел взрыв. Депутат Ю.Афанасьев, ректор Московского историко-архивного института, взяв слово, к полной неожиданности для Горбачева резко осудил его манеру ведения Съезда, назвал съездовское большинство «агрессивно-послушным», а новый Верховный Совет — «сталинско-брежневским». Выступивший вслед за ним Г.Попов, который, как и Ю.Афанасьев, до того числился среди «прорабов перестройки», то есть лояльных горбачевцев, заявил, что депутаты демократической ориентации подумывают об оппозиции большинству и сформировании межрегиональной независимой депутатской группы[5]. Развитие дискуссии выявило наличие весьма широкой группы радикально настроенных депутатов. В качестве их ярких ораторов выступили А.Собчак, Е.Евтушенко, А.Адамович, Ю.Черниченко, Б.Ельцин. Душой же и подлинным лидером демократического крыла стал академик А.Сахаров. Его интеллектуальный и политический диалог-поединок с Горбачевым и большинством депутатов стал «центральным нервом» первого Съезда народных депутатов.

У радикалов не было оформленной программы, как и

стратегии поведения на Съезде. Их оппозиционная линия развивалась стихийно, постепенно сплачивая вокруг себя единомышленников. Критике радикалов подверглись все аспекты горбачевского курса, в первую очередь экономический. К началу Съезда экономика страны продолжала пребывать в кризисном состоянии: планы первого полугодия 1989 года были провалены по всем показателям, кроме роста прибылей предприятий (за счет вздутия цен) и заработной платы (развивалось такое новое явление эпохи хозрасчета как «проедание зарплаты»). Рассуждения же на Съезде по экономическим вопросам Горбачева, как и доклад председателя Совета министров Н.Рыжкова, носили декларативный характер и представляли собою повторение пройденного. Говорилось в общих выражениях о необходимости расширения самостоятельности предприятий, развитии аренды на селе, борьбе с монополизмом, бюджетным дефицитом. Причины провала всех экономических реформ, предпринятых после 1985 года, не вскрывались. Делался особый упор на необходимость поэтапного введения хозяйственных новшеств под строгим государственным присмотром, хотя уже было ясно, что новшества намертво вязнут в поэтапности, а государственное регулирование и патернализм не давали возникнуть ни рынку товаров, ни тем более рынку труда.

Большинство депутатов Съезда, выступая от имени определенных регионов или социально хозяйственных групп, реагировали на экономические программы правительства одним единственным лозунгом — «Дай побольше нам», совершенно не уделяя внимания вопросу о том, как увеличивать национальный экономический пирог. Предложения же радикалов были направлены на решительную переделку политикоэкономической системы, но как и умеренные программы правительства, они носили общий характер. Б.Ельцин направил основной удар против министерств: «Монопольные интересы ведомств являются сдерживающим фактором перестройки. Необходимо сокращение количества министерств, причем более решительное, чем сейчас, перевод оставшихся на хозрасчет, я имею в виду аппарат, и не финансировать их из госбюджета»[6]. Другие радикалы обрушились на колхозы и совхозы, предложив даже провести общенародный референдум по вопросу целесообразности их дальнейшего сохранения. Ими активно отстаивались идеи республиканского и регионального хозрасчета, беспромедлительного полномасштабного перевода экономики на рыночные рельсы. Вместе с

тем радикалы, подобно правительству и умеренному большинству, выступали за реформы без ухудшения жизни народа, без повышения цен и при сохранении всех систем социальной защиты. Популистский козырь не хотела выпускать из своих рук ни одна из сторон.

Политическим вопросам радикалы уделили гораздо больше внимания. Предложенная ими политическая реформа предполагала передачу всей полноты государственной власти Советам и лишение ее КПСС. Представительную демократию предлагалось дополнить прямой: народные референдумы должны были выносить решения по всем важнейшим вопросам. Съезд народных депутатов так же рассматривался как форма непосредственной демократии. Отстаивалась идея сильной исполнительной власти, но при этом с обязательным всенародным избранием ее главы — президента. На американский манер предлагалось ввести процедуру досрочного освобождения президента от власти в случае злоупотребления ею: в политический лексикон в связи с этим было введено английское слово «импичмент». Особое внимание было уделено радикальной реформе самого СССР: академик А.Сахаров предложил проект нового договора между республиками, по которому союз между ними создавался не «сверху», а «снизу» и больше напоминал не федерацию, а конфедерацию.

Российские демократы решительно поддержали предложение прибалтийских Народных фронтов о создании комиссии по расследованию секретного приложения к пакту Риббентропа-Молотова 1939 года. Для радикалов из Народных фронтов признание незаконным пакта, приведшего к разделу Польши и присоединению Литвы, Латвии и Эстонии к Советскому Союзу, имело принципиальное значение: это создавало легальную основу для борьбы за выход прибалтийских республик из состава СССР. Поддержка российскими демократами требования прибалтийских Народных фронтов способствовала резкой радикализации их политической программы уже в ходе работы Съезда: руководство Народных фронтов предложило тогда перейти к обсуждению вопроса о полной политической и экономической независимости государств Балтии.

Первый Съезд народных депутатов СССР завершился разделением сторонников перестройки на умеренных во главе с Горбачевым и радикалов, объединившихся в Межрегиональную группу народных депутатов. Заявление об ее обра-

зовании было оглашено в последний день Съезда. Был также избран координационный комитет группы и пять сопредседателей, ведущую роль среди которых играли А.Сахаров и Б.Ельцин. М.Горбачев перестал быть единоличным лидером реформаторского процесса, у него появились конкуренты, влияние которых стало возрастать с каждым днем.

Конфликт между Горбачевым и радикалами углублялся на протяжении всей второй половины 1989 года. Радикалы, заручившись поддержкой таких влиятельных средств массовой информации, как «Московские новости», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец», «Огонек», телевизионной передачи «Взгляд», стали вносить свои идеи в сознание десятков миллионов людей. Требования их развивались в целом в рамках идеологии демократического социализма, но в отличие от горбачевцев, радикалы все больше и больше делали упор не на перестройку, а на демонтаж существующего унитарно-казарменного социалистического государства. Как говорил один из сопредседателей Межрегиональной группы депутатов, Ю.Афанасьев: «А эта система ремонту не подлежит! Три ее кита: имперская сущность СССР, как централистского, унитарного, с вяло выраженной автономией государства; государственный социализм с нерыночной экономикой; партийная монополия. Эти три кита подлежат демонтажу, да, постепенному, да, бескровному, на основе консенсуса, а не путем очередного насилия»[7].

Осенью 1989 года политическая активность радикалов получила мощный импульс в связи с успешными «тихими» революциями в странах Восточной Европы, стремительно сокрушившими там тоталитарные коммунистические режимы. Победоносные восточно-европейские революции вдохновляли радикалов во время второго Съезда народных депутатов в декабре, когда они открыто намекали Горбачеву, что «топтание на месте» приведет его к повторению судьбы Э.Хоннекера, а то и Н.Чаушеску, расстрелянного в Румынии новой демократической властью. Ко второму Съезду народных депутатов радикалы пришли уже во всеоружии: они были сплочены, имели развернутую политическую программу. Духовным и идейным их лидером являлся академик А.Сахаров, который ввел в оборот само понятие «радикализм» и объяснил его смысл: «Единственный путь, единственная возможность эволюционного пути — это радикализация перестройки»[8].

Первое требование, выдвинутое А.Сахаровым от имени Межрегиональной группы депутатов в самом начале

Съезда, — отмена шестой, а также некоторых других статей советской Конституции, которые закрепляли за КПСС не только политическую монополию, но и руководящую роль в обществе, превращали ее в мощное государство «над государством», лишали народных депутатов возможности свободного законотворчества, препятствовали укреплению в стране многопартийности и политического плюрализма. После этого между Горбачевым, председательствовавшим на Съезде, и Сахаровым состоялся короткий, яростный диалог:

Сахаров А.Д. А что касается шестой статьи, передаю телеграммы, которые я получил.

Председательствующий. Зайдите ко мне, я Вам дам три папки, в которых тысячи таких телеграмм.

Сахаров А.Д. А у меня есть шестьдесят тысяч. Я бы Вам их передал. И 5 тысяч с копиями.

Председательствующий. Поэтому не будем «давить» друг на друга, манипулируя мнением народа. Не нужно. Пожалуйста, прошу[9].

Через два дня после спора с Горбачевым, 14 декабря, академик Сахаров внезапно скончался. После этого политическое лидерство в радикальном движении перешло к Б.Ельцину. В выступлении на Съезде Ельцин изложил уже развернутую концепцию перестройки, одобряемую радикалами. В стратегическом плане, заверил Ельцин, у него нет расхождений с выбором Горбачева: «Путь — тот, социалистический, путь обновления нашего общества». Но вот в вопросе о том, как двигаться по избранному пути, расхождения выявились весьма серьезные. Ельцин резко возразил против правительственной программы реализации экономической реформы в течение шести лет, из которых значительная часть времени должна была быть потрачена на стабилизационные меры. «Реформа и рынок немедленно, а не через шесть лет!» — таков был лозунг радикалов. Ключевым понятием в экономических предложениях Ельцина стала «деидеологизация», означавшая внедрение в экономику тех отношений собственности, которые дают наибольшую отдачу. Особое значение Ельцин придавал Закону о земле: «Землю нужно отдать крестьянам, а как хозяйствовать — колхозы, совхозы, фермерские, единоличные хозяйства — пусть крестьянин решает сам». Специальная реформа должна была разбить монополизм в экономике и создать конкурентную среду. При этом речь велась не об искусственном разукрупнении государственных предприятий, а о создании альтернативных

структур, так что возникли бы смешанная экономика и различные формы собственности: «Государственная, кооперативная, частная, основанная на коллективном владении средствами производства и другая собственность».

Своего рода «фирменным знаком» ельцинского радикализма был особый упор на борьбу с бюрократией, привилегиями и требование проводить реформы без ухудшения положения народа. Эта часть его программы была изложена компактно и доходчиво: «Правительству не удалось обуздать инфляцию. Государственный печатный станок работает в два раза быстрее, чем в застойный период. Решение правительства о повышении заработной платы работников государственного и партийного аппарата заставит его еще более увеличить обороты. И все это на фоне снижения жизненного уровня абсолютного и неимущего власть большинства населения, на фоне небывалого обнищания товарного рынка. Почему не могут все, кто имеет привилегии и льготы, сами отказаться от них, а ждут решения комиссии (Комиссия по борьбе с привилегиями была создана первым Съездом народных депутатов СССР. — Авт.), которая судя по темпам работы, может дождаться и экспроприации снизу, но уже без комиссии»[10].

Радикалы на Съезде потребовали также демонтажа «унитарного имперского государства» и образования новой добровольной федерации, предложили ряд других реформ. В конце Съезда 140 радикальных депутатов в специальном заявлении огласили, что находятся в оппозиции к большинству. Их удельный вес среди участников Съезда, как и в Верховном Совете, уже явно не соответствовал быстро возраставшему влиянию в обществе. Одним из свидетельств их реального веса в обществе являлось то, что согласно опросам общественного мнения главное политическое требование радикалов об отмене шестой статьи союзной Конституции поддерживало более половины населения, а в Москве и Ленинграде даже более 70%.

Еще больших успехов в сравнении с российскими радикалами добились к концу 1989 г. радикалы из Прибалтийских республик. Народные фронты Прибалтики, не дожидаясь решения комиссии Съезда народных депутатов СССР, объявили противозаконным пакт Молотова-Риббентропа, а следовательно противоправным и включение Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР. Лидер литовского Народного фронта «Саюдис» В.Ландсбергис в «Манифесте литовской свободы», опубликованном в «Вашингтон пост» 8 августа 1989 года,

объявил, что его организация ставит целью завоевание власти в республике и провозглашение ее полной независимости. Аналогичные цели провозгласили и Народные фронты Эстонии и Латвии. В Литве, кроме того, «Саюдис» добился раскола республиканской компартии, а большая часть последней во главе с А.Бразаускасом заявила о выходе из КПСС.

В такой ситуации Горбачев попытался расширить свой политический маневр, предпринимая отчаянные усилия, чтобы удержать лидерство в реформаторском процессе, да и политическую власть, поскольку и она во все большей степени оказывалась под угрозой. Он, как и прежде, пытался использовать методы «кнута» и «пряника» для достижения этой цели, но возможность применения «кнута» была очень ограничена, поскольку лозунги «больше демократии» и «демократия решает все» по прежнему оставались главными в его идеологии. Основным тактическим средством для Горбачева стал перехват лозунгов радикалов. Но тактика «перехвата» оставляла ему все меньше шансов на роль лидера общества и творца истории, ибо теперь он все более подлаживался под перемены, становясь пленником вышедших из-под его контроля, да и непредвиденных им исторических процессов.

В конце 1989 года Горбачев выступил со статьей «Социалистическая идея и революционная перестройка», в которой подверг самой острой критике со времени прихода к власти марксистскую ортодоксию. В статье Горбачев предстал одновременно в трех ипостасях: коммуниста, социал-демократа и либерала. Он впервые признал теоретические ошибки Маркса — в частности, недооценку возможностей саморазвития капитализма, призвал к использованию опыта социал-демократии и — что самое главное — объявил общечеловеческими классические либерально-демократические ценности: «... Однако в ажиотаже прямолинейного противостояния капитализму мы явно недооценивали значение многого, что выработано человечеством на протяжении веков. К числу таких достижений цивилизации относятся не только простые нормы нравственности и справедливости, но и принципы формального права, т.е. равенство всех перед законом, права и свободы личности, принципы товарного производства и эквивалентного обмена, основанные на действии закона стоимости»[11].

В начале следующего года Горбачев согласился уже и с требованием радикалов об отмене шестой статьи Конституции. Генеральный секретарь предложил принять новую плат-

форму КПСС, которая признавала бы политический плюрализм, многопартийность, смешанную экономику, разнообразные формы хозяйствования на земле. Делая все эти уступки радикалам, Горбачев рассчитывал и на серьезную уступку для себя: в стране должна была быть введена президентская должность, занять которую намеревался Генеральный секретарь.

Маневры Горбачева оказали минимальное воздействие на радикалов и их сторонников. Красивые слова, демократические фразы повисали в воздухе в условиях постоянно углублявшегося товарного дефицита и скрытой инфляции. С прилавков исчезали один за другим самые необходимые товары: мыло, соль, стиральный порошок, хлеб, молоко, обувь, постельное белье. На массовых митингах, собиравшихся уже во многих городах, но чаще всего в Москве, запестрели плакаты с надписями: «Спасибо вам премьер Рыжков, что я без хлеба и штанов», «Не могу участвовать в перестройке без носков» и другие в том же духе. Народ все меньше верил КПСС даже во главе с просвещенным Генеральным секретарем.

В январе 1990 года российское демократическое движение стало разрабатывать новую стратегическую линию в связи с приближавшимися выборами Съезда народных депутатов России и местных органов власти. Новая стратегия исходила из констатации очевидного: в условиях, когда большинство представителей союзных республик на Съезде народных депутатов и в Верховном Совете СССР настроены консервативно, все попытки провести радикальные реформы через всесоюзные законодательные органы тщетны. Нужно было использовать иную стратегию: попытаться с помощью выборов завоевать власть в России, объявить о ее суверенитете и проводить реформы в ней, используя более демократические, нежели в СССР в целом, настроения россиян. Для достижения этой цели 20–21 января в Москве был создан предвыборный блок «Демократическая Россия», учредителями которого стали кандидаты в депутаты от двадцати двух регионов Российской Федерации. Мозговой его центр составляли представители Межрегиональной группы народных депутатов. Платформа «Демократической России» включала набор уже известных и новых политических требований: отмена 6 статьи Конституции, ликвидация всех форм контроля партийных организаций на предприятиях и в учреждениях, прекращение их деятельности в армии, правоохранительных органах и дипломатической службе, превращение Верховного Совета

России в постоянно действующий орган, передача в его ведение одного из каналов телевидения и центральной российской газеты. В сфере экономических реформ отвергался идеологический критерий «социализм или капитализм» и предлагалось сочетание «рынка как основного регулятора хозяйства» и «системы государственных рычагов экономического регулирования, находящейся под демократическим контролем». Кроме того, провозглашалась необходимость «эффективной антимонопольной политики» и «многообразия и юридического равенства разных форм собственности: государственной, акционерной, кооперативной, частной и т.д.».

Платформа требовала «безотлагательного создания эффективного рыночного сектора», не уточняя, как это было возможно осуществить практически, и одновременно предлагала «замораживание цен и сохранение государственных дотаций на основные виды продуктов питания и потребительских товаров до тех пор, пока сам рыночный механизм не обеспечит приемлемый уровень цен»[12]. Хотя в составлении платформы принимали участие некоторые видные экономисты, она совершенно не разъясняла, как можно соединить «пламень» экономического рынка и «лед» фиксированных цен и государственных дотаций. Популистский характер платформы проявлялся ярко и в ставшем уже традиционным для радикалов обещании проводить глубокие экономические реформы без ухудшения положения населения.

20-21 января, то есть одновременно с учреждением «Демократической России», была создана еще одна радикальная политическая организация — «Демократическая платформа в КПСС». В качестве ее непосредственных организаторов выступили ректор Московской высшей партийной школы В.Шостаковский и преподаватель научного коммунизма В.Лысенко, но главными фигурами в ней стали все те же лидеры Межрегиональной группы депутатов — Б.Ельцин, Н.Травкин, Т.Гдлян. Создание «Демократической платформы» высветило еще одну новую стратегическую цель радикалов — «сверление изнутри» КПСС, объединение вокруг себя радикально настроенных коммунистов, завоевание ключевых позиций в партии, а в случае неудачи выход из нее на основе «цивилизованного развода», то есть с дележом ее имущества.

В отличие от Горбачева «Демократическая платформа» заявляла о наличии в КПСС не двух — консервативного и реформаторского, а трех направлений. Первым направлением объявлялось консервативно-сталинское, вторым — псевдо-

реформаторское во главе с самим Горбачевым и третьим — радикально-реформаторское. Радикально-реформаторское направление, оно же Демплатформа, ставило задачу преобразования КПСС в партию парламентского типа, что предполагало ее отказ от притязаний на руководящую роль в обществе, выполнения государственных функций и неизбежно влекло за собой департизацию всех предприятий, учреждений, институтов, то есть ликвидацию там партийных комитетов и партийного контроля.

Сторонников «Демократической России» и «Демократической платформы в КПСС» тогда стали называть не только «радикалами», но также и «левыми». По поводу первого названия у их оппонентов возражений не возникало, а вот в праве именоваться «левыми» они радикалам решительно отказывали. При этом указывалось, что левыми во всем мире называют коммунистов и иных противников капитализма, а российские радикалы хотят разрушить советский социализм, а потому могут называться только «правыми». Но дело в том, что радикалы, выступая за демонтаж советского социалистического строя, не были тогда противниками вообще социализма, их большинство во главе с Ельциным выступали от имени социализма с «человеческим лицом» и требовали, по сравнению с Горбачевым, еще большей, максимальной демократизации экономики, социальных отношений, политики. А по классическим меркам, сложившимся в период Великой французской революции конца XVIII века, левыми назывались именно сторонники наибольшей демократии. Так что определенные основания у российских радикалов именоваться левыми были. Но верно и то, что левыми в XX веке во всем мире стали называть в первую очередь социалистов и коммунистов, так что по мере того как радикалы отходили от их принципов, определение «левые» в отношении них становилось уязвимым.

Стремительный подъем радикального движения явно застал Горбачева врасплох и, при всем его искусстве политического маневра, Генеральному секретарю не удавалось справиться с радикализмом с помощью столь дорогих ему методов увещеваний и компромиссов. Его «мягкотелость» вызывала все большее раздражение партийных консерваторов, а в начале февраля 1990-го года на пленуме ЦК КПСС они дали Горбачеву самый жесткий «бой» за весь период пребывания его у власти. Консерваторы обвинили Горбачева в том, что «в стране создан режим неограниченной свободы для деятель-

ности различных антисоциалистических, экстремистских, националистических группировок», в том, что он самоустранился от политической борьбы и в том, что ему «все приятнее встречаться с улыбчивыми толпами на улицах западных столиц, нежели со своими угрюмыми соотечественниками». Горбачеву, Шеварднадзе, А.Яковлеву было так же предъявлено обвинение в провале всех экономических реформ, развале Варшавского договора и отходе от коммунистической идеологии. Защитников у Горбачева в этот раз было мало, как никогда, да и те выступали робко и двусмысленно, как например, академик Е.Велихов, заявивший, что предпочел бы, чтобы в СССР «было две коммунистические партии, стоящие на той же социалистической платформе, чем какая-то еще одна партия, конкурирующая с коммунистической»[13].

Впервые перед Горбачевым столь остро встал вопрос о необходимости выбора между консерваторами и радикалами. Он был сделан в пользу консерваторов. После этого предстояло принять ряд решительных мер в отношении радикалов, большинство из которых продолжали состоять в КПСС. Организуя антирадикальную кампанию, Горбачев предпочел остаться за кулисами политической схватки. Его имя ни разу не упоминалось в серии погромных статей против «Демократической платформы», опубликованных в «Правде». Эти статьи были восприняты как руководство к действию партийными комитетами, и в течение весны 1990-го года около 30 сторонников «Демократической платформы» были исключены из КПСС. Впрочем, самых известных радикалов среди исключенных не было, а некоторые их лидеры, в том числе Б.Ельцин, были даже избраны делегатами XXVIII съезда КПСС, которому предстояло собраться в июле. Горбачев вновь демонстрировал приверженность не только тактике «кнута», но и «пряника», от которой ему невозможно было отказаться и в силу характера, и в силу политических обстоятельств. Среди политических обстоятельств главным было выдвижение Генерального секретаря кандидатом в первые президенты на третьем Съезде народных депутатов СССР, в котором было уже весьма ощутимо влияние радикалов.

Третий Съезд народных депутатов, состоявшийся в середине марта, начался с изменения 6-ой и некоторых других «партийных» статей Конституции, что вполне удовлетворило ряд радикалов. Когда приступили к обсуждению вопроса о выборах Президента СССР, радикалы разделились на две части: первая поддерживала избрание Президента Съездом,

а другая настаивала на том, чтобы выборы носили всенародный характер. Стремление части радикалов во главе с А.Собчаком и Н.Травкиным к незамедлительному избранию Президента СССР объяснялось их стремлением защитить «державные» интересы: в канун Съезда Верховные Советы прибалтийских республик приняли декларации независимости и заявили о выходе из Советского Союза, что по мнению радикалов — «державников» создавало угрозу распада СССР. Эта часть радикалов готова была поддержать избрание президентом Горбачева. Другие радикалы обвинили Горбачева в чрезмерных политических амбициях и стремлении узурпировать власть в стране.

Против кандидатуры Горбачева выступила и часть консерваторов, при чем в этот раз не из партийной верхушки, а из съездовской фракции «Союз», объединявшей депутатов, сторонников сохранения СССР как сильного централизованного государства. Альтернативные Горбачеву кандидатуры были предложены одним из лидеров фракции, полковником из Латвии В.Алкснисом. Самую же злую филиппику против Горбачева произнес депутат из Кемеровской области Т.Авалиани. Он обвинил Горбачева в пустословии, неумении решить ни одной из намеченных задач, развале экономики и государственных институтов. Самый чувствительный удар по Горбачеву был нанесен в конце его выступления: «А о том, что он не справится с этой работой, я писал еще в ноябре 1985 года, можете поднять архивы. И там как раз говорилось о Вашей нерешительности, о том, что Вы будете метаться туда и сюда, а в это время произойдет то, что мы имеем сегодня»[14].

В конце концов Горбачеву удалось добиться избрания президентом, но проголосовало за него менее 60% депутатов. Популярность его была низка, как никогда, и в случае всенародных выборов поддержка Горбачева могла оказаться еще меньше. Именно это, по мнению оппонентов, и побудило его избираться президентом на Съезде, а не всенародно. Но отказавшись от всенародных выборов, Горбачев тем самым лишил свой пост необходимой легитимности, а себя — возможности апеллировать к «гласу народа». И уже это в серьезной степени обрекало на неудачу его президентскую деятельность.

Последовавший его провал в качестве президента объяснялся и другими обстоятельствами. Одно из них заключалось в том, что крах всех его предшествующих экономических реформ, многие политические неудачи породили у Горбачева

губительный для реформатора комплекс — страх новых радикальных начинаний. И если вступая в 1985 году в должность Генерального секретаря, Горбачев предложил целую серию реформ, то заняв президентскую должность, он не смог фактически выдвинуть ни одной новой идеи. Лейтмотив его выступления на первом президентском Совете мог бы быть выражен в двух словах — «реформы не работают».

Речь президента напоминала длинную жалобу на то, что результаты реформ были противоположны задумкам: права, которые были переданы предприятиям с целью создания рыночных отношений и конкуренции привели к «серьезным перекосам в политике доходов, инвестиционной и ценовой политике, к дезорганизации рынка»; вместо товарно-рыночных отношений между предприятиями стали устанавливаться прямые связи, носящие по преимуществу дорыночный, натуральный характер; вместо насыщения рынка товарами углубился их дефицит. В чем заключался выход из острокризисной ситуации? На этот вопрос ответа у президента не было. Единственное его новое предложение — «принятие в Верховном Совете Закона о местном самоуправлении, который дал бы все необходимые полномочия местным органам» — могло восприниматься как желание переложить «боль» за дела в стране из своей головы в чужую. Но для чего в таком случае понадобилось столь спешно создавать пост президента?

Острый кризис доверия к Горбачеву, его неспособность к эффективному руководству страной и контролю над общественно-политической ситуацией проявились и в провале многочисленных президентских указов, направленных на прекращение национальных конфликтов в разных частях страны, и в неудачной попытке изменить принципы ценовой политики, «отпустив» хотя бы частично цены на хлеб с 1 июля, и в его поражениях в борьбе с политическими оппонентами как «справа», так и «слева».

Наиболее чувствительными оказались удары, нанесенные ему политическими противниками в июне. Консерваторы, добившиеся преобладания на учредительном съезде Российской коммунистической партии, сумели избрать ее первым секретарем И.Полозкова, взгляды которого мало отличались от «принципов» Н.Андреевой. А радикалы добились избрания председателем нового Верховного Совета Российской Федерации Б.Ельцина. Верх в общественно-политическом развитии все чаще и чаще брали «крайности», а политическая роль

Горбачева, формально сосредоточившего в своих руках все высшие должности — Генеральный секретарь, Президент, Верховный главнокомандующий! — все более уменьшалась.

Зато влияние радикалов неуклонно возрастало. В марте 1990 года они сумели добиться серьезных успехов в ходе выборов народных депутатов России, московского и ленинградского Советов. Их лидеры, Б.Ельцин, Г.Попов, А.Собчак возглавили органы государственной власти соответственно в Российской Федерации, Москве и Ленинграде. Российское правительство было сформировано из сторонников Ельцина и приступило к подготовке программы радикальных экономических реформ. Правда, второй стратегический замысел радикалов — раскол КПСС и образование на основе ее демократической части новой партии — успеха не имел.

Попытка «взрыва» КПСС «изнутри» была предпринята радикалами во главе с Ельциным на XXVIII съезде КПСС в начале июля. Ельцин, объявивший в своем выступлении, что «большинство рядовых коммунистов связывает будущее партии с демократическим крылом», предложил переименовать КПСС в партию демократического социализма, допустить в ней свободу фракций, провести ряд реформ, отстаивавшихся «Демократической платформой». После того, как его предложения были отклонены, Ельцин заявил о выходе из КПСС и покинул съезд.

За лидером последовали другие радикалы. Одними из первых ряды КПСС покинули председатели Московского и Ленинградского городских Советов Г.Попов и А.Собчак. Затем о выходе из КПСС объявили 54 народных депутата России, среди них Е.Амбарцумов, В.Шейнис, С.Юшенков. В коллективном заявлении они провозгласили: «XXVIII съезд КПСС не оправдал ожиданий демократических сил в партии и обществе. Надежды на преобразование КПСС в парламентскую демократическую партию оказались иллюзорными.... Мы призываем всех сторонников демократического обновления страны к объединению в широком общественном движении «Демократическая Россия». Предлагаем провести осенью 1990 года Демократический конгресс для создания широкой политической коалиции, способной защитить коренные интересы народов России»[15]. С выходом радикалов из КПСС закончился первый период российского демократического движения, когда оно в целом питалось идеалом социализма «с человеческим лицом». На смену ему пришел новый, антикоммунистический период.

Еще в мае 1990-го года некоторые демократы предприняли попытки создания политических партий, оппозиционных КПСС. В начале образовалась российская Социал-демократическая партия во главе с О.Румянцевым, А.Оболенским и П.Кудюкиным, затем Демократическая партия, лидером которой стал Н.Травкин, исключенный незадолго до того из КПСС, а также Конституционно-демократическая, Христианско-демократическая, Социалистическая, Республиканская, ряд других партий. Большинство их объединились в движении «Демократическая Россия». Общим знаменателем партийных платформ, способствовавшим объединению, стал антикоммунизм. Эта формула объединения, ставшая новой стратегической установкой радикального движения, нашла выражение в обращении оргкомитета по созданию движения «Демократическая Россия»: «Замена модели «демократы в КПСС + демократы вне КПСС против консерваторов в КПСС» характерной для недавнего однопартийного прошлого, на куда более естественную модель «демократы вне КПСС, с одной стороны, КПСС — с другой стороны», неизбежна для начинающейся многопартийной реальности»[16].

Новые партии отвергли не только коммунизм, но даже социалистический принцип в любом его виде и стали высмеивать, как нелепость, попытку Горбачева спасти верность страны социализму хотя бы на основе принятия аморфной перспективы «социалистического выбора». «Никакого коммунизма, никакого социализма!» — таков был их новый боевой клич. Все они объявили себя приверженцами идеологической альтернативы социализма — либерализма. «Больше либерализма!» — под этим лозунгом соперничали уже между собой новые партии.

Одна из первых среди этих партий, Социал-демократическая, вопреки своему названию и опыту западной социал-демократии, объявила основой своей идеологии не социализм, а «либерализм плюс гуманное решение социальных проблем». «Перед нами стоит задача, противоположная стоящей перед социал-демократами Запада, — пояснял член правления СДПР В.Кардаильский. — Они социализируют капитализм, мы — капитализируем социализм». Другой лидер партии, О.Румянцев, не скрывал и политической подоплеки этой пролиберальной, а не социалистической ориентации партии: «Мы отказались от слова «социализм», чтобы не мозолить никому глаза. Это принесет нам гораздо больше шансов на победу на будущих выборах, ибо «демократический социа-

лизм» будет ассоциироваться у многих избирателей с уловками КПСС»[17].

Другая влиятельная новая партия — Демократическая партия России — декларировала приверженность чистому либерализму еще более решительно. Ее лидер, бывший член ЦК КПСС Н.Травкин, объявил коммунизм и социал-демократию явлениями одного порядка и из двух моделей капитализма — шведской и американской — отдал предпочтение последней: «Наша партия — партия однозначно демократического толка. При этом она весьма отличается от партий коммунистического, социал-демократического направлений. Они ставят себе целью социальную справедливость, а методом достижения — прежде всего распределение. Этот путь уже пройден до конца нашей страной, и, когда ссылаются на опыт Швеции, я отвечаю, что и она на полпути к этому. Справедливое распределение приводит в тупик». В американском же опыте Травкина особенно привлекала рейганомика — именно ее рецепты воспринимались им в качестве образцовых при рассмотрении вопросов о формах и пределах государственного регулирования, налоговых ставках и т.д.[18]

Социализм в любом виде отвергла и Республиканская партия, созданная на основе «Демократической платформы в КПСС». И уже, безусловно, чисто либеральными объявили себя партии Конституционно-демократическая и Христианско-демократическая, созданные людьми, прежде в КПСС не состоявшими (один из лидеров конституционных демократов не преминул заявить, что его партия, безусловно, либеральнее партии Н.Травкина)[19].

Стремительный, свершившийся буквально в течение нескольких месяцев 1990-го г. переход радикалов на антикоммунистические позиции, их не просто отход от социалистического идеала, а его решительное осуждение, как и незамедлительное восприятие радикалами принципов либерализма заслуживают осмысления и объяснения. Ведь эта трансформация, а по сути мировоззренческая революция, превратившая «левых» в «правых», произошла у людей, большинство из которых многие годы были членами КПСС. Ее правильное понимание дает ключ к объяснению если не всех, то многих последующих перипетий современной российской истории, ибо ведущее место в ней с 1990-го г. заняли именно радикалы.

На первый взгляд, разъединение социалистических и либеральных принципов может показаться вполне естественным, логичным преодолением прежней «болезни роста» ради-

кального движения. Однако обращение к опыту западной цивилизации обнаруживает, что там либерализм в XX веке не отторгал социализма, а развивался на основе собственной социализации. Так что следование этому опыту, что составляло одну из основ российского демократического движения, отнюдь не предполагало столь категоричного отбрасывания «социалистического выбора». Это произошло по иной причине — в силу логики и особенностей политической борьбы в России.

К 1990 г. стало очевидно, что КПСС, которая первой устами своих реформаторских лидеров декларировала идеалы гуманного демократического социализма, не способна следовать им сама и тем более воплощать их в жизнь. И, хотя руководство КПСС продолжало предпринимать мощные политические маневры, — программное заявление «К гуманному, демократическому социализму», одобренное в июле 1990 г., было основано на социал-демократических и еврокоммунистических источниках, — это уже мало кого могло обмануть. О компартии судили не по идеологическим декларациям, а по политической практике, не подтверждавшей ее способности осуществлять глубокие общественные перемены, а главное, меняться самой. Все попытки радикальных политиков, членов КПСС, воздействовать на нее «изнутри» в первой половине 1990 г. провалились. А вместе с этим и вследствие этого последовал переход радикалов на позиции антикоммунизма: КПСС стала для них врагом, борьба с которым не допускала никаких компромиссов. Результатом подобного политического поворота стало и решительное осуждение радикалами социалистического идеала, поскольку он занимал тогда первое место в программных документах КПСС.

Другой причиной резкого «поправения» российских радикалов в 1990 г. стали прокатившиеся в конце 1989 г. мощные, стремительные и победоносные антикоммунистические революции в Восточной Европе. Они показали, что антикоммунизм пользуется широкой поддержкой в массах и что политические победы может принести не половинчатая либерально-социалистическая позиция, а бескомпромиссное отрицание «реального социализма». Этот урок и воплотился в политической стратегии и идеологии российских радикалов.

Решительный разрыв радикалов с социалистической идеей был, таким образом, не результатом глубокой мировоззренческой эволюции, а следствием политических перипетий 1989-1990 гг. Это внезапное обращение в «чистых либералов»,

усилившее их шансы в борьбе с КПСС, заключало в себе и очевидную опасность, которая могла и должна была проявиться в будущем. Дело в том, что массы россиян, решительно отвернувшиеся в тот период от официальной социалистической идеологии и обнаружившие желание жить, « как на Западе», отнюдь не избавились от ментальности, исполненной уравнительных настроений и представлений о социальной справедливости, созвучных не либерализму, а социализму. Решительный поворот радикалов к «чистому либерализму» означал и серьезный их отрыв от социально-экономических и социально-культурных реалий России, который рано или поздно должен был дать знать о себе.

Но в 1990 г. чистый либерализм казался не «журавлем в небе», а «синицей в руке», он был тем клином, которым можно было беспощадно «выбить» из общества коммунистическую идеологию и сокрушить КПСС, и радикалы подхватили его как главное политическое оружие. Веру в антикоммунизм и либерализм исповедывали тогда не только движение «Демократическая Россия» и входившие в него партии, но также самые влиятельные средства массовой информации. Да и в массовом общественном сознании, резко повернувшем «вправо» с 1989-го г., культ либеральной западной цивилизации и одновременно отрицание реального социализма достигли в 1990 г. высшей точки. Согласно опросам общественного мнения, 32 процента респондентов считали образцом для подражания США (в 1989 г. — 28%, в 1991 — 25%, а в 1992 — 13%), так же 32 процента Японию (в 1991 г. — 28%, в 1992 г. — 12%), 17 процентов — Германию, 11% — Швецию, и только 4 процента — Китай![20] Страна хотела совершить модернизацию по западной либеральной, а не по китайской модели. И радикалы вняли ее гласу.

IV

ЦЕНТРИЗМ ПО ГОРБАЧЕВУ: ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

Понятие «центризм» Горбачев впервые использовал во всеуслышанье и обосновал в качестве собственной стратегии в феврале 1991 года. «Центр в моем понимании, — заявил он, — это направление, ставящее целью преобразовать общество на новых началах, предлагающее ему революционную перспективу, но не на основе противопоставления одной части другой, не на основе конфронтации, тем более объявления врагом противостоящей стороны, а на основе сплочения подавляющего большинства общества». Защищая центризм, Горбачев сослался на авторитет А.Солженицина, которого пытались использовать в качестве знамени и «правые», и «левые», но который, по утверждению Генерального секретаря ЦК КПСС, был именно его идейным союзником: «Центру всегда труднее. Здесь я хочу согласиться с Александром Исаевичем Солженицыным, который сказал об этом метко, с большой художественной силой. Давайте еще раз вспомним эти слова в контексте сегодняшнего положения. «Труднее всего прочерчивать среднюю линию общественного развития: не помогает, как на краях, горло, кулак, бомба, решетка. Средняя линия требует самого большого самообладания, самого твердого мужества, самого расчетливого терпения, самого точного знания».

По традиционным коммунистическим канонам понятие «центризм» звучало кощунственно: для большевиков центристы всегда были худшими врагами, нежели даже правые. И тем не менее Горбачев пошел на это идеологическое нововведение, совершив тем самым серьезнейшее отступление от ленинского наследия. Идеологическая новинка Генерального секретаря никого, однако, не ошеломила: ведь в политических кругах его уже давно считали и называли центристом. Во всей полноте горбачевский центризм проявился в предшествующем, 1990-ом году, тогда же, когда во весь рост выступили, оформились организационно и идеологически «крайности» радикализма и консерватизма и когда от

Генерального секретаря потребовалось продемонстрировать искусство их сдерживания и способность собственного политического выживания.

Это была очень нелегкая задача, ибо главный политический соперник — радикализм во многих отношениях пользовался уже большим политическим влиянием, нежели Горбачев и его окружение. Существенно упрочил свои позиции и консерватизм, который, как и прежде, был представлен двумя направлениями — ортодоксально-коммунистическим и державно-патриотическим.

Организационное оформление ортодоксально-коммунистического направления произошло в первой половине 1990-го года. Российские консерваторы пошли на обходный маневр против партийных реформаторов: поскольку оттеснить Горбачева и горбачевцев от руководства КПСС оказалось невозможно, они выступили с инициативой создания Российской коммунистической партии, которую предполагали превратить в главный оплот консерватизма.

Ядром формирования Российской коммунистической партии стал Ленинград. Еще в июне 1989 г. ленинградские коммунисты-ортодоксы объявили о создании Объединенного фронта трудящихся (ОФТ), а в январе 1990 года на его втором съезде заявили о необходимости скорейшей организации Российской коммунистической партии. Настойчивые усилия ленинградских консерваторов, создавших уже в апреле мощный инициативный комитет по проведению российского коммунистического съезда, застали Горбачева врасплох: он публично посетовал на то, что ленинградцы действуют без всяких консультаций с ЦК КПСС. А.Яковлев откомментировал действия ленинградских коммунистов с еще большей тревогой: КПСС столкнулась с угрозой раскола, в результате чего консервативная опасность могла превратиться в мощную организованную силу, а реформаторы резко ослаблены[2].

Учредительный съезд Российской компартии состоялся в июне в Москве. Ленинградские делегаты вели себя на съезде крайне агрессивно, а их лидер, В.Тюлькин, в своих оценках не оставил никаких сомнений относительно намерений консерваторов: «Мы долго стеснялись называть вещи своими именами. Правда, в последних документах стали наконец появляться слова: «ликвидаторы», «социал-демократы»... Социал-демократическое движение, по моему убеждению, — движение реакционное... В программе социал-демократов есть тенден-

ции, направленные на эксплуатацию человека человеком и на использование наемного труда... Модный лозунг «Вся власть Советам!» используется ныне для дискредитации партии, устранения ее с политической арены. Эту же цель преследуют так называемые многопартийность, плюрализм. Необходимо давать всему подобному классовую, партийную оценку»[3].

Позиция Тюлькина и его единомышленников вынудила горбачевцев к контрмерам, которые увенчались частичным успехом. Ленинградской группе не удалось захватить власть в руководстве Российской компартии, ее первым секретарем был избран И.Полозков, партиец более умеренных взглядов, нежели Тюлькин, и, по крайней мере внешне, лояльный по отношению к Горбачеву. В центральный комитет Российской компартии попало несколько человек, близких Горбачеву, но в целом в ее руководстве преобладали консерваторы. Со временем консервативная линия Российской компартии усиливалась, став для Горбачева постоянной «головной болью».

И.Полозков, бывший до избрания первым секретарем ЦК РКП руководителем партийной организации Краснодарского края, поставил своей главной целью «остановить перерождение перестройки в антисоциалистическом и антинародном направлении». Врагом N 1 он объявил радикалов, которые, как доказывал лидер российских коммунистов, сумели «занять господствующие позиции в средствах массовой информации», увлекли за собой «немалую часть граждански активных людей» и направили «обновленческие устремления общественности по ложным ориентирам». Горбачева же Полозков никогда не критиковал. Публично и Горбачев ни разу не высказал каких-либо замечаний в адрес Полозкова, отношения между ними были вполне мирными, так что по видимости горбачевский центризм уживался с консервативной «крайностью». Но в идеологическом плане контрасты между позициями Горбачева и Полозкова были ощутимы. Полозков решительно отвергал горбачевскую концепцию «общечеловеческих ценностей», доказывая, что общечеловеческими являются ценности передового класса, то есть пролетариата. Он подчеркивал, что РКП отстаивает классовый подход, то есть интересы тех, кто «сидит на зарплате». Величайшим бедствием для России Полозков считал то, что она в силу политической близорукости интеллигенции попала под влияние Запада. Лидер российских коммунистов не отрицал необходимости «коренной модернизации общества», но утверждал, что «командные высоты в экономике» и земля ни в коем случае не

должны оказаться в частных руках. Все эти взгляды Полозков активно высказывал не только в «Советской России», но и в «Правде», которая формально являлась «горбачевской» газетой.

Ведущим идеологом РКП был все же не Полозков, а профессор политэкономии Высшей профсоюзной школы А.Сергеев. Сергеев одним из первых попытался соединить коммунистическую идею с почвенничеством. Коммунистический идеал, утверждал он, привнесен в Россию не извне, а вытекает из ее исконно коллективистского сознания. Российский народ, следовательно, «врожденный» социалист, который в силу генетических свойств включает в национальные идеалы: «полную занятость (безработица противоестественна, аморальна); отсутствие голодных и обездоленных (юродивым — милосердие, бродягам — призрение); общественную заботу о больных и слабых; эффективную помощь талантам из «низов», ненависть к «мироедам» и презрение к сверхбогатству; неприятие самовоспроизводящегося, оторванного от народа и не понимающего его нужд чиновничьего аппарата». Как экономист, Сергеев считал, что сутью российской модернизации должна стать «советизация экономики», что предполагало, во-первых, превращение Советов в представительство трудовых коллективов, во-вторых, признание Советов в качестве «единых и единственных субъектов социалистической собственности и хозяйствования», в-третьих, передачу непосредственного управления производством в руки трудовых коллективов. Одной из излюбленных для Сергеева стала идея о «трех рынках» — товаров, капиталов, труда: первый должен был быть воспринят, а последние два решительно отвергнуты (он однако, ни разу не разъяснил, как мог развиваться товарный рынок при отсутствии рынков труда и капиталов)[5].

Еще одним заметным деятелем РКП стал Г.Зюганов. Его «коньком» была идея о том, что процесс общественных перемен в СССР направляется, в первую очередь, силами мирового империализма. В выступлении на 7-м съезде писателей РСФСР он пытался с ее помощью установить смычку с патриотически настроенной аудиторией: «Сегодня стало очевидным, что в политический процесс нашего государства все больше вмешиваются силы извне, для которых совершенно безразлично, кто будет управлять — коммунисты или демократы, консерваторы или либералы. Он ведут крупную игру, ставка в которой — наша великая держава, Союз Советских

Социалистических Республик. Ничего нового в этой политике нет, еще 20 лет назад, начиная идеологическую деятельность, я изучал крупнейшие труды западных теоретиков. Уже тогда они предельно откровенно и цинично ставили задачу представить СССР как последнюю и самую хищную империю на земле, изобразить нашу страну таким же злодеем, как и фашисты, раскрутить гонку вооружений и подорвать социальные программы, дегероизировать советское население, возродить национально-религиозный экстремизм и, опираясь на это, взорвать наше отечество изнутри»[6].

Российская коммунистическая партия, бросившая вызов Горбачеву, все же удерживалась им под контролем. Центристская тактика Горбачева в отношении РКП соответствовала классическим канонам, которые в свое время были охарактеризованы Лениным: сохранение организационных связей и политического альянса при наличии серьезных идейных разногласий. Впоследствии Горбачев, оправдывая альянс с российскими консерваторами, говорил, что благодаря этому коммунисты-ортодоксы не могли получить настоящей «свободы рук» и нанести ощутимый ущерб курсу реформ. Но в глазах многих сторонников реформ такой мотив был мало убедителен: Российская коммунистическая партия с самого начала не пользовалась сколько-нибудь массовой поддержкой, даже большинство российских коммунистов отмежевались от нее, предпочитая считаться членами горбачевской КПСС, а не полозковской РКП. Многие сторонники реформ предпочитали, чтобы Горбачев открыто порвал и с РКП и с консервативной частью КПСС, последовав примеру А.Бразаускаса, который в Литве пошел на полный разрыв с консерваторами. Этого не произошло, Горбачев не решился стать советским и российским «Бразаускасом», что в исторической ретроспективе выглядит как политический просчет.

В державно-патриотическом направлении консерватизма, как и в коммунистическом, в 1990-ом году произошли важные изменения. Ведущую позицию в нем заняла фракция «Союз», оформившаяся в рамках Верховного Совета и Съезда народных депутатов СССР. Влияние фракции постоянно возрастало, она заявляла, что ее поддерживают не менее пятисот народных депутатов, а в конце 1990-го года на основе фракции сформировалось даже всесоюзное политическое объединение «Союз». В отличие от Российской коммунистической партии фракция «Союз» постоянно держала Горбачева под огнем жесткой критики, первой выступила с предложением об

отстранении его от должности президента, регулярно выдвигала ему всевозможные ультиматумы, каждый раз угрожая за неповиновение импичментом, смысл которого, как и сам термин, несмотря на их американское происхождение, патриотическая фракция восприняла с большим одобрением. Лидерами фракции выступали члены депутатского корпуса полковники Н.Петрушенко и В.Алкснис (оппоненты из числа радикалов окрестили их «черными полковниками» и «ястребами»), а также Е.Коган и Ю.Блохин.

Главное обвинение, выдвинутое фракцией «Союз» против Горбачева, состояло в том, что он развалил великую державу, чего не удалось сделать иностранным интервентам от Наполеона до Гитлера, превратив ее во второстепенное государство, в перспективе колониальный придаток Запада. На Горбачева и министра иностранных дел Шеварднадзе возлагалась главная ответственность за ликвидацию Варшавского договора, разрушение традиционных союзнических связей СССР, биполярной системы международных отношений, в результате чего на мировой арене утвердился безраздельный диктат США. Фракция решительно отвергала внешнеполитические концепции Горбачева, как утопические и пораженческие, высмеивала его идеи «общеевропейского дома», как детскую фантазию, доказывая, что и в европейский «дом», и в мировое сообщество Запад СССР на условиях равного партнерства никогда не впустит.

Особенно жесткой критике Горбачев подвергался за потворствование процессу «разбегания» республик из СССР, неспособность погасить «горячие точки» в Нагорном Карабахе и других регионах, нежелание принимать решительные меры по защите русских и русскоязычного населения, проживающих вне Российской Федерации. Фракция настаивала на введении прямого президентского правления во всех неспокойных или угрожающих отделением регионах СССР, а со временем стала добиваться введения чрезвычайного положения на территории всего Советского Союза ради его спасения[7].

Одним из часто используемых фракцией «Союз» аргументов был тот, что Горбачев, провозгласивший политику гласности, никогда не выносил на широкое демократическое обсуждение свои внешнеполитические акции и международные договоры. Не ограничиваясь этим, лидеры фракции доказывали, что рукой Горбачева «водил» международный империалистический альянс, злой воле которого приписывалась также организация тех Народных фронтов, которые

выступали за ликвидацию СССР. Фракция «Союз» решительно осуждала все эти Народные фронты и поддерживала оппозиционные им Интерфронты, комитеты национального спасения и другие организации, которые создавались в союзных республиках, в первую очередь в Прибалтике, в целях удержания их в составе СССР. Весомой поддержкой «Союз» пользовался в армии, КГБ, в целом в силовых структурах. Центристская тактика Горбачева в отношении «Союза», попытки умиротворить его практически не срабатывали. В лице этого объединения советский президент приобрел одного из самых жестких политических противников.

Кроме РКП и фракции «Союз» среди консервативных объединений, возникших в 1990-ом году, были и более мелкие, такие как общество «Единство — за ленинизм и коммунистические идеалы», созданное Н.Андреевой, «Марксистская рабочая партия — партия диктатуры пролетариата», молодежная организация «Коммунистическая инициатива» и другие. Кроме того на консервативном фланге была заметна активность Союза писателей РСФСР во главе с Ю.Бондаревым, А.Прохановым и С.Куняевым. Из крайне националистических формирований по-прежнему выделялась «Память».

Новым явлением в развитии консерватизма было усиление в нем сторонников монархизма. Консервативные издания все чаще и охотнее публиковали материалы, в которых восхвалялись успехи монархической России в десятилетие перед Октябрьской революцией, доказывалось, что по производству промышленной и сельскохозяйственной продукции Россия тогда уверенно догоняла США и другие страны Запада и что это впечатляющее «ускорение» российской истории было прервано большевистским переворотом. Монархисты из числа консерваторов, как это не парадоксально, перекликались с рядом демократов, восторгавшихся предреволюционной Россией, Николаем II и особенно А.Столыпиным. Не случайным было появление таких политических фигур, как телекомментатор А.Невзоров или кинорежиссер С.Говорухин, которые, с их преклонением перед предреволюционной Россией и антибольшевизмом, воспринимались как «свои» и среди консервативных поборников дома Романовых и среди монархически настроенных демократов.

Отношение Горбачева к различным течениям и тенденциям консерватизма было неодинаковым. Крайних националистов и монархистов он «не замечал», с державниками типа фракции «Союз» вел дискуссию, а то и политическую борьбу,

с РКП взаимодействовал, но в тоже время сохранял в отношении ее руководства «дистанцию», как бы показывая, что Полозков, Сергеев, Зюганов и он — это не одно и то же. Критика консервативной опасности для реформаторского курса была ритуальной в выступлениях Горбачева 1990—1991 гг., но все же его политические маневры того периода свидетельствовали, что главную угрозу для себя он видел не в консерватизме, а в радикализме. Если с партийными консерваторами Горбачев сохранял организационное единство вплоть до ухода с исторической арены самой КПСС, то радикалов стали исключать из нее с весны 1990-го года, а летом в компартии их вообще не осталось. В мае-июне 1990 года во время избрания председателя Верховного Совета РСФСР Горбачев открыто и резко выступил против кандидатуры лидера радикалов Ельцина, но явно поддержал кандидатуру И.Полозкова. Вообще личная, переросшая в патологическую, неприязнь Горбачева к Ельцину стала одной из главных причин его негативного отношения к радикалам в целом.

Но при всем негативном отношении Горбачева к радикалам политические маневры в отношении них со стороны Генерального секретаря не сводились только к попыткам их подавления. В ряде случаев, когда того требовало его политическое самосохранение, как, например, во время обсуждения программы «500 дней» или в период Новоогаревского процесса, Горбачев шел даже на тесные политические контакты с Ельциным. В стремлении нейтрализовать радикалов он продолжал использовать и тактику «перехвата» их лозунгов и идей, вследствие чего идеологически он по многим вопросам был ближе к радикалам, нежели к консерваторам. В целом же суть горбачевского центризма могла бы быть выражена следующим образом: если не быть впереди, то не отставать от радикалов идеологически, пытаясь выглядеть духовным лидером перестройки, политически же и организационно поддерживать альянс с консерваторами, дабы сохранить численное превосходство над теми же радикалами.

Для понимания политической стратегии Горбачева важно учитывать, что для него огромное значение имела поддержка Запада, предполагавшая не только сохранение, но и развитие им либерально-демократического имиджа. И он успешно справлялся с этой задачей, доказательством чему было то, что запад в 1990-ом, и в 1991-ом году продолжал делать ставку на него, а не на Ельцина как лидера либеральных реформ в России. Особенно настойчиво Горбачев демонстрировал свой

прогрессизм во время зарубежных турне. В ходе своего визита в США в июне 1990 года, то есть тогда, когда Ельцин уже был избран Председателем Верховного Совета РСФСР, Горбачев не только объявил, что СССР и США — «одна цивилизация», но и заявил об окончательном признании им теории конвергенции социализма и капитализма[8], в которой российские коммунисты во главе с Полозковым и Зюгановым видели происки буржуазной пропаганды.

Стратегическая линия Горбачева воплотилась в резолюциях XXVIII съезда КПСС, состоявшегося в июле 1990 года и оказавшегося последним в ее истории. Одобренная съездом платформа «К гуманному демократическому социализму» казалась слепком с программных документов социал-демократии и еврокоммунистов. В ней признавались плюрализм разных видов собственности, включая даже «трудовую частную собственность», гражданское общество, разделение властей, необходимость развития рынка, конкуренции и предпринимательства и провозглашались некоторые цели, которые прямо отрицали заветы Маркса и Ленина. Как иначе можно было, например, расценить требование «упрочения правового государства, в котором исключается диктатура какого-либо класса, партии, группировки»[9]? Одержав идеологическую победу над консерваторами, Горбачев вместе с тем сохранил с ними политический альянс, в то время как все радикалы покинули КПСС именно во время работы съезда.

В августе—сентябре Горбачев совершил новый политический маневр, один из самых неожиданных за весь период его пребывания у власти. Летом 1990 г. в Верховном Совете и правительстве России, контролируемых радикалами во главе с Ельциным, был разработан план радикальной экономической реформы, ставший известным как программа «500 дней». То была программа резкого прорыва в рыночные отношения, созвучная проводившейся тогда в Польше экономической «шокотерапии». В течение первой половины срока намечались перевод предприятий на принудительную аренду, широкомасштабная приватизация и децентрализация экономики, введение антимонополистического законодательства. В течение второй половины предполагалось снятие в основном государственного контроля за ценами, допущение глубокого спада в базовых отраслях экономики, регулируемой безработицы и инфляции в целях резкой структурной перестройки экономики. К концу срока разработчики программы обещали наступление экономической стабилизации по всем основным

показателям. Российская программа резко контрастировала с горбачевским планом поэтапного, в течение нескольких лет, введения рынка, она была связана с именем его главного политического соперника, Ельцина, и тем не менее Горбачев, поразив своим решением очень многих, особенно своих консервативных союзников, пошел на контакт, взаимодействие и поиск компромисса с ее авторами.

Идеи программы «500 дней» не были каким-то откровением для Горбачева. Они выдвигались не только радикалами. В союзном правительстве сторонники реформ еще в апреле разработали программу, которая предполагала разом включить механизм рыночного регулирования, предоставить свободу рук предприятиям в формировании производственных связей, начать энергичное разгосударствление собственности. Однако Президентский Совет и Совет Федерации СССР сочли, что программа в условиях падения доверия к союзным органам со стороны республик и населения не имеет шансов на успех. Но когда схожая программа была предложена российскими органами власти, недавно избранными и поддерживаемыми населением, Горбачев счел, что сопротивляться ей равнозначно политическому поражению и протянул «оливковую ветвь» Ельцину. Российские органы власти в свою очередь осознавали, что реализация программы «500 дней» в рамках одной России нереалистична, что радикальная экономическая реформа может эффективно проводиться во взаимодействии с другими республиками. Так возник казавшийся многим невозможным альянс центристов и радикалов.

Программа «500 дней» вызвала неоднозначную реакцию в обществе. Консерваторы отвергали ее, как разрушительную для социалистических устоев. Но и ряд профессиональных авторитетных экономистов резко критиковал ее, исходя уже не из идеологических соображений, а из того, что программа приведет к коллапсу всей экономики. И все же в целом в обществе, особенно в России, программа пользовалась поддержкой: россияне устали от бездействия центрального правительства, неспособности Горбачева сдвинуть экономическую реформу с мертвой точки и готовы были вверить свою судьбу новой команде реформаторов.

Быть испытанной на практике программе «500 дней» не было суждено: будучи переданной российскими властями на рассмотрение в правительство и Верховный Совет СССР, она была выхолощена и лишена своей сути. Ельцин и его сторонники расценили провал программы, как акт коварства

со стороны Горбачева, заявив, что сотрудничество с существующими органами союзной власти более невозможно.

Провал временного альянса Горбачева и Ельцина сопровождался еще более жестким, чем прежде, их противостоянием. Теперь Ельцин использовал в отношении советского президента, ставшего для него главным политическим противником, язык ультиматума. В октябре он заявил о трех возможных вариантах дальнейшего развития: 1) Россия объявляет о неучастии в экономической программе, сформулированной Президентом и Верховным Советом СССР. Делит бюджет, собственность, армию и вооружение. Вводит свою валюту, устанавливает таможни на всех границах республики, организует независимую банковскую систему и внешнеэкономическую деятельность. 2) Радикальная реорганизация союзного государства, создание коалиционного правительства, составленного на паритетных началах из сторонников Горбачева и Ельцина. В этом случае сохраняется возможность проведения радикальной экономической реформы в СССР; 3) Горбачев и союзные власти упорствуют в своей линии и проводят ее. Неизбежен ее крах в течение не более чем полугода. В этом случае российская программа все равно будет принята, но с потерей времени[10].

По всему ощущалось, что Ельцин не верил в возможность компромисса с союзными властями и готов был к отчаянной борьбе за суверенитет России и радикальные экономические реформы в ней. Логика политической борьбы толкала российских радикалов к отделению России, по формальным признакам советской метрополии, от СССР. И именно эта парадоксальная, беспрецедентная для мировой истории линия поведения метрополии, создавала действительно смертельную опасность для советской империи, как теперь именовали СССР не только радикалы из Прибалтики, Закавказья и Украины, но также российские демократы.

Впрочем, с точки зрения российских радикалов ответственность за ослабление федерального союза лежала на Горбачеве, заключившим беспринципные сделки с консерваторами ради сохранения личной власти. Осенью 1990-го года советский президент, оказавшись между «двух огней» — консерватизмом и радикализмом — действительно все больше склонялся к самому тесному союзу с консерваторами. Его политические маневры, использование тактики «пряника» во внутренней политике не принесли никаких результатов: несмотря на все уговоры и обещания дать союзным республи-

кам много суверенитета, они, одна за другой, заявляли о желании выхода из СССР и обретения полной независимости. Перспектива улучшения экономического положения СССР эволюционным путем также не просматривалась: реформы не сдвигались с мертвой точки. Горбачев все более склонялся к использованию «кнута» в экономике, взаимоотношениях с союзными республиками и, конечно, с российскими демократами.

Чувствуя растерянность Горбачева и воспользовавшись резким разрывом его отношений с российскими властями, консерваторы решительно взяли советского президента «в оборот». Самая мощная атака с их стороны на Горбачева была осуществлена в середине ноября на совещании военных депутатов из Союзного и республиканских Верховных Советов. Капитан К.Ахаладзе, депутат парламента Эстонии, гневно бросил в лицо советскому президенту: «Перестройка мне принесла и уже приносит трагедию. Перед вами люди, которые с молоком матери впитали слова «Родина, честь, преданность отчизне». Для каждого святы понятия — Родина и Мать. Когда Родина в судорогах, как же мы можем не высказывать свои мысли? Разговоров много, а конкретных дел-то нет... Я один из многих людей, которые с 1985 по 1988 год беспредельно любили Вас. Вы были моим идеалом. Везде и всюду я готов был глотку драть за Вас. Но с 1988 года я постепенно ухожу, удаляюсь от Вас, и таких людей с каждым днем становится все больше. У людей, восхищавшихся перестройкой, начинается аллергия на нее». Народный депутат СССР, полковник из Латвии В.Алкснис, произнес своего рода приговор Горбачеву — «Вы потеряли армию»! — и дал ему два месяца на восстановление стабильности в Советском Союзе[11].

Уже через два дня после совещания Горбачев на заседании с руководителями союзных республик предложил программу из восьми пунктов по выводу СССР из экономического и политического кризиса. Большинство из них были направлены на укрепление, расширение и одновременно концентрацию верховной исполнительной власти в СССР. Предполагалось превратить в постоянный орган Совет Федерации, состоявший из руководителей республик, заменить Президентский Совет Советом безопасности СССР, реорганизовать всю исполнительную власть, подчинив ее непосредственно президенту. Кроме того, предлагалось принять экстренные меры по укреплению правопорядка, социальной защите военнослужащих, наведению дисциплины на транспорте. От средств мас-

совой информации Горбачев потребовал прекратить «сеять рознь и панику».

Программа экстраординарных мер Горбачева натолкнулась на решительное сопротивление со стороны ряда лидеров союзных республик во главе с Ельциным. Горбачев был обвинен в стремлении к личной диктатуре, подмене радикальных экономических реформ политикой чрезвычайщины. После этого Президент СССР обратился к иным способам защиты власти центра. В серии встреч с руководителями промышленности, законодателями, представителями культуры, на совещаниях и пленумах ЦК КПСС он развивал аргументы, призванные убедить слушателей и страну в необходимости изменения Конституции СССР с целью укрепления исполнительной власти в целом и президентской в особенности. План Горбачева должен был быть реализован на четвертом Съезде народных депутатов СССР.

Съезд состоялся в конце декабря. В ходе него альянс Горбачева с консерваторами проявился в открытой форме. Съезд внес ряд поправок в конституцию СССР, расширявших прерогативы президента: он получил право непосредственно руководить правительством, преобразованным в кабинет министров, возглавил Совет Федерации и Совет безопасности СССР. Были осуществлены кадровые назначения и замены, удовлетворившие интересы консерваторов. На новую ключевую должность вице-президента, который, как гласила соответствующая статья Конституции, «выполняет по поручению Президента СССР отдельные его полномочия и замещает Президента СССР в случае его отсутствия и невозможности осуществления им своих обязанностей», был избран бывший высокопоставленный комсомольский и профсоюзный функционер Г.Янаев. Ушли со своих постов министр внутренних дел В.Бакатин и министр иностранных дел Э.Шеварднадзе, пользовавшиеся репутацией либералов. Шеварднадзе, обращаясь к Съезду, произнес слова, облетевшие всю страну: «Наступает диктатура — заявляю об этом со всей ответственностью. Никто не знает, какая это будет диктатура, кто придет, что за диктатор, какие будут порядки».

Выступивший на Съезде с отчетом премьер-министр Н.Рыжков признал фиаско экономической политики правительства и его неспособность преодолеть стереотипы социалистической идеологии: «Мы не смогли, да и не знаю могли ли мы в ходе углубления реформы добиться приоритета эконо-

мики перед идеологией и политикой. Таково общество, в котором мы живем... Приоритет идеологии над экономикой — это не мелочь, не частность, не волюнтаризм, не глупость тех или иных руководтелей — это суть той модели, в которой мы жили. Это ее устои». Рыжков, которого в народе нарекли «плачущим премьером», был освобожден от своей должности. Его место занял В.Павлов, бывший министр финансов, о котором вскоре заговорили как о человеке, претендующим быть «сильной рукой». Итоги Съезда свидетельствовали о намерении обновленного руководства СССР использовать чрезвычайные меры для достижения своих целей.

К началу 1991 г. «центристская» политика Горбачева все больше совпадала с позицией консерваторов. Поощряемые ею, консерваторы в середине января решились испытать силовые методы достижения своих целей. В ночь на 13 января в Вильнюсе прокоммунистический комитет общественного спасения при поддержке советской армии попытался совершить государственный переворот, отстранив от власти правительство Народного фронта. В результате народного сопротивления мятеж был подавлен. Через неделю схожая и вновь неудачная попытка государственного переворота была предпринята комитетом общественного спасения в Латвии. В обоих случаях законные прибалтийские правительства были решительно поддержаны российскими радикалами и лично Ельциным. В Москве состоялись массовые митинги и собрания, на которых были приняты резолюции, гневно осуждавшие действия путчистов в Прибалтике и прямо обвинявшие Горбачева в потворстве антидемократическим переворотам.

Горбачев выступил с официальным заявлением по поводу событий в Прибалтике 22 января. В начале заявления президент СССР категорически открестился от какой-либо поддержки выступлений в Литве и Латвии, а тем более комитетов общественного спасения: «События, которые произошли в Вильнюсе и Риге, ни в коем случае не являются выражением линии президентской власти, ради которой она была создана... Любые общественные организации, комитеты и фронты, с какими бы программами они не выступали, могут претендовать на приход к власти лишь конституционным путем, без применения насилия. Всякие попытки апеллировать к вооруженным силам в политической борьбе недопустимы»[12]. Во второй части заявления Горбачев настаивал уже на противоправности действий прибалтийских властей, объявивших о

выходе своих республик из СССР и добивавшихся вывода из них советской армии.

Заявление Горбачева нимало не уменьшило и тем более не сняло подозрений о его причастности к событиям в Прибалтике. Политические акции Горбачева, как и руководимых им центральных партийных органов, свидетельствовали о неискренности президента. Так в официальных заявлениях по поводу событий в Прибалтике не только Политбюро ЦК РКП, но и Политбюро ЦК КПСС вся ответственность за кровавые события возлагалась на «провокационные» действия правительств Народных фронтов и безответственные публикации прессы. На прессу обрушил свой гнев, выступая 16 января в Верховном Совете СССР, и Горбачев. Он поддержал требование ряда депутатов о контроле парламента над средствами массовой информации, а от себя даже предложил приостановить на несколько месяцев действие закона о печати. Эти и другие факты свидетельствовали, на чьей стороне в действительности был президент.

Январские события имели следствием усиление поляризации политических сил. Не только радикалы, но и некоторые политики, тяготевшие к центризму, осудили позицию ЦК КПСС и Горбачева. Три известных политических деятеля и ученых, С.Алексеев, Ф.Бурлацкий, С.Шаталин, сохранявшие до того членство в Коммунистической партии, заявили об окончательном крушении коммунистической идеологии и необходимости преобразования реформаторского крыла КПСС в социал-демократическую партию[13]. Академик Шаталин, бывший в 1990-ом году членом Президентского Совета, обвинил Горбачева в предательстве реформаторского курса и предъявил ему своеобразный ультиматум: или решительно порвать с консерваторами, вернуться к программе радикальной экономической реформы или «уйти в отставку вместе со всем окружением»[14].

Но самый чувствительный удар по Горбачеву нанес Ельцин. Выступая 19 февраля по Центральному телевидению, он заявил, что «у Горбачева есть в характере стремление к абсолютизации личной власти», что Президент СССР «подвел страну к диктатуре» и потребовал от него немедленно уйти в отставку, а всю полноту власти передать Совету Федерации. Жесткое, бескомпромиссное выступление Ельцина привело к новому витку противоборства между двумя ведущими политическими деятелями. Горбачев, принявший вызов главного

политического противника, ответил без промедления не менее жестким ударом.

22 февраля в «Правде» было опубликовано политическое заявление шести представителей руководства Верховного Совета РСФСР. В нем в авторитарности и стремлении к расширению личной власти, а заодно в провале экономической политики обвинялся уже Ельцин. Заканчивалось заявление требованием немедленного созыва внеочередного Съезда народных депутатов Российской Федерации с повесткой: отчет о деятельности Председателя Верховного Совета РСФСР. Одновременно в «Правде» появилось и постановление Верховного Совета СССР, в котором утверждалось, что призывы Ельцина, «направленные на замену законно избранных высших органов власти страны, немедленную отставку Президента СССР, входят в противоречие с Конституцией СССР и создают в стране чрезвычайную ситуацию». Было ясно: два главных политических антагониста «закусили удила», поставив народ перед выбором: или Горбачев, или Ельцин.

Жесткая, исполненная драматизма борьба за власть между Горбачевым и Ельциным составила главное содержание политических перипетий в последующие два месяца. Она имела две высшие «точки напряжения»: всесоюзный референдум по вопросу о сохранении СССР как обновленной федерации, проведенный 17 марта, и чрезвычайный Съезд народных депутатов РСФСР, состоявшийся в конце марта — начале апреля.

Первая половина схватки принесла преимущество Горбачеву: на референдуме 17 марта большинство избирателей 9-ти республик, принявших в нем участие, высказались за сохранение СССР. В России сторонники Ельцина призывали сказать «нет» сохранению СССР, усматривая в отрицательном исходе голосования верный способ отстранения Горбачева от власти. Но большиинство россиян все же сказали «да» СССР, хотя в процентном выражении положительных голосов (71,3%) РСФСР и заняла предпоследнее место среди республик (на последнем с 70,2% была Украина).

Сам Горбачев в период подготовки референдума был активен, как никогда. Свои многочисленные выступления он использовал не только для обоснования необходимости сохранения СССР, но еще в большей мере для дискредитации радикалов. Президент СССР делал упор на то, что его политика гарантирует мирные, конституционные способы

общественных преобразований. Радикалов же, готовых «распустить Верховный Совет, отправить в отставку Президента», Горбачев назвал «так называемыми демократами» и обвинил в «необольшевизме». То был необычный идеологический ход: Горбачев открещивался от большевизма, составлявшего в глазах коммунистов-ортодоксов сердцевину российского марксизма, и объявил современными большевиками не кого иного, как своих политических противников! Но с точки зрения воздействия на массовое сознание, особенно же интеллигенцию, это был выигрышный политический маневр: понятия «коммунизм» и особенно «большевизм» уже прочно приобрели в обществе негативный смысл. Необольшевизм Горбачев объявлял прямым путем к гражданской войне, а последнюю называл самым большим из всех возможных зол.

Положительные итоги референдума были расценены Горбачевым как личная политическая победа, упрочившая легитимность его президентской власти. И тем с большей энергией продолжил он политическую атаку против Ельцина и радикалов. Но в решающий момент схватки Горбачев допустил грубый политический просчет: в ночь на 28 марта — день открытия внеочередного Съезда народных депутатов РСФСР — в Москву были введены войска, взявшие в кольцо центр столицы. Решение Президента СССР было воспринято, как оскорбление, не только радикальными, но также многими умеренными и консервативными депутатами, потребовавшими от Горбачева немедленно вывести войска из города. Горбачев во время переговоров с заместителем Ельцина Хасбулатовым проявил упрямство и согласился вывести войска только на следующий день. В ответ Съезд народных депутатов приостановил свою работу. Дебют решающей политической схватки с Ельциным, задуманной Горбачевым для отстранения от власти главного политического соперника, был им проигран.

Ельцин умело перехватил инициативу в принципиальном политическом поединке. На следующий день, когда войска из Москвы были выведены, а заседания Съезда возобновились, он в самом начале своего отчета заявил, что является твердым сторонником коалиционной и конституционной политики. Причем если Горбачев в своем февральском «центристском» манифесте отрицал возможность коалиции с радикалами, то Ельцин пригласил к сотрудничеству коммунистов-реформаторов, заявив о настоятельной необходимости «формирования

широкой демократической коалиции партий, рабочих движений и различных объединений, включая прогрессивно мыслящих членов КПСС». Сообразуясь с реальностями, он поддержал и «скорейшее подписание открытого для присоединения Договора о Союзе Суверенных Государств как федеративного добровольного и равноправного объединения». В программу Ельцина были включены те предложения, которые к тому времени поддерживались как радикалами, так и умеренными.

Тактический ход Ельцина был задуман и исполнен мастерски. После его выступления коммунистическая часть Съезда раскололась. 170 ее представителей во главе с героем войны в Афганистане, полковником А.Руцким, заявили об образовании фракции «Коммунисты — за демократию» и поддержке Ельцина. Консервативная же фракция коммунистов во главе с Полозковым была обезоружена политическим маневром Ельцина: ей нечего было возразить, а тем более противопоставить программе Председателя Верховного Совета РСФСР, которая, как заметил Руцкой, содержала то же самое, что и материалы XIX партконференции и XXVIII партсъезда[15]. Мощная поддержка Ельцину была оказана и «снизу»: шахтеры Кузбаса, признанные лидеры демократического рабочего движения, приняли серию резолюций, безоговорочно поддерживавших радикальных депутатов и требовавших отставки Горбачева.

Ельцин умело закрепил и развил политическую победу, добытую в дебюте Съезда. Оперевшись на поддержку своего первого заместителя Р.Хасбулатова, председательствовавшего в основном на Съезде и умело манипулировавшего его ходом, он добился удовлетворения своих основных требований: расширение полномочий Председателя Верховного Совета РСФСР, проведение скорых, в середине июня, выборов российского президента, ряд других. Съезд, задуманный Горбачевым и его единомышленниками для отстранения Ельцина от власти, напротив, упрочил ее, сыграв во многих отношениях решающую роль в изменении соотношения сил между двумя антагонистами в пользу лидера радикалов.

Крупная политическая неудача Горбачева в схватке с Ельциным привела к резкому падению его поддержки консерваторами. Консерваторы нуждались в нем до тех пор, пока Горбачев являлся надежным противовесом радикалам, мог сдерживать их влияние, но Президент СССР и лидер КПСС, утративший эту способность, становился в их глазах не помощником, а обузой в борьбе за удержание власти. Реша-

ющий удар по Горбачеву консерваторы намеревались нанести на пленуме ЦК КПСС, намеченном на конец апреля.

Накануне пленума консерваторы получили солидные аргументы для организации решительного наступления на Горбачева. Снабдил их ими не кто иной, как новый советский премьер-министр В.Павлов, который в своем выступлении перед депутатами Верховного Совета СССР обнародовал данные о катастрофическом состоянии союзной экономики. На самого Павлова ответственность за это катастрофическое состояние не могла быть возложена: он приступил к своим обязанностям недавно, а своим откровенным выступлением как бы продемонстрировал, сколь трудная и ответственная задача на него возложена. Но если Павлов претендовал на роль «спасителя нации», в случае если ему будут предоставлены чрезвычайные полномочия, то в качестве ее разрушителя явно выступал Горбачев, который находился у власти уже пять лет, как раз и приведших к катастрофе.

Как явствовало из доклада Павлова, главной причиной экономической и финансовой катастрофы являлось разрушение хозяйственных связей между республиками вследствие роста их суверенитета и отказа от экономических обязательств перед центром. В союзную казну попадало не более 40% запланированных финансовых поступлений от республик, а бюджетный дефицит за один квартал превысил предельную величину, установленную на год. За один квартал национальный доход уменьшился на 10%, выпуск промышленной продукции упал на 5, а сельскохозяйственной на 13 процентов. При таких темпах и сохранении «парада суверенитетов» республик союзная экономика неизбежно должна была развалиться к концу года.

Пленум ЦК КПСС открылся 24 апреля. Консерваторы были настроены решительно и готовы были предъявить Горбачеву самые суровые обвинения за экономические и политические провалы. Но Генеральный секретарь уже во вступительном слове предъявил сильнейший политический козырь: накануне, 23 апреля, на встрече с лидерами девяти республик, участвовавших в референдуме 17 марта, ему удалось достичь согласия о совместных мерах социальной и экономической стабилизации и заключении в скором времени нового союзного договора суверенных государств. Под «Заявлением 10-ти», которое стало известно также, как соглашение «9 плюс 1» (девять лидеров союзных республик и Президент

СССР), значилась даже подпись Б.Ельцина. А ведь до того российские радикалы во главе с Ельциным требовали отставки Президента и роспуска союзных органов власти!

Неожиданный успешный политический маневр Горбачева, который, казалось бы, чудом включил республики, в первую очередь Россию, в процесс реанимации СССР и оказался во главе его реформирования, обезоружил многих консерваторов. Правда, самые настойчивые среди них не успокаивались, требуя, подобно главному идеологу РКП А.Сергееву, «отмежеваться от курса Горбачева-Ельцина». Но ряды консерваторов были расколоты, и Горбачеву, мобилизовавшему с помощью искусных тактических маневров поддержку умеренных членов ЦК КПСС, удалось сохранить кресло Генерального секретаря. Однако победа над консерваторами была зыбкой: они готовы были терпеть Горбачева только в том случае, если он сможет контролировать действия Ельцина и российских радикалов и восстановить власть центра в отношении республик.

Горбачеву это оказалось совершенно не под силу. Ельцин все более прочно утверждался в качестве хозяина российской политической сцены, диктующего свою волю советскому президенту. 12 июня он одержал уверенную победу на первых президентских выборах в России. Против Ельцина боролись пять претендентов, причем четверо среди них — Н.Рыжков, А.Тулеев, А.Макашов и В.Бакатин — представляли разные спектры коммунистической партии. Горбачев и КПСС сделали все возможное и невозможное, чтобы отнять у противника как можно больше голосов и помешать избранию Ельцина президентом. Накануне выборов газета «Правда» поместила статью трех докторов наук, которые на основе контент-анализа более 70 выступлений и статей Ельцина, а также его автобиографии «Исповедь на заданную тему» дали ему следующую характеристику: его мышление характеризуется преобладанием «стереотипов поиска «врагов», виновных в его личных неудачах», ему присущи «жестокость стиля принимаемых решений», «преобладание эмоциональной сферы над рациональной, чувств — над логикой (женский характер)», «тактического видения над стратегическим», наконец «язык выступлений и стиль общения Бориса Николаевича отличают весьма однообразный словарный запас, тяжеловесность выражений и даже определенное косноязычие, злоупотребление связками «значит», «ну», «я считаю», любовь к жаргону»[16].

Партийные агитаторы в провинции, не стесняясь в выражениях, называли Ельцина «фашистом», «новым Сталиным» и пророчили в случае прихода его к власти крушение всего и вся.

Пропагандистской мощи КПСС Ельцин смог противопоставить организационную поддержку 150 тысяч активистов «Демократической России», сам впрочем, дистанцируясь от непосредственных связей с этой организацией и претендуя на роль кандидата всего народа[17]. Как и в прежних избирательных кампаниях, Ельцин активно использовал в своих выступлениях популистские приемы: из его уст прозвучали обещания проводить радикальные реформы без ухудшения жизни народа, дать республикам, входящим в состав РСФСР, столько суверенитета, «сколько они смогут взять» и другие, подобные им. Избиратели в своем большинстве вняли этим обещаниям Ельцина и решительно отвергли, как инсинуацию, обвинения против него коммунистических оппонентов. Победа Ельцина на выборах была впечатляющей: он получил 57,3% голосов, в то время, как четверо коммунистических кандидатов вместе собрали немногим более 30% голосов. Трех из них к тому же опередил лидер Либерально-демократической партии В.Жириновский, в программе которого соединились антикоммунизм и национализм.

Антикоммунистический синдром, прочно укрепившийся в массовом сознании в течение буквально двух-трех лет, стал одним из главных факторов, определивших поведение российских избирателей в июньской кампании 1991 года. Его сила была продемонстрирована в ходе проведенного одновременно с президентскими выборами референдума избирателей Ленинграда по вопросу о переименовании города. Большинство их высказалось за возвращение городу названия Санкт-Петербург, отказавшись именовать его впредь в честь основателя Коммунистической партии. Одновременно с избранием Ельцина президентом в Москве и Ленинграде были выбраны мэрами два известных радикальных лидера, Г.Попов и А.Собчак. Радикализм в России достиг пика политического влияния. Эра Горбачева отходила в прошлое.

V

АВГУСТ 1991-го: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

После политических успехов Ельцина и радикалов на российских выборах в июне 1991 года у Горбачева оставался один шанс сохранить себя в качестве влиятельного политического деятеля — завершить успешно процесс реформирования СССР и заключить новое соглашение о союзе между республиками. Проект этого соглашения был выработан и обнародован во второй половине июня. В нем абревиатура СССР расшифровывалась уже принципиально по-новому — Союз Советских Суверенных (вместо прежде Социалистических) Республик, а права республик существенно расширялись. Но даже подобное перераспределение полномочий между центром и республиками не удовлетворяло Ельцина и российских радикалов, требовавших все новых уступок для России. И Горбачев, выказывая каждый раз свою политическую зависимость от Ельцина, неизменно шел на них. Последняя уступка Ельцину перед намечавшимся подписанием нового союзного соглашения была сделана в конце июля, когда Президент СССР удовлетворил требование российского руководства об установлении одноканальной системы отчисления налогов с тем, чтобы республики передавали в центр фиксированный процент от своих доходов[1].

Развитие событий свидетельствовало, что Президент СССР не мог противостоять требованиям Ельцина ни по одному из принципиальных политических вопросов. Одним из главных актов Ельцина, которому глава СССР не осмелился возразить, был указ российского президента о департизации, обнародованный 20 июля. Указ, объявлявший о «прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР» был прямо направлен против КПСС, поскольку только она и располагала такими структурами. Это был мощнейший удар по компартии, лишавший ее по сути станового хребта. Созвучными указу российского президента оказались акции против КПСС, предпринятые и в некоторых других республиках СССР. И им Горбачев противостоять был не в состоянии.

Неспособность Генерального секретаря ЦК КПСС отстоять интересы собственной партии подвигала ее консервативную часть на самостоятельные защитные действия. В июле руководящие органы компартии предприняли ряд мер по «очистке» своих рядов от коммунистов реформистской ориентации, в частности из РКП были исключены члены ее Центрального Комитета А.Руцкой и В.Липицкий. Компартия явно консолидировала ряды своих консервативных членов, а мирная конфронтация в обществе приближалась к своей развязке. Многие уже тогда ощущали предгрозовое состояние. Выражая их опасения один из руководителей Верховного Совета СССР, политик центристской ориентации И.Лаптев в интервью «Аргументам и фактам» мрачно утверждал, что «уже готовится судилище над реформами и реформаторами»[2].

В конце июля, накануне своего отъезда на отдых в Крым, Горбачев провел секретную встречу с Ельциным и президентом Казахстана Н.Назарбаевым. Согласно фактам, обнародованным через год после августовских событий Генеральным прокурором России В.Степанковым, на этой встрече было достигнуто соглашение, прямо направленное против консервативного ядра политического руководства СССР. В частности после подписания союзного договора, намеченного на 20 августа, предполагалось отстранить от должностей премьер-министра СССР В.Павлова, министра обороны Д.Язова и председателя КГБ В.Крючкова. Как явствует из данных, приводившихся Степанковым, в кабинете, где состоялась встреча, были вмонтированы подслушивающие устройства, и о ее содержании «знал Крючков»[3]. 5 августа, после убытия Горбачева в Крым, консервативные руководители СССР приступили к подготовке заговора, направленного на пресечение реформ, восстановление в полном объеме власти центра и КПСС.

Путч начался 19 августа и продолжался три дня. В первый день были оглашены важнейшие документы руководителей государственного переворота. Вице-президент СССР Г.Янаев в указе, изданном от его имени, объявил о вступлении в «исполнение обязанностей Президента СССР» «в связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем своих обязанностей». В «Заявлении советского руководства» извещалось об образовании Государственного комитета по чрезвычайному положению в

составе: Бакланов О.Д. — первый заместитель Председателя Совета Обороны СССР, Крючков В.А. — председатель КГБ СССР, Павлов В.С. — премьер-министр СССР, Пуго Б.К. — министр внутренних дел СССР, Стародубцев В.А. — председатель Крестьянского союза СССР, Тизяков А.И. — президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР, Янаев Г.И. — и.о. Президента СССР. Фамилии участников ГКЧП были перечислены в алфавитном порядке, формальный его руководитель Г.Янаев значился в конце списка.

Вслед за первыми короткими документами ГКЧП обнародовал пространные «Обращение к советскому народу» и «Постановлене N 1 Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР», в которых раскрывались его идеология и программа. Реставрационные мотивы ГКЧП излагались кратко и жестко: начатая Горбачевым перестройка потерпела крах, ее провал привел к распаду государственности, в стране воцарились отчаяние, страх и нищета, экстремистские силы в обличье демократов поставили целью захватить власть и разрушить СССР, спасение отечества не терпело отлагательств! Во имя этой цели запрещалась деятельность структур власти и управления, не узаконенных Конституцией СССР, приостанавливалась деятельность политических партий, движений, объединений, оппозиционных КПСС, а также выпуск нелояльных газет. Восстанавливалась цензура. Силовым структурам вменялось в обязанность твердо поддерживать режим чрезвычайного положения.

Далее шла пространная риторика и многочисленные обещания. ГКЧП объявлял, что выступает «за истинно демократические процессы, за последовательную политику реформ, ведущую к обновлению нашей Родины, к ее экономическому и социальному процветанию, которое позволит занять ей достойное место в мировом сообществе наций». В течение недели должны были быть разработаны и обнародованы программы замораживания и снижения цен на ряд продовольственных и промышленных товаров, повышены заработная плата, пенсии, стипендии, пособия и всевозможные компенсации. В течение 1991-1992 гг. всем желающим горожанам обещалось предоставить земельные участки. Выдавая векселя разным слоям населения, ГКЧП не забывал и о предпринимателях: «Развивая многоукладный характер народного хозяйства, мы будем поддерживать и частное предпринима-

тельство, предоставляя ему необходимые возможности для развития производства и сферы услуг».

19 августа по решению ГКЧП в Москву были введены войска. Вместе с тем организаторы переворота не осмелились арестовать Ельцина, как и других руководителей России. Не были отключены телефоны, международная связь. Белый дом, в котором расположилось российское правительство, получил возможность без промедления приступить к организации сопротивления путчу. На пресс-конференции, организованной 19 августа, руководство ГКЧП вело себя нервозно, у его формального лидера, Г.Янаева, тряслись руки. Путчисты не смогли представить медицинское свидетельство, которое служило бы основанием для прекращения исполнения обязанностей М.Горбачевым «по состоянию здоровья». Некоторые из журналистов, присутствовавших на пресс-конференции, своими вопросами не раз ставили членов ГКЧП в тупик. Законность действий, на которую претендовал ГКЧП, была дезавуирована, развитие событий первого дня обнаружило, что заговор «повис в воздухе».

Эти факты, как и последующий скорый провал путча, дали некоторым журналистам и политическим наблюдателям повод утверждать, что «странный» заговор вообще не заключал в себе реальной политической угрозы. М.Соколов, политический обозреватель газеты «Коммерсант» назвал его «дурацким путчем»[4], а некоторые комментаторы даже выдвинули версию, что истинным сценаристом драматических событий был Ельцин, который весьма малой ценой извлек для себя максимальную политическую выгоду, став благодаря перипетиям трех дней политическим властелином не только в России, но и на всем пространстве СССР.

Эти и другие подобные версии при некоторой внешней правдоподобности все же находятся в явном противоречии с реалиями трех августовских дней и не раскрывают главных причин быстрого краха путча. Безусловно, что как политический стратег Ельцин, уже утром 19 августа заклеймивший действия ГКЧП, как «самое тягчайшее государственное преступление», а его участников, как «государственных преступников», и предпринявший решительные и четкие меры по организации сопротивления, оказался на голову выше путчистов. Именно в августовские дни он приобрел известность гроссмейстера экстремальных ситуаций. Но главные политические просчеты путчистов были все же связаны отнюдь не с недоучетом «фактора Ельцина».

Среди главных просчетов на первом месте оказалась неспособность ГКЧП реалистически оценить возможную реакцию на его действия большинства российского населения. Эта реакция характеризовалась решительным неприятием заговора и твердой поддержкой российского правительства. Особенно ярко это проявлось в Москве, ставшей эпицентром драматических событий. Уже утром 19 августа центр Москвы оказался запруженным людьми, вставшими на пути танков и высказавшими решимость защищать российскую власть ценой собственных жизней. Большая часть введенных в Москву войск перешла на сторону Ельцина, а другая часть заняла выжидательно нейтральную позицию. Использование ГКЧП в такой ситуации силовых методов означало бы развязывание кровопролитной, с катастрофическими последствиями гражданской войны, на что путчисты не решились.

Другой главный просчет путчистов заключался в явной переоценке власти центра над союзными республиками. Большинство последних достигли уже той степени суверенитета, которая, безусловно, исключала в их глазах легитимность действий ГКЧП. Они заняли в отношении акций путчистов позицию или осуждения или непризнания. Только республики Средней Азии и Азербайджана проявили лояльность в отношении ГКЧП, хотя и не признали его официально. С точки зрения возможностей подчинения республик указам ГКЧП путч безнадежно запоздал, он в условиях августа 1991 года мог только ускорить процесс их «разбегания» из СССР. Это и стало одним из главных следствий августовских событий, начавшихся, как заговор с целью сохранения СССР, КПСС, власти старой партийно-государственной элиты, но закончившихся уже «бархатной революцией», которая разрушила Советский Союз, КПСС и утвердила у власти новые элиты.

Исход схватки между ГКЧП и российскими властями решился 20 августа, когда Ельцин и его окружение пресекли попытки захвата Белого дома путчистами, переломили ход событий в свою пользу и взяли под контроль всю ситуацию в России. А утром 21 августа Б.Ельцин на экстренном заседании Верховного Совета РСФСР сообщил, что «группа туристов» из числа лидеров ГКЧП едет в аэропорт Внуково, чтобы лететь оттуда в Крым для замаливания грехов перед законным Президентом СССР. Вечером того же дня члены ГКЧП были возвращены в Москву в качестве арестантов. После

нескольких дней заточения на даче в Форосе в Москву прибыл и Горбачев.

С 22 августа Ельцин и российские радикалы стали пожинать плоды своей политической победы. 23 августа во время встречи с депутатами Верховного Совета РСФСР Горбачеву было предъявлено требование немедленно подписать указ о роспуске КПСС. Президент СССР принял этот и другие ультиматумы Ельцина и радикалов. На следующий день он распустил союзный кабинет министров, отказался от поста Генерального секретаря ЦК КПСС, ЦК же КПСС заявил о самороспуске. В результате пал не только коммунистический режим, но и рухнули государственно-партийные структуры, цементирующие СССР.

Вслед за этим начался обвальный распад всех других государственных структур: Съезд народных депутатов СССР был распущен, а на переходный период до заключения нового союзного договора между республиками высшим представительным органом власти стал радикально реформированный Верховный Совет СССР; вместо кабинета министров создавался аморфный и явно безвластный межреспубликанский экономический комитет, большинство союзных министерств ликвидировалось. Республики Прибалтики, добивавшиеся независимости в течение двух лет, наконец-то получили ее. Другие республики приняли законы, упрочивавшие их суверенитет и делавшие их фактически не подвластными Москве.

Сам Ельцин еще в дни путча принял указ о прекращении деятельности КПСС и РКП на территории России. Обосновывая правомерность действий российского президента, его советник С.Шахрай доказывал, что компартия ни по каким меркам не являлась политической партией, она была государством в государстве, а посему ее ликвидация находилась в полном соответствие с духом и буквой демократии. Вся союзная собственность на территории РСФСР указом Ельцина была подчинена России. Российской стала основная часть центрального телевидения и радиовещания. Назначения на оставшиеся союзные посты осуществлялись по прямому указанию Ельцина. Горбачев превратился в «царствующего, но не правящего» союзного президента.

И тем не менее Горбачев отчаянно цеплялся за власть. На этот раз основу политического самосохранения он видел уже в установлении самого тесного политического альянса с людьми, которые признавались в качестве лидеров или пользовались авторитетом среди российских демократов. В конце

сентября он образовал Политический консультативный совет при Президенте СССР, в который наряду с «центристами» А.Яковлевым, Н.Петраковым, В.Бакатиным, Э.Шеварднадзе, Е.Велиховым, вошли признанные радикалы: А.Собчак, Г.Попов, Е.Яковлев, Ю.Рыжов, которых еще полгода назад Горбачев числил среди своих злейших политических противников. Основные же усилия союзный президент сосредоточил на подготовке соглашения между республиками, сохранявшими желание войти в Союз Суверенных Государств.

Соглашение обсуждалось во время периодических встреч Государственного Совета СССР, в который входили руководители республик. Последнее их совещание состоялось в середине ноября. На нем обсуждалось три варианта будущего Союза: 1) Союз суверенных государств, не имеющий вообще централизованной государственной связи; 2) Союз с федеративной или конфедеративной формой государственной связи; 3) Союз, выполняющий некоторые государственные функции, но без статуса государства и названия. В конце концов участнки сошлись в том, что должен быть создан Союз Суверенных Государств — конфедеративное государство, выполняющее делегированные ему государствами-участниками договора функции. Б.Ельцин, Н.Назарбаев, С.Шушкевич, А.Акаев, другие лидеры республик выразили твердую уверенность, что соглашение будет подписано.

Особую позицию заняла одна Украина: ее глава, Л.Кравчук, заявил, что до проведения общереспубликанского референдума по вопросу о государственном статусе республики, намеченного на 1 декабря, он не будет участвовать в договорном процессе. Горбачев ответил, что «не мыслит» Союза без Украины, и Государственный Совет решил дожидаться ее возвращения за стол переговоров.

Референдум на Украине принес результаты, прямо противоположные итогам мартовского референдума: если в марте 70% украинских избирателей проголосовали за сохранение СССР, то полгода спустя такое же количество избирателей высказалось уже за полную независимость Украины. Л.Кравчук, избранный первого декабря президентом Украины, заявил, что «лидер должен подчиняться выбору народа» и что об его участии в подписании союзного договора поэтому не может быть и речи. М.Горбачев, сознавая в полной мере смысл украинского референдума, 3 декабря в обращении ко всем республиканским парламентам в отчаяньи взывал предотвратить распад СССР, грозивший неизбежно «националь-

ными, межреспубликанскими столкновениями, даже войнами». Республики остались глухи к голосу советского президента.

Одновременно с Горбачевым, но совершенно иначе, чем он, отреагировал на украинский референдум Ельцин[5]. В своем заявлении он декларировал признание Россией независимости Украины и провозгласил, что отношения между ними будут строиться на началах «нового партнерства», как между «двумя суверенными государствами Европы». Украинский референдум, позиция России и, как вскоре выяснилось, также и Белоруссии поставили крест на процессе заключения союзного договора под эгидой Горбачева.

8 декабря во время встречи в Белоруссии, проведенной в тайне от советского президента, лидеры трех славянских республик заключили сепаратное межгосударственное соглашение, в котором говорилось: «Мы, руководители Республики Беларусь, РСФСР, Украины, отмечая, что переговоры о подготовке нового Союзного договора зашли в тупик, объективный процесс выхода республик из состава Союза ССР и образование независимых государств стал реальным фактом... заявляем об образовании Содружества Независимых Государств, о чем сторонами 8 декабря 1991 года подписано соглашение». В заявлении трех руководителей отмечалось, что «Содружество Независимых Государств в составе Республики Беларусь, РСФСР, Украины является открытым для присоединения всех государств — членов Союза ССР, а также для иных государств, разделяющих цели и принципы настоящего Соглашения»[6].

Центральноазиатские республики и Казахстан уже через несколько дней изъявили готовность присоединиться к Содружеству. Горбачев отреагировал на новый и неожиданный для него политический поворот драматическим заявлением: «На смену длительному и трудному историческому процессу формирования единой страны приходит процесс ее разъединения, расчленения». Вместе с тем он изъявил готовность участвовать в процессе формирования нового межгосударственного альянса. Но республики от его услуг отказались почти демонстративно. 21 декабря на встрече в Алма-Ате, на которую советский президент даже не был приглашен, одиннадцать бывших советских республик, а теперь независимых государств объявили о создании Содружества по преимуществу с координационными функциями и без каких-либо законодательных, исполнительских и судебных полномочий. Цен-

тральным был один из заключительных абзацев алма-атинской декларации: «С образованием Содружества Независимых Государств Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование».

Так, накануне 69-летней годовщины образования СССР была подведена черта под его существованием. Без крови и без истерик, росчерками перьев одиннадцати руководителей независимых республик. Под декларацией не было подписей четырех бывших республик — Грузии, Литвы, Латвии, Эстонии. Но не потому, что они были против роспуска СССР, а потому что считали свое давнее включение в Советский Союз незаконным и не хотели участвовать ни в каких альянсах с недавними «сестрами». Под декларацией отсутствовала и подпись Горбачева. Он оказался единственным высшим государственным деятелем бывшего СССР, который был против его ликвидации. Но его мнения по этому вопросу никто не захотел даже выслушивать. Советский президент был лишен государства и государственной власти в унизительной форме.

Тем не менее Горбачев, проявив незаурядную выдержку и явно желая придать трагическому и для него, и для СССР развитию событий приличествующую форму, заявил о добровольном сложении с себя полномочий советского президента. Но приличное поведение не освободило его от нового унижения со стороны Ельцина: 27 декабря, когда Горбачев появился в Кремле для «сбора вещей», в его кабинете уже сидел российский президент.

Роспуск СССР очень скоро породил самые разные толкования. По большей части они носили ярко выраженный политический характер. Люди, скрепившие своими подписями алмаатинскую декларацию, как и их окружение, доказывали, что ликвидация Советского Союза и образование вместо него альянса независимых государств стали единственным возможным выходом из политического тупика. Их оппоненты приписывали роспуск СССР или злой воле трех славянских лидеров, или проискам мирового империализма. В России не только коммунисты, политические силы из державно-националистического лагеря, но так же и некоторые участники «Демократической России«, правда порвавшие с ней осенью 1991 г. (среди них лидер Демократической партии Травкин, лидеры Конституционно-демократической партии М.Астафьев и И.Константинов, христианский демократ Аксючиц) объявили главным виновником скоропалительной смерти Советского Союза Ельцина. Перипетии последующего исторического раз-

вития все больше и больше увеличивали число тех, кто рассматривал ликвидацию СССР как трагическую ошибку и даже преступление высокопоставленных политиков.

Если следовать исторической логике и фактам, то распад СССР следует признать результатом воздействия целой суммы субъективных и объективных факторов. Было бы нелепо отрицать, что политическое поведение и воля тех или иных лидеров не имели к нему отношения. Политический выбор Б.Ельцина, Л.Кравчука и С.Шушкевича в начале декабря придал процессу ликвидации СССР мощное ускорение. Личная неприязнь Ельцина к Горбачеву была важным фактором, склонившим чашу весов в пользу такого выбора. Нельзя не говорить и о «факторе Горбачева», как также способствовавшем печальному для Советского Союза исходу его истории.

Фактически с самого начала перестройки у Горбачева не было сколько-нибудь продуманной национальной политики. Порожденные политической демократизацией центробежные тенденции вызывали у него удивление, а то и обиду на «неблагодарность» республик: достаточно в связи с этим вспомнить его растерянность и недоумение во время поездки в Литву в начале 1990 года, когда лидеры этого прибалтийского государства прямо заявили Горбачеву о нежелании оставаться в СССР. Советский президент обнаружил полную беспомощность в тушении пожаров в «горячих точках» национальных отношений в разных регионах. В решении национальных вопросов он метался из стороны в сторону, явно не зная, сколько суверенитета нужно дать республикам, чтобы удовлетворить их аппетиты и в то же время сохранить СССР. Наконец, перманентные неудачи его экономических реформ стимулировали республики не просто к выходу, а к бегству из неподдающейся переделке общественно-экономической системы и обращению к самостоятельным попыткам выхода из тупика.

Признавая значение субъективных факторов, просчетов и амбиций тех или иных лидеров в процессе распада СССР, нельзя сбрасывать со счетов объективные его причины. Одна из них по своему характеру универсальна: мировой опыт свидетельствует, что многонациональные государственные образования, подобные СССР, рано или поздно разрушались, рок распада висел над теми из них, которые управлялись «железной рукой», и над теми, в которых использовались либеральные методы. Неизменно рушились империи рабов-

ладельческие, феодальные, капиталистические и, наконец, настал черед социалистических.

Рок распада проявил себя еще в российской империи в 1917-1921 годах. Независимыми тогда пожелало стать большинство национально-территориальных «окраин». Но пришедшие к власти большевики, хотя и исповедовали веру в исторические закономерности и неизбежность крушения любых империй, тем не менее сами решились вступить в схватку с историей, силой воссоздали империю под новым названием и крышей и сделали в результате заложниками своего эксперимента множество народов и наций, включая и русскую. То, что произошло в начале 1990-х гг. в СССР, можно рассматривать как реванш, взятый историей у революционно-интернациональной политической партии, и свидетельство того, что «обвал» российской империи в 1917 г. отнюдь не был случайностью.

Мировой опыт свидетельствует также, что империи могли удерживаться только в условиях деспотических, тоталитарных режимов и унитарных государств, что империи и политическая свобода несовместимы. Горбачев, провозгласивший в 1987 году курс на политическую демократизацию был, кажется, в полном неведении относительно этой исторической истины. По крайней мере, ни он, ни его окружение, одобряя демократические реформы в середине 1988 года на XIX Всесоюзной партконференции, и не подозревали, что выносят смертный приговор и КПСС, и СССР. Сама КПСС являлась главным цементирующим элементом СССР, поэтому ее ослабление, а затем и утрата партийно-политической монополии способствовали тому, что распад Советского Союза приобрел «галопирующий» характер.

Опыт распада СССР обнаружил не только то, что процессы национального самоопределения, коли они уж получили волю, становятся необратимыми, но и то, что национализм является иррациональной силой, сокрушающей все и всяческие связывающие узы, не сообразуясь с тем, соответствует ли это истинным интересам представляемого им народа или нет. С точки зрения экономической и политической целесообразности, простого здравого смысла действительно трудно понять, например, зачем советским республикам, пожелавшим обрести независимость, нужно было «сжигать дотла» не только государственные, но и экономические связи, приобретшие в течение столетий органический харак-

тер? Но такова уж иррациональная сила национализма: ради своего торжества он готов не только «развести» народы, но и внушить им самые недобрые чувства друг к другу. Этой иррациональной силы национализма не смогли учесть ни Горбачев, ни его окружение, повторявшие, как заклинание фразу о том, что «разойтись мы не сможем».

В политической науке можно обнаружить не одну теорию, помогающую глубже и всестороннее понять и объяснить причины распада СССР. Среди таковых убедительна теория «циркуляции» и «революции элит». Она, в частности, гласит, что в обществах, где длительное время господствуют замкнутые политические элиты, наглухо закрывающие доступ в свои ряды для подавляющего большинства населения по идейным, социальным, национальным соображениям, неизбежно формируются оппозиционные неформальные элиты, ставящие целью радикальное переустройство государственной власти.

Советская номенклатурно коммунистическая верхушка относилась к элитам самого жесткого типа. Неудивительно, что как только в СССР была легализована возможность создавать и участвовать в выборах «неформальным» политическим группам и объединениям, дни ее были сочтены. Не случайно то, что среди новых элит доминирующую позицию во многих случаях заняли националистические и даже крайне националистические группировки. Быстро найдя для себя массовую опору, умело апеллируя к реальным фактам национальной дискриминации и эксплуатируя иррациональный национализм, они смогли оттеснить от власти старую элиту. Власть новых элит могла стать по настоящему прочной только при условии ликвидации СССР и обретения республиками полной независимости, что стало одной из главных целей лидеров национальных движений.

Крушение СССР подвело черту под горбачевским периодом современной отечественной истории. Деятельность этого политика еще в годы пребывания его у власти вызвала ярые политические дискуссии, полярные интерпретации и оценки. Для исторической науки в политической деятельности Горбачева, помимо всего прочего, заключен благодатный материал для осмысления классической проблемы «личность и история». Каковы возможности и пределы воздействия личности на историю, когда и почему эта личность берет верх, а в каких случаях и почему терпит поражение в противоборстве с историей?

В период пребывания Горбачева у власти в оценках его

деятельности преобладали два крайних подхода — апологетический и критический. В свою очередь каждый из этих двух подходов претерпел определенную эволюцию, разделительным рубежом которой стал август 1991 года.

До августа апологеты, представлявшие по преимуществу реформистское крыло КПСС, видели в Горбачеве альтернативу как «непредсказуемому популисту» Ельцину, так и коммунистическим фундаменталистам типа Полозкова. Газета «Советская культура», выражая позицию апологетов, 12 января 1991 г. (накануне событий в Литве!) на месте передовицы поместила перевод статьи из германской «Генераль-анцайгер», дав ей собственное лозунговое название: «Единственная гарантия — Горбачев». Вывод, который пропагандировала «Советская культура», заключался в том, что Горбачев был и остается мессией, который призван спасти советский народ, а потому ему нужно вверять любую власть: «Не только из-за угрожающего хаоса, но и потому, что личность Горбачева дает единственную гарантию того, что основные идеи перестройки — экономическую реформу и демократию — можно будет спасти и на фазе авторитарного вмешательства»[7].

Появились даже разнообразные приемы апологии Горбачева. Один из них — сравнение его с русским царем Александром II. Защищая Горбачева от «неблагодарных» радикалов, писатель Л.Карелин негодовал: «Неблагодарность переползает в предательство. Борьба за власть, за этот из прошлого ор: «Царевну Софью на трон!» — это уже не политические игры, не амбициозные вожделения, не торопливая суета карьеристов, спешащих урвать свой кусок, поскольку Президент нынешний вроде бы мягковат, нерешителен, терпим безмерно. Спасибо бы ему за это сказать, ведь это качество доброго человека. Нет, поменять его. На кого, господа хорошие? ... Напомню простой факт из российской истории... Был в России сравнительно добрый царь Александр Второй. Это ведь он отменил крепостное право, но это ведь его убили народовольцы. Мало им показалось царской доброты, распоясались на большее. Получили же Александра Третьего, получили царя - реакционера. Если совсем точно сказать: получили наказание за неблагодарность»[8].

Перипетии августа 1991 г. серьезно перетасовали ряды защитников Горбачева. Он оказался тогда «генералом без армии», человеком без власти и влияния (демократию спасли не горбачевцы, а Ельцин и радикалы), а посему представления

о нем, как о мессии, рухнули в одночасье. Многие его сторонники, в первую очередь из реформаторского крыла КПСС, отреклись от него и по другой причине: слишком уж легко подписался он под ельцинским запретом компартии. Бывший диссидент Рой Медведев, некогда исключенный, а в период перестройки восстановленный в партии, сокрушался: «Запретили КПСС грубо и оскорбительно. И если бы это еще сделал не Горбачев, который мне доверял и, не спрашивая моего согласия, вписал меня в члены ЦК, даже не разъяснив, зачем я ему там нужен...»[9].

Зато среди защитников Горбачева сразу после августа оказалось немало демократов. О.Лацис, Ю.Щекочихин, Л.Карпинский[10] готовы были теперь поставить Горбачева рядом с русскими либеральными царями Александром I и Александром II. Но не меньшее количество демократов стали еще более яростными критиками Горбачева.

Амплитуда критических оценок Горбачева выявилась еще до августа 1991 г., и тогда же в них обозначились свои стереотипы. Один из них — отрицание у Горбачева качеств практического политика. Б.Мирзоян утверждал: «Такой пропасти между словом и делом, между принятым планом и его выполнением не наблюдалось во всех предыдущих пятилетках развития народного хозяйства СССР. Ни при Сталине, ни при Хрущеве, ни при Брежневе, тем более в первые пять лет их правления. Даже Сталину не сразу удалось угробить плоды НЭПа»[11]. Другая точка зрения, принадлежавшая радикально-демократической критике, заключалась в том, что Горбачев органически связан с партократией, а потому оказался неспособен разрубить гордиев узел тоталитаризма[12].

Крайне радикальная критика Горбачева, как не парадоксально, порой совпадала с крайне консервативными оценками. Например, выдвинутая бывшим диссидентом В.Буковским версия о том, что весь проект и режим осуществления перестройки были разработаны задолго до нее в стенах КГБ и предложены им Горбачеву (цель — спасение партократии посредством реформ), была зеркальным отражением утверждений консерваторов о том, что перестройка направлялась из западных спецслужб, а Горбачев — их «агент влияния». После августовского путча леворадикальная критика [13] возложила на Горбачева прямую вину за контрреволюционный переворот. И вновь крайности сошлись: в свя-

зях Горбачева с путчистами не сомневались и праворадикалы типа В.Алксниса.

Историки знают, что крайние оценки, как правило, преобладают в суждениях современников, особенно, когда речь идет о крутых, переломных исторических эпохах и предвзятость таких оценок со временем проявляется все больше. Очевидно и то, что масштабные исторические личности не могут быть объективно оценены, если пользоваться только одним из двух арифметических знаков — плюс или минус. Реальная историческая роль Горбачева, безусловно, принадлежащего к таким личностям, сложна и противоречива, а его цельный политический портрет — это портрет из многих парадоксов, причем в нем найдется место и для контрастных красок и для множества полутонов.

Объективные суждения о месте Горбачева в отечественной истории невозможны без опоры на принцип историзма, который, в частности, требует оценивать роль личности с учетом закономерностей крупных переломных исторических эпох, когда совершается переход общества из одного состояния в другое. Одна из таких закономерностей свидетельствует, что крупные, в том числе самые прогрессивные, переходные эпохи в истории человечества сопровождались затяжным падением прозводства, инфляцией, ростом социальных контрастов. Позитивные результаты пожинались зачастую много позже их завершения. Главной задачей прогрессивных переходных эпох является создание моделей, способствующих таким улучшениям. В какой мере Горбачев способствовал созданию таких моделей и способствовал ли он их созданию вообще — вот вопрос, который является существенно важным для прояснения его роли в истории.

Для объективной оценки Горбачева очень важен, конечно, и вопрос о том, какой ценой оплачивался переход общества в новое состояние, или какой вследствие его реформ оказалась социальная «цена» посткоммунистической модернизации в России? Известно, что благодаря искусной социальной инженерии выдающихся политиков цена крутых переходных периодов может быть существенно снижена. В связи с этим на память приходят реформы Ф.Рузвельта в США 1930-х годов, которые по классическим американским меркам казались антикапиталистическими и социалистическими. Они радикально изменили общество, но принесли достаточно быстрые позитивные результаты среднему классу и низшим слоям и, кроме того, не пошатнули, а оздоровили устои бизнеса.

Достаточно безболезненным и быстрым оказался и переход от тоталитарных к либерально-демократическим обществам в Федеративной Республике Германии, Италии, Японии после второй мировой войны, в Испании в 1970-е годы.

Но все это зарубежные образцы эволюционных и успешных переходных эпох. Российская традиция таковых не знает. Переходные эпохи российской истории всегда сопровождались неимоверными страданиями народа и были очень затяжными. В этом смысле переходная эпоха, начатая Горбачевым, соответствует именно российским образцам. Он не смог завершить начатые им экономические преобразования, а к концу его пребывания на президентском посту принятое им к реформированию общество лежало в руинах. И именно этот итог — перестройка как катастройка (последнее определение принадлежит А.Зиновьеву) — запечатлелся в сознании большинства современников. Такая оценка весьма ярко представлена в «количественной» характеристике внутриполитических итогов горбачевского правления, опубликованной американской газетой «Вашингтон пост» 15 декабря 1991 года.

Вот основные ее данные о горбачевском периоде:

	1985 год	1991 год
советский золотой запас	около 2500 тонн	240 тонн
продажа «биг-маков» в Москве	0	15 млн.
число политзаключенных	600	0
официальный курс доллара	0,6 рубля	90 рублей
политические партии в России	1	12 (официально зарегистриров.)
число членов КПСС	19 млн.	0 (партия запрещена)
официальные темпы роста советской экономики	+ 2,3%	-11%
внешний долг в млрд. долларов	10,5 млрд.	52 млрд.
цена килограмма мяса	2 рубля	100 рублей
экспорт нефти (в млн. баррелей)	1172	511

Возникает вопрос: возможно ли было использование Горбачевым иной, менее болезненной и более продуктивной модели общественных преобразований и возможны ли были иные итоги реформ? Отвечать на этот вопрос, конечно, можно только теоретически, памятуя, что история не знает сослагательных наклонений и что, следовательно, гипотетическая

оптимальная модель может применяться историком не более, чем в рамках «чистого разума».

В 1985–1986 гг. Горбачев использовал командно-административные методы реформирования социализма, и они потерпели крах. После этого перед ним объективно стоял выбор между двумя возможными моделями модернизации: авторитарной, близкой к китайскому образцу, и либерально-демократической, на основе которой пошло развитие в странах Восточной Европы. Сегодня очень многие полагают, что выбери Горбачев «китайскую» модель, модернизация в СССР пошла бы по наименее болезненному пути, не сопровождалась бы разрушениями, общественными катаклизмами и дала бы реальную отдачу в виде улучшения материального положения уже живущим поколениям людей, а не их внукам. В теоретическом плане такие суждения не лишены оснований, да Горбачев и сам после ухода в отставку признал, что уже с 1985 года нужно было идти по такому пути. Но с точки зрения историка ответ на вопрос, как «сработала бы» в СССР китайская модель, возможен только в том случае, если бы она была испытана на практике.

Очевидно другое: избранная Горбачевым в 1985 г. командно-административная модель реформирования социализма провалилась, а взятая на вооружение с 1987 г. реформистско-демократическая модель сопровождалась еще более разрушительными экономическими последствиями, обрекла на страдания живущие поколения и обозначила очень неясные перспективы будущего развития. Как выяснилось очень скоро, но о чем не подозревали Горбачев и его окружение, реформистско-демократическая модель была совершенно несовместима с устоями советского социализма, властью КПСС и унитарной сущностью СССР. Ее внедрение в жизнь, развитие политических свобод разрушило все эти советские основы и устранило возможность органического и относительно безболезненного развития общества и модернизации. Реформистско-демократическая модель, запущенная в жизнь Горбачевым, устранила от власти и самого ее создателя.

Но с отставкой Горбачева процесс реформирования общества не прервался, а набрал новые обороты. Сохранились и те институты — многопартийность, свободные выборы, свобода прессы, начала гражданского общества и разделение властей — которые были созданы при Горбачеве и которые давали возможность выбора новой общественной модели в случае неудачи прежней, являлись основой для состязатель-

ности различных общественных и политических сил. А раз так, у общества была надежда обновляться на мирной демократической основе.

Среди критических замечаний, часто высказываемых в адрес Горбачева и его окружения, одним из основных является отсутствие у них убедительной концепции экономических реформ. Но и этот недостаток в деятельности Горбачева может быть объективно оценен, если мы будем оставаться на почве историзма. В силу хорошо известных причин, в первую очередь существовавших на протяжении 70 лет запретов на свободное развитие научной, да и вообще любой мысли, никто в советском обществе не был готов к созданию в короткие сроки такой концепции. Даже с наступлением политической свободы агитация в пользу рынка его сторонников, в том числе и лучших экономических умов, носила умозрительный характер. Плачевное состояние отечественной экономической, политической, социологической мысли обрекло всех архитекторов российской модернизации на грубые ошибки. Горбачев совершил их больше, чем люди, сменившие его у власти в 1991 году, в значительной мере потому, что приступил к модернизации первым.

И уже в заслугу Горбачеву может быть поставлено то, что после укоренения в советском обществе свободы мысли и идеологического плюрализма он не пытался пресечь их, более того, сам черпал из новых идей, усваивал доктрины и концепции, которые в конце XX века значились в качестве самых передовых в арсенале мировой цивилизации. Воспринятые и активно пропагандировавшиеся им концепции гражданского общества, правового государства, политической демократии способствовали идеологической и духовной революции в обществе. Эта трансформация материализовалась в августе 1991 г.: народ готов был стоять насмерть ради защиты новых идеалов и предотвращения реставрационных попыток старокоммунистической элиты. Конечно, общественное сознание изменилось под воздействием не одного Горбачева, но это была и его революция. И может быть, именно она была главным результатом его шестилетнего пребывания у власти.

VI

НОВЫЙ КУРС РОССИИ: ГОД ГАЙДАРА

Одним из главных следствий августовских событий стало перемещение государственно-политической власти, сосредоточивавшейся прежде в союзном центре, в республики и, в первую очередь в Россию. Российский президент, правительство, Верховный Совет в течение нескольких дней обрели власть, которой они тщетно добивались у Центра почти полтора года. Теперь перед ними во весь рост встала проблема претворения в жизнь радикальных реформ, которые вынашивались и оттачивались начиная с 1989 года.

Очень скоро выяснилось, однако, что при наличии у радикалов общей идеологии реформ, у них не было сколько-нибудь проработанной и обоснованной программы конкретных экономических и политических преобразований. На ее подготовку уже после августа ушло три месяца, и до ее обнародования россиянам оставалось только гадать, какой будет практическая программа правительства Ельцина. Вопросов в этой связи возникало очень много, поскольку среди радикалов не было единства по вопросу о путях реформирования России, а когда же он со всей остротой встал в повестку дня практической политики, разногласия между ними еще более усилились.

Если в радикальной идеологии и был центральный связующий постулат, то заключался он в представлении о благотворности свободных, не обремененных государственным контролем экономических отношений. В 1991 г. даже умеренные радикалы решительно отвергали идею государственного экономического регулирования, а «регулируемый рынок» считали такой же нелепостью, как «жаренный лед». Свободный рыночный обмен товарами и услугами стал наделяться способностью преобразовать экономику России, вывести ее в число передовых в мире. И если старая официальная советская идеология исповедовала своего рода политический детерминизм, заключавшийся в вере в способность государства и КПСС переделать природу человека и устранить все пороки общества, то новая радикальная вера основывалась на экономическом детерминизме, по принципу «от противного» пыта-

ясь доказать, что стоит устранить государство из естественно исторического процесса, как тут же заработают благодатные для общества рыночные механизмы, способные быстро расставить все по своим «естественным местам» и облагодетельствовать всех.

Не случайно, что наиболее популярными авторами демократических средств массовой информации, от «Московского комсомольца» до «Огонька», стали публицисты, отстаивавшие ценности абсолютно свободного рынка в духе М.Тэтчер и Р.Рейгана. Их западным кумиром был уже не Дж.Гэлбрейт, сторонник соединения «лучших черт» социализма и капитализма, а Хайек и Фридмен, видевшие смертельную опасность социализма в любом государственном интервенционизме в общественную жизнь. Типичным для радикальных идеологов было суждение популярной поборницы абсолютной экономической свободы Л.Пияшевой, которая, заклеймив «новую утопию» «наисветлейшего, наисоциальнейшего, с человеческим лицом и коммунистическим благолепием» «демократического социализма», так сформулировала спасительную программу для России: «Когда я размышляю о путях возрождения своей страны, мне ничего не приходит в голову, как перенести опыт немецкого экономического чуда на нашу территорию. Конституировать, как это сделало правительство Аденауэра, экономический либерализм в чрезвычайные сроки, запретить коммунистическую идеологию, провести Всероссийский процесс покаяния, осудив всех «зачинщиков» хотя бы посмертно, сбросить с себя груз тоталитаризма, захоронить ленинский прах, убрать в музеи всю социалистически-коммунистическую символику и высвободить на волю вольную всю уцелевшую и сохранившуюся в обществе предпринимательскую инициативу. Моя надежда теплится на том, что выпущенный на свободу «дух предпринимательства» возродит в стране и волю к жизни, и «протестантскую этику»[1].

Для радикалов было характерно убеждение в том, что рыночная свобода благодатна абсолютно для всех и вся: и для промышленности, и для сельского хозяйства, и для торговли, и для науки, и для культуры. Многим представителям культуры, разделявшим радикальные взгляды, было свойственно отождествлять рыночную свободу с свободой творчества, по крайней мере они исходили из убеждения, что именно рынок «отберет» самые лучшие фильмы, книги, научные достижения.

Широко распространенным было и убеждение, что именно

экономическая свобода является основой политической демократии. Массам также внушалась мысль, что благодать рынка может утвердиться в России в сжатые сроки, а его введение произойдет без ухудшения положения большинства, которое очень быстро должно было оформиться в «средний класс». Именно обещание быстрого общественного переустройства на основе рыночных отношений и создания для большинства жизненных условий «достойных человеческого существования» лежало в основе стратегии борьбы за власть Ельцина и радикалов, с помощью которой они завоевали поддержку россиян.

Наряду с верой в чудотворную способность рынка радикалы подчеркивали свою приверженность политической демократии, в которую включались многопартийность, правовое государство, разделение властей, равенство всех в политическом волеизъявлении. Поборники радикализма в своем большинстве отвергали любые формы авторитаризма, например, президентское правление, даже на переходный период экономических реформ. Проблема возможной коллизии между политической демократией и экономической свободой, которая выступает в качестве закономерности в обществах с низкими доходами и неразвитой гражданской культурой, не поднималась.

Эти установки разделялись далеко не всеми представителями демократического движения, но именно они определяли магистральную линию радикальной идеологии. Ее творцы явно исходили не из того, что возможно было построить в России на основе и с учетом наличествующего социально-экономического, политического и социально-культурного материала, а из того, как должно было быть обустроено российское общество в соответствии с определенным идеалом. Другая черта радикальной идеологии, также свидетельствующая о наличии в ней типичных черт утопии, — то, что она строилась на основе прямого и тотального отрицания утвердившейся в России общественной системы, как ее абсолютная альтернатива. «Клин» выбивался «клином», и результатом этого было опять-таки абстрагирование от реальных органических характеристик российского общества. Хорошо и приемлемо было то, что оказывалось прямо противоположным реальному социализму, коммунистическим принципам.

Характерно, что многие политики, публицисты и журналисты радикальной ориентации стали определять августовские события 1991 года, как буржуазную революцию[2], давшую

новой власти мандат на построение в России капитализма. Утверждалось это, несмотря на то, что к августу 1991 года в России не было ни экономических факторов (частная собственность и частнокапиталистическое предпринимательство), ни буржуазии, достигших в Европе и Северной Америке накануне буржуазных революций той «критической массы», которая и делала эти революции неизбежными. В тех революциях именно буржуазия играла роль организатора и гегемона, быстро формировала мощные буржуазные политические группировки и системы и брала в руки политическую власть. Ничего подобного в России не было.

Использование жестких классовых терминов — «капиталистическая» и «буржуазная» — применительно к общедемократической по своему характеру революции конца августа 1991 года не выглядело убедительным и потому, что она отнюдь не прояснила вопроса о социально-экономических основах будущего российского общества. Вопрос о том, какими будут эти основы, и сегодня остается открытым: социально-экономическая история России вступила в период альтернативного развития, и вряд ли кто в состоянии предсказать, в каких организационных формах завершится приватизация тотально огосударствленной собственности и какими будут ее социальные и экономические последствия.

Утопизм идеологии радикалов, как это не парадоксально, в период борьбы за власть не только не мешал, но даже играл им на руку. Историки хорошо знают, что утопизм — качество многих новых идеологий, особенно в крутые переходные эпохи. Появление идеологий-утопий в такие эпохи закономерно: как показывает опыт истории, только вооружившись ими, можно решительно повести массы на борьбу со старым общественным строем. Идеология российских радикалов еще одно тому подтверждение: только ей удалось нанести сокрушительный удар по коммунистическим доктринам, россияне и пошли за ней, потому что она предлагала абсолютную альтернативу опостылевшему реальному социализму. Но блестяще выполнив свою разрушительную задачу, радикализм сразу после утверждения у власти обнаружил, что возможности воплощения его доктрин на практике или очень ограничены или же, в случае реализации в чистом виде, чреваты взрывоопасными социальными последствиями.

Первыми «испытание на прочность» не выдержали политические доктрины радикалов, такие как разделение властей, правовое государство, верховенство конституции. Еще до

августа 1991 года обнаружились серьезные разногласия между законодательными и исполнительными органами власти, оказавшимися в руках радикалов. В Москве и Санкт-Петербурге мэры этих городов, они же главы исполнительной власти, Г.Попов и А.Собчак быстро оказались в состоянии войны с городскими Советами, органами законодательной власти. Советы претендовали на верховенство в разработке, принятии и осуществлении всех законов и нормативных актов, а мэры считали, что это их прерогатива. Мэр Москвы полагал, что в практической политике надо опираться на квалифицированные профессиональные кадры, а демократы из Моссовета требовали назначений на руководящие должности по партийной принадлежности. В результате конфликта Г.Попов круто поменял свои политические взгляды: если в 1989 году он доказывал, что «наша перестройка возможна или только как демократическая, или она вообще обречена» и что демократам «необходима и сильная исполнительная власть, и сильная контрольная власть», то в 1991 году он уже выступал за десоветизацию и возвышение исполнительной власти, которая должна была воплощать «демократуру»[3]. Реализуя свои проекты, мэр Москвы создал в столице подвластные ему префектуры, а Советы задвинул на политические задворки. Демократы из Советов обвинили его в установлении личной диктатуры.

Очень быстро рухнуло решение радикалов твердо следовать во всем принципам правового государства. Российское демократическое движение с момента возникновения подвергало жесткой критике Ленина и большевиков за ниспровержение законности и права и упование на революционную целесообразность. Но с самого момента прихода к власти радикалы сами стали поступать в соответствии с политической целесообразностью. В конце 1991 года один из сопредседателей движения «Демократиическая Россия», в прошлом известный правозащитник Л.Пономарев, предложил правительству руководствоваться принципом, мало отличающимся от большевистского: «В революционном темпе раздать землю, провести приватизацию в промышленности, торговле... Действовать так, как действовал Ельцин в дни переворота. Да, ряд его указов, принятых в этой критической обстановке, носит антиконституционный характер. Но я назвал бы их гениальными. Они абсолютно отвечали политической потребности. То есть надо нам быть прагматиками»[4].

В радикальном движении очень быстро возникли проти-

воречия между ортодоксами, твердо следовавшими политическим обещаниям, и прагматиками, уповавшими на политическую целесообразность. Вследствие этого уже в сентябре-октябре 1991 года раскололось его ядро — движение «Демократическая Россия». Из него выделились «крайние радикалы», считавшие возможным поддерживать правительство Ельцина только условно и критиковать его за отступления от заповедей движения. По иным соображениям покинули «Демократическую Россию» христианские и конституционные демократы, а также Демократическая партия: они перешли на позицию «державников», стали твердо отстаивать принцип «неделимости» российского государства и все более жестко критиковать Ельцина за «развал СССР» (хотя этот развал был в значительной степени следствием борьбы за суверенитет России, который в 1990-1991 гг. решительно поддерживали все без исключения участники «Демократической России»).

После августа 1991 года в течение двух-трех месяцев политическая опора российского правительства неожиданно и резко сузилась. А к радикальным реформам, в первую очередь экономическим, новая власть еще даже не приступала. Она активно занималась разрушением КПСС и ее структур, создавала «исполнительную вертикаль» государства (Ельцин назначил своих наместников во все области), боролась за перераспределение прерогатив с союзным правительством. Промедление российского правительства с экономическими реформами вызывало нарастающее недовольство в демократических кругах и прессе.

План экономических реформ был обнародован только в конце октября. С его изложением выступил на Съезде народных депутатов России сам президент Ельцин. План включал несколько конкретных направлений экономической политики России, которые в совокупности и составили радикальную реформу. В отличие от программы «500 дней» сроки реализации радикальной реформы не устанавливались, но из доклада президента было ясно, что основные меры должны быть осуществлены в 1992 году.

Первая крупная мера — разовое введение свободных цен с января 1992 года — должна была определить рыночную стоимость товаров, ликвидировать товарный дефицит, «запустить» механизм конкуренции между всеми отраслями и предприятиями, заставить людей и организации «зарабатывать деньги». Вторая мера — либерализация торговли — должна была ускорить товарооборот, создать инфраструкту-

ру по сбыту максимально возможных объемов отечественной и импортной продукции. Третья мера — широкая приватизация жилья, госпредприятий должна была превратить массы населения в собственников, создать у них мощный трудовой, накопительский и иные чисто экономические стимулы деятельности. За 1992 год намечалось приватизировать не менее половины предприятий легкой, пищевой промышленности, строительства, торговли, общественного питания, бытового обслуживания и других. Вместе с тем исключалась приватизация недр, лесов, водных ресурсов, заповедников, историко-культурных объектов, художественных ценностей, государственной казны, золотого запаса, валютных фондов, имущества Вооруженных Сил и значительной части предприятий и учреждений, наиболее важных для жизнеобеспечения — энергетика, транспорт, связь.

Как явствовало из программы, изложенной Ельциным, государство, кроме реализации данных мер, видело свою роль в том, чтобы создать равные конкурентные условия для всех предприятий и отраслей, не выделяя приоритеты и «любимчиков», а исходя из того, что предпринимательские способности, экономическая целесообразность отберут и возвысят среди них тех, кто наиболее полезен обществу. Государство отказывалось от прямого вмешательства в экономику, но обещало проводить жесткую финансово-денежную и кредитную политику, с тем чтобы не одаривать дешевыми кредитами и бюджетными подачками «ленивых», избегать инфляции и бюджетного дефицита. Так же обещалось проводить разумную налоговую и антимонопольную политику.

Доклад Ельцина носил подчеркнуто деидеологизированный характер. В отличие от типичных идеологов радикализма в России он не использовал понятий «капитализм» и «социализм» и обещал, что от реформ выиграют все, при этом в характерном для него духе российский президент прогнозировал быстрый ход и успех реформ: «Хуже будет всем примерно полгода, затем — снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами, а к осени 1992 года — стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей»[5].

Хотя программа радикальных реформ была изложена Ельциным, всем было известно, что ее авторами являются ведущие министры нового российского правительства. Правительство было очень необычным по своему составу: главные места в нем заняли молодые представители научной общины, экономисты-рыночники Е.Гайдар, А.Шохин, А.Чубайс. Из

политического руководства «Демократической России» в правительство вошел только Г.Бурбулис, занявший, правда, ключевой пост государственного секретаря РСФСР, первого заместителя председателя правительства России (председателем стал сам президент, намеревавшийся своим авторитетом «прикрыть» мало известных министров-реформаторов). То, что Ельцин «раздал» министерские портфели не за «политические заслуги», а по профессиональным критериям, как бы подчеркивало, что в основу реформ будут положены не политические мотивы, а исключительно забота о пользе дела. Вскоре также выяснилось, что Бурбулису в правительстве предназначалась роль политического стратега и организатора, а главным архитектором экономических реформ выступал Е.Гайдар, назначенный вице-премьером по экономической политике.

Выдвижение Е.Гайдара на роль ведущего правительственного реформатора было для многих полной неожиданностью, ибо до того он никогда не занимался государственной деятельностью и не был среди участников демократического движения. Правда, в свои 35 лет он добился немалого на поприще науки: был доктором экономических наук и возглавлял академический институт экономической политики. Минусом Гайдара в глазах радикалов должно было быть то, что в годы перестройки он являлся редактором отдела экономики сначала в журнале ЦК КПСС «Коммунист», а затем в «Правде», плюсом же то, что молодой ученый был убежденным рыночником. Самые радикальные рыночные концепции Гайдар высказал именно в 1991 году, что и привлекло к нему внимание политических стратегов «Демократической России», рекомендовавших ученого-теоретика осенью того же года на высокий правительственный пост.

Уже в теоретических разработках 1990 — начала 1991 гг. Гайдар зарекомендовал себя сторонником «шокотерапии»[6]. Она представляла политику быстрого перехода от командно-административной к рыночной экономике и радикальные методы борьбы с инфляцией и бюджетным дефицитом, направленные на стабилизацию экономического развития. Теория «шокотерапии» исходила из тех основных предположений, что рыночные отношения являются единственным средством преодоления пороков огосударствленной экономики и что столбовая дорога к ним лежит через свободное ценообразование. Эти идеи и составили костяк «гайдарономики», положенной в основу внутренней политики России в 1992 году.

Последовательность радикальных экономических реформ, предложенная Гайдаром, — сначала отпуск цен, затем введение свободной торговли и только, в-третьих, приватизация - совпала с моделью «шокотерапии» американского экономиста Джеффри Сакса[7], в связи с чем оппоненты российского политика доказывали, что он механически позаимствовал заокеанский образец. Обвинения эти подкреплялись и тем, что Д.Сакс наряду с некоторыми другими зарубежными экономистами был включен в состав советников российского правительства. Критики Гайдара утверждали, что очередность реформ должна была быть иной: в первую очередь нужно было осуществить приватизацию и денационализацию, без которых отпуск цен означал простое их повышение промышленными и сельскохозяйственными монополистами.

В ответах критикам Гайдар доказывал, что предложенные им методы соответствуют универсальной, не привязанной ни к каким идеологиям, стабилизационной программе и что у России в силу ее специфических условий конца 1991 г. просто не могло быть альтернативной модели радикальных реформ. К этим условиям он относил фактическую утрату государством способности управлять промышленностью и сельским хозяйством, в целом экономикой, как в силу того, что в горбачевский период предприятия и регионы получили широчайшие возможности выполнять лишь те решения, которые их устраивали, так и по той причине, что вместе с распадом СССР и КПСС резко ослабло, стало безвластным само государство. Авторитарная китайская модель, утверждал Гайдар, по этой причине в России уже не могла быть применена, правительству не оставалось ничего иного, как немедленно «отпустить» цены и пытаться проводить политику «сильных денег».

Гайдар предлагал положиться на рынок и как на орудие структурных изменений в экономике: свободные цены должны были отобрать те товары и товаропроизводителей, которые удовлетворяли потребностям общества, и отвергнуть те, которые были ему не нужны. В целом эта схема конкурентной среды и экономического развития соответствовала классической модели экономического либерализма, которая была высказана еще в XVIII веке Адамом Смитом. Но сам Гайдар к теории экономического либерализма никогда не апеллировал, делая упор на то, что в России иная модель радикальной экономической реформы, нежели та, которую предложил он и его единомышленники, была просто невозможна. Зато

другие радикальные реформаторы прямо указывали, что именно практическая реализация этой теории в России является основой ее возрождения.

Абсолютная свобода приобретения и распоряжения частной собственностью и абсолютная экономическая свобода представлялись в качестве главной цели новой российской политики Г.Бурбулису: «Социально-экономическая цель реформы, с моей точки зрения, может быть выражена так: создать институт частной собственности. Люди должны жить в обществе, где они могут приобретать и свободно, без страха владеть любой частной собственностью. Опыт истории учит: ничего больше, соответствующего природе человека, за последние 10 тысяч лет не придумано. Строй не идеальный, но нормальный. И строй, который как-то подходит Европе, Юго-Восточной Азии, Америке, отнюдь не стирает национальных черт»[8].

А.Чубайс, ответственный в российском правительстве за проведение приватизации, также был убежден, что частная собственность и рынок являются достаточными основаниями и даже гарантиями всеобщего благоденствия, также как политических и духовных свобод. В своего рода программном манифесте «Что такое приватизация?» Чубайс изложил следующее идеологическое кредо: «Рыночная экономика — это экономика, основанная на частной собственности... Если собственность раздроблена между множеством владельцев, ни один из них не имеет исключительного права и физической возможности командовать остальными, определять размеры их личных доходов или уровень общественного положения... Ничьи взгляды не являются доминирующими и тем более обязательными для окружающих. Это просто невозможно сделать: вся власть частного собственника над остальными людьми заключается в том, что он может (или не может) предложить потребителям лучшие условия, чем его конкуренты. В этом смысле рыночная экономика — это гарантия не только эффективного использования средств, ресурсов, основных фондов и так далее, но также и гарантия свободы общества и независимости граждан»[9].

Теоретические и идеологические постулаты российских реформаторов не отличались по сути от тех, которые использовались радикальным движением периода борьбы за власть: главный из них заключался в том, что частная собственность и рынок быстро превратят Россию в общество «среднего класса», создадут общественную гармонию, упрочат полити-

ческую демократию и свободу. Теперь их предстояло испытать на практике.

Уже первая радикальная реформа — отпуск в начале января цен — привела к неожиданным и драматическим результатам. В преддверие реформы российское правительство прогнозировало рост цен примерно в три раза и с учетом этого установило индекс повышения заработной платы в бюджетных сферах, пенсий, стипендий и различных пособий в 70 процентов. Рост доходов в этом случае отставал бы от роста цен на одну треть и ухудшение положения населения было бы вполне приемлемой платой за реформу, тем более, что ее авторы обещали только «временное» ухудшение жизни народа. Но цены сразу же возросли в 10-12 раз, так что запланированное увеличение зарплаты и пенсий на 70 процентов, оказавшееся мизерным в сравнение с реальным ростом цен, привело к тому, что большинство населения оказалось за чертой бедности. Многократный рост цен, кроме того, нанес непоправимый удар по сберегательным вкладам населения, которые правительство было не в состоянии индексировать. Столь неожиданные следствия реформы, тут же нареченной в народе «грабительской», породили глубокое недоверие к правительству и его профессионализму, создали ситуацию, в значительной мере предопределившую восприятие курса властей массами россиян.

Радикальные реформы вызвали и весьма широкую оппозицию в Верховном Совете РСФСР. Парламентские комитеты и комиссии предложили во время обсуждения бюджета 1992 года увеличить его расходную статью на 276 миллиардов рублей, которые должны были быть направлены на ликвидацию «зазора» между ростом цен и доходами населения. Но это сводило на нет попытки правительства сформировать относительно бездефицитный бюджет и ставило под угрозу весь стратегический замысел гайдаровских реформ.

Вступив в дискуссию с парламентариями, Гайдар использовал в качестве козыря «фигуру МВФ», неизвестную большинству депутатов. Вице-премьер по экономике объявил, что насущной задачей являются поставки населению хотя бы в минимальных масштабах хлеба, а также закупки корма для скота, что предполагает ежедневную разгрузку в портах 120-130 тысяч тонн зерна. Зерно же Россия получала исключительно за счет иностранных кредитов. Жестким условием, которое выставили кредиторы, предоставившие отсрочку по выплате долгов, являлось сотрудничество с Международным

валютным фондом — МВФ — в проведении реформ. МВФ выдвигал два главных критерия при оценке серьезности реформ — последовательная либерализация цен и ликвидация бюджетного дефицита. Их несоблюдение грозило разрывом отношений с МВФ, кредиторами, голодом и падежом скота уже в марте. Этим аргументам Верховный Совет противостоять не смог.

Но уже в феврале-марте конфликт правительства и Верховного Совета возобновился, приобретая с каждым днем все более жесткие формы. В феврале правительство опубликовало меморандум об экономической политике на 1992 год. В нем отмечалось, что в январе было освобождено примерно 90 процентов потребительских цен и примерно 80 процентов цен на продукцию производственного назначения. До конца марта намечалось снять все оставшиеся административные ограничения цен на потребительские товары и услуги (за исключением квартирной платы, коммунальных услуг и общественного транспорта). Признавалось целесообразным немедленно освободить цены на энергоносители: они должны были достичь мирового уровня до конца 1993 года. На апрель прогнозировался очередной рост цен на 50–75 процентов. Вместе с тем предполагалось резко снизить прямые субсидии предприятиям и ликвидировать бюджетный дефицит к четвертому кварталу 1992 года. Планировалось также отменить обязательные госзаказы и принять другие меры по сокращению государственного вмешательства в экономику.

Радикальные намерения правительства были восприняты в штыки Верховным Советом, в первую очередь депутатами, представлявшими интересы государственных предприятий и колхозов, а также военно-промышленного комплекса. Либерализация цен, особенно на энергоносители, отмена госзаказов и дешевых кредитов делали убыточными большинство промышленных и сельскохозяйственных предприятий, они становились неплатежеспособными и оказывались перед реальной угрозой закрытия. Эта новая экономическая реальность оказала самое серьезное влияние на поведение Верховного Совета, вызвала новую расстановку сил в депутатском корпусе. В полной мере она проявилась в апреле на шестом Съезде народных депутатов России.

В 1990—1991 гг. в деятельности Верховного Совета и Съезда главными были вопросы борьбы за суверенитет России, введение поста президента, ограничение влияния КПСС, союзных министерств, в целом центральных органов

власти. При такой политической повестке «продемократические» депутаты всегда преобладали над «прокоммунистическими». К концу 1991 года все эти вопросы были решены в пользу реформаторского большинства, и теперь на центральное место в повестке Верховного Совета и Съезда выдвинулись проблемы радикальной экономической реформы и соотношения прерогатив законодательной и исполнительной власти.

Новые проблемы раскололи прежнее реформаторское большинство: примерно половина его перешла в 1992 году в ряды противников правительственной политики, объединившись с консерваторами образца 1990-1991 гг. и составив большинство уже с ними. Анализ поименных голосований на Съезде в 1992 году показывает, что только 240 депутатов так или иначе поддерживали правительство, 571 голосовали против радикальных экономических реформ, 227 занимали промежуточную позицию. Реакция на радикальный курс Гайдара превратила, таким образом, один и тот же состав депутатского корпуса из реформаторского в консервативный.

При таком соотношении сил среди депутатов решающее значение для сохранения курса правительства имела поддержка его Ельциным. И президент твердо встал на сторону Гайдара. Это в свою очередь не могло не привести к противостоянию между президентом и законодательной властью. Довольно быстро оппозиционное депутатское большинство приобрело и лидера в лице Председателя (спикера) Верховного Совета Р.Хасбулатова, обязанного своему восхождению на эту должность не кому иному, как «Демократической России» и Ельцину. Р.Хасбулатов, карьера которого в прошлом распадалась на две примерно равные части — в 60-70-е гг. он был комсомольским функционером, а в 80-е занимался экономической наукой и защитил докторскую диссертацию — использовал в борьбе с правительством два основных приема. Как доктор экономических наук, избранный к тому же после восхождения на высокий государственный пост, членом-корреспондентом Российской Академии наук, он претендовал на то, что может судить о рыночных реформах более компетентно, чем Гайдар. Как бывший комсомольский функционер, Хасбулатов использовал навыки политических интриг для того, чтобы переманивать на свою сторону все новых депутатов. Очень быстро главным способом «переманивания» стала раздача депутатам квартир, загранпоездок, иных привилегий.

Уже в самом начале шестого Съезда народных депутатов оппозиция решила нанести сокрушительный удар по Гайдару и его курсу. В розданном депутатам, а затем и одобренном в основном проекте постановления о деятельности правительства говорилось: «Признать ход экономической реформы неудовлетворительным в области социальной защиты граждан, инвестиционной, промышленной и аграрной политики, комплексности проводимых мероприятий». Президенту предлагалось в месячный срок представить в Верховный Совет проект закона о правительстве и новую кандидатуру его руководителя. В ответ на удар со стороны Верховного Совета члены правительства во главе с Гайдаром подали заявление о коллективной отставке, обвинив законодательную власть в «безответственном популизме».

Исход схватки между Съездом и правительством зависел теперь от Ельцина. Как это уже не раз бывало в экстремальных ситуациях, президент сумел спасти свой политический курс: законодателям были сделаны некоторые уступки, в результате чего Верховный Совет на время оставил Гайдара и правительство в покое. Некоторые западные обозреватели заявили даже о «триумфе Б.Ельцина», хотя в действительности то был компромисс, в результате которого президенту досталась победа по самому важному в тот момент политическому вопросу, а депутатам — возможность легализовать свои амбиции и создать основу для попыток взять реванш в будущем.

На Съезде выяснилось, что депутаты нашли хитроумный способ изменять соотношение сил между законодательной и исполнительной властью в свою пользу. Наделив себя правом вносить поправки в российскую конституцию, унаследованную от коммунистического периода, депутаты приступили к изменению высшего закона в свою пользу. Одна из поправок обнажила консервативно-реставраторские намерения депутатов: переименовав РСФСР в «Российскую Федерацию. Россию», депутаты вместе с тем сохранили в конституции упоминание об СССР. Причем с великодержавных позиций выступили не только представители коммунистической фракции, но и лидеры конституционных и христианских демократов, М.Астафьев, И.Константинов, В.Аксючиц, бывшие участники «Демократической России» (само это название придумал когда-то лидер кадетов Астафьев). Теперь же они объединились с коммунистами в блоке «Российское единство».

Новый конфликт между радикальными реформаторами и

консерваторами не заставил себя ждать. Разгорелся он в июле-августе в связи с выбором способов кредитования промышленных предприятий. К этому моменту острейшей кризисной проблемой стала всеобщая убыточность промышленных предприятий и их неплатежеспособность. С начала либерализации цен все они стали взвинчивать цены на свою продукцию до максимума, что породило своеобразный порочный круг: каждое новое повышение цен предприятиями оборачивалось соответствующим, а то и большим ростом тарифов на перевозку товаров, цен на энергию, сырье и т.д. Даже самые процветающие отрасли, нефтяная и газовая, столкнулись с тем, что их прибыли не покрывали убытков. К 1 июня сумма взаимных неплатежей предприятий достигла около 2 триллионов рублей, и не получая денег за свою продукцию, они оказались перед угрозой скорого краха.

Гайдар и его окружение видели выход в преодолении ценового эгоизма предприятий, повышении их экономической эффективности путем акционирования и в реализации президентского указа о банкротстве неконкурентноспособных предприятий. Предприятиям, вымаливающим у правительства субсидии и дешевые кредиты на продолжение производства, должно было быть сказано категорическое «нет», ибо подобная помощь оборачивалась только гиперинфляцией и сохранением «на плаву» даже самых «ленивых» и ненужных товаропроизводителей. Верховный же Совет в целях предотвращения экономического краха целых отраслей и неизбежного в случае массовой безработицы социального взрыва настаивал на финансовой помощи промышленности.

28 июля исполняющий обязанности председателя Центрального Банка России В.Геращенко разослал в местные отделения телеграмму, предписывающую предоставить дешевые кредиты государственным предприятиям на покрытие задолженности по взаиморасчетам. Таким образом предполагалось разрубить «гордиев узел» неплатежей и спасти экономику от краха. Поскольку утверждение Геращенко в должности зависело от Верховного Совета, сторонники радикальных рыночных реформ расценили его решение как «происки» Хасбулатова.

Кредитная политика Центробанка, совпавшая с волей Верховного Совета, нанесла жестокий удар по концепциям Гайдара и фактически похоронила весь его план «шокотерапии». «Шокотерапия», так как она реализовалась в Польше, предполагала резкое снижение и жесткое регулирование

темпов роста денежной массы, что приводило к сдерживанию инфляции. Финансовая политика Центробанка и Верховного Совета разрушила эту схему. Во второй половине 1992 года среднемесячные темпы роста денежной массы подскочили с прежних 11,4% до 28%. Высокая инфляция привела к резкому падению курса рубля, сделала невозможной финансово-денежную стабилизацию и сведение к минимуму бюджетного дефицита.

Такова была цена, заплаченная за спасение промышленности и предотвращение массовых социальных волнений. Достигая эту цель, Верховный Совет не утруждал себя серьезными профессиональными размышлениями о том, как можно было с минимальными потерями пройти между Сциллой гиперинфляции и Харибдой краха производства. Краху производства он просто предпочел гиперинфляцию. Но и правительство не было способно найти ответ на этот вопрос: по его мнению массовый крах промышленных предприятий оказывался приемлемой платой за финансовую стабилизацию.

Сопротивление радикальным реформам получило широкую поддержку в обществе, в первую очередь в отраслях военно-промышленного комплекса и бюджетной сфере, где было занято большинство населения. Учитывая это, правительство должно было прибегнуть к разнообразным маневрам, которые включали как попытки выдержать и укрепить принципиальную линию реформ, политическую борьбу с оппозицией, так и внесение определенных корректировок в собственный курс.

Одной из главных в правительственной идеологии стала концепция быстрого создания широкой социальной поддержки реформ за счет обращения масс россиян в «средний класс» — собственников-акционеров приватизируемых предприятий. Согласно схеме, разработанной Госкомимуществом России во главе с А.Чубайсом, намечались три варианта приватизации. Главными были первый и второй варианты. По первому варианту работники отчасти бесплатно, отчасти на льготных условиях могли приобрести чуть меньше половины акций своего предприятия. По второму варианту работники предприятий могли по закрытой подписке приобрести 51 процент (контрольный пакет) акций, но на более жестких условиях. Оставшиеся акции поступали в открытую продажу: их могли приобретать все россияне. Каждому из них выдавался приватизационный чек (ваучер) стоимостью в 10 тысяч рублей.

Стоимость ваучеров была определена исходя из оценки имущества российских предприятий на 1 января 1992 г. в 1 триллион 400 миллиардов рублей (напомню, что к середине года только долги предприятий друг другу уже в полтора раза превысили эту сумму. — Авт.). Именно ваучерная приватизация, согласно идеологии правительства, должна была привлечь к нему большинство россиян и нейтрализовать негативные стороны радикальных реформ.

Радикальные реформаторы должны были признать некоторые серьезные ошибки своей политики и выдать ряд обещаний народнохозяйственным отраслям и социальным слоям, в наибольшей степени пострадавшим от рыночной стихии. Выступая в начале октября в Верховном Совете, Б.Ельцин сделал заявление, в котором по сути согласился с главным обвинением оппозиции: «В экономической политике оказалось слишком много макроэкономики в ущерб решению конкретных человеческих и хозяйственных проблем, то есть микроэкономики»[10]. Президент признал, что вместо структурной перестройки промышленности в ней возобладал общий спад, что вследствие тотальной убыточности народного хозяйства в нем прекратился инвестиционный процесс и что идея бездефицитного бюджета оказалась утопической.

Тогда же вступил в силу президентский указ о реформе системы заработной платы в бюджетной сфере. Была введена тарифная сетка из 18 разрядов, учитывающих сложность труда работников, квалификацию, образовательный уровень, стаж и т.д. Все тарифные ставки при этом были увеличены в 1,5 раза. Были приняты некоторые меры по социальной защите малообеспеченных слоев населения, повышены пенсии по старости и инвалидности, студенческие стипендии. Российский президент попытался снизить и накал идеологических страстей в обществе, отмежевавшись от популярного среди радикалов тезиса о том, что Россия «строит капитализм»: «Главное, что я хочу сказать тем, кто повсюду кричит, будто Россия идет к капитализму: ни к какому капитализму мы Россию не ведем. Россия к этому просто неспособна. Она не будет ни в социализме, ни в капитализме»[11].

Корректируя курс реформ, его сторонники вместе с тем предпринимали попытки ослабить оппозицию. Главной мишенью для них стал Председатель Верховного Совета Р.Хасбулатов, сумевший стать второй по влиянию политической фигурой после Ельцина. Лидеры коалиции реформаторских фракций в парламенте поставили цель во что бы то ни

стало сместить Хасбулатова с поста спикера. По иронии судьбы возглавили борьбу за его смещение с должности люди, которые еще год назад не видели никакой альтернативы Хасбулатову на посту руководителя парламента.

Со своей стороны к решающим схваткам с Гайдаром и его сторонниками готовился и Хасбулатов. Для достижения своих целей Председатель Верховного Совета избрал доказавшую высокую эффективность в российских условиях популистскую тактику. В конце лета — осенью 1992 года спикер развернул кампанию встреч с представителями разных социальных слоев и групп, пострадавших от реформ. В ходе встреч сыпались обещания спасти науку, культуру, образование, социальную сферу.

Отвергнув концепцию бездефицитного бюджета, Хасбулатов заявил, что в течение ближайших лет дефицит не может быть ниже 10-12%. Спикер осудил правительственную программу приватизации и противопоставил ей идею бесплатной передачи предприятий трудовым коллективам (так называемая «народная приватизация»). Взяв под защиту «державные интересы», он потребовал прекратить «повальный развал нашего оборонного комплекса» и свернуть конверсию. И хотя программа Хасбулатова требовала резкого расширения государственных дотаций, а следовательно пополнения бюджета за счет налогов, спикер обещал снизить с 28 до 20 процентов налог на добавленную стоимость, не указав при этом никаких новых источников пополнения казны. Наконец он настаивал на решительном расширении полномочий законодательной власти при помощи внесения соответствующих поправок в конституцию[12].

Ристалищем главной схватки между правительственными реформаторами и их оппонентами стал седьмой Съезд народных депутатов, состоявшийся в начале декабря. К тому времени были уже известны основные итоги экономического развития России в течение года радикальных реформ, давшие в руки оппозиции много весомых аргументов. При общем спаде производства за первые три квартала 1992 г. почти на 20% наибольшим он оказался в тех отраслях, где в соответствии с логикой структурной перестройки он должен был быть наименьшим. Так, производство мяса и колбасных изделий сократилось почти на 30%, телевизоров, стиральных машин, тканей, других важных товаров народного потребления — на 22-27 процентов. Правда, производство некоторых продовольственных товаров сократилось ненамного или не сократилось

вовсе, но то были хлеб, макаронные изделия и соль — свидетельство того, что именно самые дешевые продукты господствовали теперь в рационе большинства россиян. И не удивительно, если учесть, что их реальные доходы за короткий период реформ снизились в 2 раза[13].

В день открытия Съезда президент Ельцин, пытавшийся внешне «парить над схваткой» и быть «арбитром нации», предпринял усилия снять, как он выразился сам, «крайне болезненные отношения Верховного Совета и правительства» и направить работу депутатов в русло компромисса. Ельцин ориентировал Съезд на установление политической передышки «хотя бы на год-полтора», с тем чтобы использовать его для выравнивания реформаторского курса. Стратегия «выравнивания» и компромиссов получила отражение в ряде президентских высказываний: «У реформ два главных приоритета: универсальные ценности и максимальный учет российской специфики»; «Российская экономика будет многоукладной. В ней найдется место и крупному частному предпринимательству, и среднему бизнесу, и мелкому хозяйству. Сохранится и государственный сектор. Мир России, наверное, никогда не отторгнет разнообразия коллективных форм хозяйствования и кооперации»; «Мы за твердую и последовательную государственную индустриальную политику, которая проведет нас по «золотой тропе» между свободами рынка и регулирующей ролью государства, обеспечит жизнеспособность большинства российских производителей, постепенно доведет их до мирового уровня»[14].

Съезд в этот раз был настроен на конфронтацию не только с правительством, но и с президентом. Большинство депутатов в жесткой, ультимативной форме требовали отставки Гайдара и правительства, а некоторые не стеснялись выпадов и оскорблений даже по адресу президента. Собственные позитивные предложения депутатов отличались крайней декларативностью, да и вообще были редки. Выступление Хасбулатова напоминало больше вузовскую лекцию с идеологизированным предупреждением против попыток «американизировать нашу экономику». Съезд задался одной целью — свалить правительство.

Кульминация и финал Съезда были очень драматическими. 10 декабря Ельцин использовал трибуну Съезда для того, чтобы обратиться напрямую к гражданам России. Обвинив Съезд в саботаже реформаторского курса и попытке наделить Верховный Совет, «ставший оплотом консервативных сил и

реакции», всеми возможными правами и полномочиями, но только не ответственностью, президент предложил провести в январе 1993 года всенародный референдум с одним вопросом: «Кому вы поручаете вывод страны из экономического и политического кризиса, возрождение Российской Федерации: нынешнему составу съезда и Верховного Совета или президенту России?». После этого Ельцин предложил своим сторонникам покинуть заседания. Призыву последовало явное меньшинство депутатов.

На демарш президента большинство Съезда ответило собственным обращением к россиянам, в котором Ельцин обвинялся в превышении конституционных полномочий и намерении уничтожить одну из главных ветвей власти. Государственная власть России, взаимоотношения ее двух главных ветвей оказались в тупике, выход из которого, однако, был найден весьма быстро и очень неожиданным образом. Председатель Конституционного суда России В.Зорькин, взявший инициативу разрешения кризиса в свои руки, в страстном обращении к президенту и депутатам призвал их преодолеть личные амбиции и ради интересов российского народа прийти к примирению. Лобовое столкновение президента и Съезда благодаря энергичному вмешательству Зорькина разрешилось компромиссом. Съезд признал право президента иметь своего кандидата на посту главы правительства, а президент согласился предложить Съезду для голосования не одну, а три кандидатуры на этот пост.

Наибольшее число голосов среди президентских кандидатов набрал В.Черномырдин. Ему и было поручено сформировать новое российское правительство. В него вошло много министров из прежнего состава, но имя Гайдара в списке нового кабинета отсутствовало.

Реформы, связанные с именем Гайдара, продолжались ровно год. Результаты их оказались глубоко противоречивыми, при этом в их оценке общество резко разделилось: Гайдар и его окружение, поддерживавшие их средства массовой информации, а так же люди, непосредственно выигравшие от реформ, давали им по преимуществу позитивные, а часто апологетические оценки, в то время как оппозиция и широкие социальные слои, положение которых резко ухудшилось, видели в реформах только негативную сторону.

Защитники реформ считали главной заслугой их творцов то, что наконец-то удалось сдвинуть с мертвой точки введение в России рынка. Доказывалось, что освобождение цен и

либерализация торговли наполнили прилавки продовольственными и иными товарами. Цены на товары по свободным ценам оказались для многих людей недоступными, но зато любой товар можно было теперь купить, что согласно аргументации защитников реформ, создавало у всего населения стимул трудиться и зарабатывать деньги. А это в свою очередь служило основой подъема производства во всех сферах. Согласно данной логике экономический рост, увеличение доходов и покупательной способности должны были наступить естественным образом, как бы само собой, и весьма быстро.

Сторонники реформ доказывали, что жесткая денежно-кредитная политика, финансовый контроль являлись единственной нитью, потянув за которую можно было распутать сложнейший клубок экономических проблем России. В заслугу правительству ставилось то, что по крайней мере в первой половине 1992 года оно смогло проводить успешные операции по спасению национальной валюты, укрепило авторитет рубля и покончило с безраздельно господствовавшим до того бартером, разрушавшем национальные финансы и в целом экономику. Срыв этих мероприятий во второй половине 1992 года объяснялся антиреформаторскими действиями Центрального банка и Верховного Совета.

Защитники правительства ставили ему в заслугу и то, что оно развернуло процесс массовой приватизации. Среди его главных достижений называли передачу в частную собственность в течение года 24 тысяч предприятий, 160 тысяч фермерских хозяйств, 15 процентов торговой сети. И безусловной заслугой считали наступивший перелом в российской ментальности: из коллективистско-патерналистской она все больше становилась индивидуалистической, нацеленной на автономизацию материального интереса каждой личности.

Время от времени радикальные реформаторы выступали и с самокритикой. Но чаще всего, полемизируя с оппонентами, они объясняли неудачи правительственной политики происками и саботажем «противников реформ», в которые в полном соответствии с известным лозунгом «кто не с нами, тот против нас» заносились не только критики, но и все недовольные правительственным курсом. Для пропагандистских средств, поддерживавших правительство, характерными стали попытки относить все экономические трудности и проблемы

реформируемой России на счет «родимых пятен» социализма и «наследия коммунизма».

Пропагандистские органы новой власти постепенно взяли на вооружение и такой классический прием старого режима, как признание текущих трудностей закономерными и неизбежными на очень длительный период и предложение живущим поколениям в качестве компенсации «светлого будущего» для внуков и правнуков. Впрочем, те, кто благодаря экономической либерализации вошел в слой нуворишей, считали резкие социальные контрасты не только естественными, но и оправданными. Первый официально зарегистрированный брокер России, директор фирмы «Новоброк» А.Инце уже в первый месяц радикальных реформ категорично заявил о необходимости признать социальные контрасты естественными и «распрощаться с мыслью, что жизнь может быть иной»: «Это ложная мысль, великое заблуждение. Люди равны только в бане, потому что они все - голые. А в жизни теперь придется кому-то довольствоваться черным хлебом, кому-то ананасами и рябчиками. Кто на что способен, тот столько и должен получать: если твои мозги ничего не стоят, значит, работай руками — может быть повезет»[15].

Критики реформ Гайдара видели их итоги совсем в ином свете. Главным в их глазах была непомерно высокая социальная цена реформ, которая явилась следствием ошибочного стратегического курса правительства. Согласно оценкам Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук, в которых раскрывается социальная цена реформ, реальные доходы населения к концу 1992 года снизились до 44% от уровня начала года. Доля расходов на питание в потребительском бюджете российской семьи в 1992 г. в среднем составила 60%, а у семей с детьми и пенсионеров до 80-90% денежных поступлений, чего не было с послевоенных лет. Более 70% опрошенных сообщили, что они вообще утратили возможность что-либо приобретать из одежды и обуви. Вследствие роста цен за год в 26 раз население оказалось фактически лишенным накопленных денежных сбережений в учреждениях сбербанка, гарантом которых выступало государство. Только прямые потери по вкладам составили порядка 500 млрд. рублей. Уровень потребления упал существенно ниже, чем производство: если в конце 1992 г. Россия по производству национального дохода находилась на уровне 1976 г., то по уровню и структуре потребления — на уровне 60-х годов[16].

В условиях либерализации экономики и ликвидации государственных распределительных и контрольных механизмов резко усилилось неравенство в распределении национального дохода: все большая его часть стала сосредоточиваться в руках предпринимателей, посредников, людей занятых в торговле и сервисе, директорского корпуса, государственных чиновников и все меньшая часть — в руках рабочих, интеллигенции, крестьян. В течение года Россия превратилась в общество резких социальных контрастов, в котором вступил в силу закон, сформулированный Марксом применительно к эпохе первоначального накопления капитала: богатые богатеют, а бедные беднеют.

Сокрушительный удар был нанесен либеральными реформами по сфере народного образования, культуре и науки. Резкое сокращение дотирования привело к тому, что только в науке, согласно данным Госкомстата России, число занятых сократилось к началу 1993 года (по сравнению с 1990-м) на 27 процентов, в том числе в академической науке — на 24, отраслевой — на 30,4, в вузовской — на 11,8 процента. Большая часть наиболее одаренных ученых вынуждена была в поисках работы и средств существования эмигрировать за границу. За год «утечка мозгов» составила 3,5 тысячи человек. Резко сократилось издание «нерентабельной» научной литературы.

Тяжелые потери понесла российская промышленность. Оказавшись в стихии рынка без какой-либо рыночной инфраструктуры, предприятия прибегли к средствам самовыживания, грозившим, как выяснилось, полным параличом промышленности. Стремление по максимуму, без учета рыночной конъюнктуры и возможных экономических последствий, поднять цены привело к тому, что затрудненным или даже невозможным оказался сбыт самой нужной продукции. Во многих отраслях стало невыгодным производство товаров первой необходимости. Благополучным было только положение в отраслях, в первую очередь нефте- и газодобычи, которые выходили на мировой рынок.

В целом в развитии российской модернизации к концу 1992 г. обозначился вариант, известный как латиноамериканский. Страны этой модели, развиваясь на рыночной основе и вовлекаясь в мирохозяйственные связи, занимают в них нишу, определяемую «правилами игры», которые задаются наиболее развитыми индустриальными странами. Российская ниша в этом случае — экспорт сырья, в первую очередь нефти

и газа, различных сортов металла. Все иные отрасли, в том числе наукоемкие, образование и наука оказываются невостребованными и обреченными на прозябание.

Социальная структура общества латиноамериканской модели исполнена острых и не устранимых контрастов. Процветает узкий слой торгово-ростовщического и банковского капитала, а также срастающееся с ним коррумпированное чиновничество. Подавляющее большинство общества с низким уровнем образования и сознанием, детерминируемым стандартами рыночной массовой культуры, состоит из бедных слоев. Средний класс практически отсутствует. Политическая демократия в таком обществе нежизнеспособна, ибо как свидетельствует мировой опыт, ее основой может быть только мощный средний класс, составляющий не менее половины общества. В странах латиноамериканской модели неизбежно устанавливается авторитарный режим, в лучшем случае обставленный демократическими учреждениями.

Фактически к концу 1992 года обнаружил свой утопизм и потерпел поражение стратегический замысел радикального движения 1989-1991 гг., который предполагал проведение быстрых и масштабных рыночных реформ без ухудшения положения народных масс, и столь же быстрое и безболезненное создание гражданского общества и демократических институтов. Закономерно, что правительство реформ не смогло создать для себя сколько нибудь прочной и широкой социальной опоры. Данные социологических опросов 1992 года неизменно свидетельствовали о падении авторитета реформаторов и лично Ельцина[17]. В стране быстро формировалась новая оппозиция, теперь уже по отношению к политикам, которые сами всего лишь год назад превратились из оппозиционеров в власть предержащих.

VII

ОППОЗИЦИЯ: ПРАВАЯ, ЛЕВАЯ ГДЕ СТОРОНА?

Приход к власти радикалов принес с собой серьезные изменения в расстановке политических сил в России. Курс радикальных реформ еще больше поменял прежнюю политическую конфигурацию: лагерь демократов все более раскалывался, так что к концу 1992 года его большинство находилось уже в оппозиции к правительству; многие из демократов перешли на сторону державно-патриотических сил, а те в свою очередь стали все более тесно смыкаться с коммунистическими группировками, образуя новый консервативный альянс; политическая оппозиция правительству не стала, однако, однородной, а в качестве главных в ней выделялись три течения, обозначаемые уже хорошо известными терминами — левые, правые и центр.

В применении к новой оппозиции, выступавшей с критикой уже не коммунистической, а радикально-реформаторской власти, эти термины приобрели новое значение. Понятие «левые» вернуло свой классический, общепринятый в XX веке смысл: с помощью его обозначались отныне те, кто выступал под коммунистическими и социалистическими знаменами, лозунгами коллективизма и социальной справедливости. Под «правыми» стали понимать по преимуществу тех, кто отстаивал национально-государственные принципы, пропагандировал идею «Великой России». В качестве центристов выступали политические силы, ратовавшие за смягчение курса реформ, снижение их социальной цены, выработку модели преобразований, приемлемой для всех слоев общества.

Кроме этих понятий, в российском политическом лексиконе появились и новые термины, выражавшие многообразие общественно-политического спектра. «Левых» также, как и «правых», стали разделять на «старых» и «новых», «умеренных» и «крайних», среди «центристов» различать «правый» и «левый» центр. Но даже совокупность этих терминов не отражала всех течений оппозиции. Некоторые среди них вообще не поддаются какой-либо из известных классификаций, ряд других может быть обозначен с помощью известных политических определений только с большой долей условнос-

ти. О неустойчивости современных политических тенденций и течений в России, как и ее политического сознания, свидетельствует то, что одним и тем же понятием подчас обозначались взаимоисключающие явления. Например, термин «правые» применялся не только в отношении национал-государственников, но и в отношении радикальных либералов прозападной ориентации, а термин «левые», закрепившийся наконец-то, как ему и подобает, за сторонниками социального равенства и справедливости, продолжал применяться и к рыночникам-демократам.

Первой политической силой, заявившей об оппозиции радикально-реформаторскому правительству, стали левые. После запрета КПСС и Российской коммунистической партии они были представлены новым направлением. В октябре 1991-го года состоялась учредительная конференция Социалистической партии трудящихся. В ее руководство вошли Р.Медведев, А.Денисов, И.Рыбкин, в недавнем прошлом входившие в реформаторское крыло КПСС. Программные документы новой партии включали гораздо больше социал-демократических, нежели коммунистических принципов, и, кроме того, по ряду важных положений они представляли собою ревизию, а то и отрицание марксистско-ленинской идеологии.

Определяя свое место в новой России, партия заявляла, что выражает интересы «тех, кто живет на заработную плату». Объявив о несовпадении ее целей с интересами нарождающегося капиталистического класса, СПТ вместе с тем обещала «не выступать против их законной деятельности». Ее экономический идеал был связан с «многоукладным обществом, но с преобладанием общественной собственности», а политический — с плюрализмом мнений, свободой слова и организаций. Партия была против выделения рабочего класса в особый, тем более господствующий класс, решительно отвергала идею диктатуры пролетариата. Она признавала ошибочность и утопизм многих идей классического марксизма, а в ленинизме отвергала приверженность идее мировой революции и методам насильственного переустройства общества. В разделе партийного устава «Основные цели деятельности» декларировалась следующая стратегическая задача российской модернизации: «Мирный конституционный вывод российского общества из глубокого экономического, политического и духовного кризиса; формирование на основе радикальных реформ правового демократического государства, многоукладной экономики, демократического общества»[1].

Другая «новая левая» партия, Социалистическая, длительное время входила в движение «Демократическая Россия». Но после провозглашения российским правительством программы шокотерапии партия решительно порвала с прежними союзниками и выступила с оппозицией всем основным реформам Гайдара. Лидер партии, Б.Кагарлицкий, который в брежневские времена был, подобно Р.Медведеву, диссидентом и проявил себя непримиримым противником коммунистического режима, теперь с не меньшей яростью атаковал сменивший его антикоммунистический режим, взявший курс на капитализацию и вестернизацию страны.

По утверждению лидера Соцпартии стратегический выбор радикальных реформаторов был ложен, потому что «никакой столбовой дороги европейской и тем более мировой цивилизации не существует, а опыт Запада учит нас только тому, что никогда ни одна преуспевающая страна не пыталась копировать готовые модели». Предложенная правительством схема всеобщей приватизации в условиях России, где не было ни частных капиталов, ни сколько-нибудь развитого предпринимательского класса, могла, по заключению Кагарлицкого, привести только к углублению экономического хаоса, разрушению производительных сил и массовой безработице. Лидер Соцпартии выносил суровый приговор новой политической элите России: «Политика властей покажется куда менее безумной, если мы наконец поймем, что на самом деле правящие круги вовсе не стремятся вывести страну из кризиса. Они просто ставят перед собой совершенно иную цель — использовать кризис для собственного обогащения»[2].

Социалистическая партия трудящихся, соцпартия, как и другие, более мелкие «новые левые» организации,не смогли обрести прочных корней на российской почве. Они остались узкими объединениями части интеллигенции, не проявив ни организационных способностей, ни политической воли, необходимых для того, чтобы завоевать популярность в том широком социальном слое — «люди, живущие на зарплату», который теоретически призван был стать их массовой опорой.

Больших успехов смогли добиться «старые левые» объединения, воссоздавшиеся через несколько месяцев после запрета их коммунистических предшественников. Первой среди возродившихся «старых левых» стала Российская коммунистическая рабочая партия, заявившая о себе в январе 1992 года. Ее руководство во главе с Виктором Анпиловым с самого начала сделало ставку на социальные слои, в наиболь-

шей степени пострадавшие от радикальных экономических реформ. Программное заявление партии состояло из простых и жестких требований: немедленная отставка правительства Ельцина-Гайдара, отмена грабительских цен на продукты первой необходимости, пресечение антинародной приватизации и развитие «советизации» российской экономики, беспромедлительное воссоздание СССР в соответствии с итогами мартовского референдума 1991 года. РКРП предложила и свой состав правительства «народного доверия», ключевыми министрами в котором оказались: обороны — генерал А.Макашов, сельского хозяйства — В. Стародубцев, юстиции — Ю.Слободкин, угольной промышленности — Т.Авалиани. Премьер-министром на пленуме ЦК партии был утвержден профессор А.Сергеев.

С момента возникновения РКРП обнаружила намерение быть партией действия. В качестве основной формы протеста против политики правительства партия избрала массовые демонстрации и митинги. Первый «красный митинг» РКРП и созданная ею же непартийная организация «Трудовая Москва» провели 9 февраля. Митинг, на который по разным оценкам собралось от 40 до 100 тысяч человек, стал самой успешной акцией коммунистов за период после роспуска КПСС. Воодушевленные успехом, лидеры РКРП и «Трудовой Москвы» наметили следующую, более массовую и боевую акцию на 23 февраля, являвшееся в СССР Днем Советской Армии.

23 февраля ознаменовалось первым открытым столкновением между властями и коммунистической оппозицией. Десятки тысяч демонстрантов, в первых рядах которых были ветераны-фронтовики, собрались в центре Москвы, намереваясь провести митинг и возложить цветы к могиле Неизвестного солдата. Путь им был прегражден отрядами милиции и спецподразделений (ОМОН). Произошло столкновение, в ходе которого несколько демонстрантов получили увечья. Митинг РКРП и «Трудовой Москвы» был сорван.

События 23 февраля имели важные и далеко идущие последствия: на их волне и под их непосредственным воздействием произошла консолидация различных оппозиционных сил и объединение в единый блок коммунистических и державно-патриотических сил. Действия московских властей по разгону коммунистической демонстрации получили резкое осуждение со стороны лидеров конституционных демократов М.Астафьева и И.Константинова, лидера христианских демократов В.Аксючица, некоторых других политиков, прежде

выступавших с антикоммунистических позиций. Солидарность коммунистических и некоммунистических течений послужила основой формирования нового консервативно-патриотического движения.

Его организационное оформление произошло весной-летом 1992 года. Организацией, объединившей разные течения «державников», стал Русский Национальный Собор. В его руководство вошли В.Анпилов, В.Павлов, И.Константинов, И.Шафаревич, а лидером стал генерал-майор КГБ в отставке А.Стерлигов. В программных заявлениях Русского Национального Собора и высказываниях его лидера утверждалось, что участники нового движения — «не правые, не левые», что они — «движение славян, которые не хотят терпеть западные эксперименты на своем теле». Движение ставило целью «возродить Россию до 1914 г.», что подразумевало воссоздание территориальных границ империи, восстановление прежней роли православия и твердой государственной власти. Собор намеревался соединить в России коллективистские и капиталистические начала, но последние должны были быть жестко подчинены национальным интересам и вверены исключительно национальному бизнесу[3].

Другой организацией, более крайнего толка, объединившей «левых» и «правых» государственников, стал Фронт Национального Спасения. Его ведущими участниками стали народные депутаты России М.Астафьев, С.Горячева, С.Бабурин, Н.Павлов, один из лидеров коммунистов Г.Зюганов, писатели А.Проханов, С.Куняев, В.Белов, лидер Национально-республиканской партии Н.Лысенко. В то же время Стерлигов и Аксючиц воздержались от участия в деятельности Фронта по причине его экстремистских позиций. В манифесте ФНС среди главных требований значились поэтапное восстановление СССР, государственное дотирование производства продовольственных товаров, прекращение конверсии оборонной промышленности. В отношении правительства Ельцина-Гайдара ФНС использовал определения «оккупационный режим», «враг в доме» и объявил его устранение своей главной задачей.

Смыкание «левых» и «правых», прокоммунистических и антикоммунистических государственников в едином национал-патриотическом альянсе нуждалось в идеологическом обосновании. Готовность к мировоззренческому сближению проявили обе стороны. Со стороны коммунистов главным идеологом сближения выступил Г.Зюганов. Он признал православие в качестве основополагающего органического рос-

сийского института, а идеалы социализма и коммунизма предпочитал все чаще и чаще выводить не из Маркса, а из Священного Писания и органической русской общинности. Коммунисты готовы были признать историческую вину большевиков за разрушение этих исконных российских институтов.

Государственники же из антикоммунистического лагеря обнаружили готовность причислить к органическим российским институтам социализм. Известный идеолог «почвенничества» В.Кожинов, прежде решительно отвергавший Октябрьскую революцию 1917 года как продукт чуждого России западного марксизма и «жидомасонского заговора», выступил со своего рода покаянной статьей в газете «Правда», где объявил, что социализм является высшей общечеловеческой целью, в которой всемирная история найдет свое счастливое завершение[4].

Но самое откровенное обоснование политического союза «левых» и «правых» державников дал писатель-эмигрант Э.Лимонов, в прошлом ярый антикоммунист, а с 1991 года активный участник нового российского консервативно-патриотического движения. 1 мая 1993 года он распространил «Приказ о создании национально-большевистского фронта», который гласил: «Слияние самых радикальных форм социального сопротивления с самыми радикальными формами национального сопротивления есть национал-большевизм». Лимонов не только не стеснялся данного новому альянсу его противниками определения «красно-коричневые», но поднимал его на щит, превращая в боевую формулу движения: «Осуществленная, идея слияния красных с коричневыми даст неизбежный результат — власть и как следствие — смену политического строя в стране»[5].

В оппозицию правительству на правом фланге вовлеклось много бывших участников радикального движения, в том числе и из «Демократической России». Осенью 1991 года «Демократическую Россию» покинули Конституционно-демократическая партия, христианские демократы и Демократическая партия, перешедшие в оппозицию к правительству Ельцина и сами объединившиеся в блок «Народное согласие». Побудительным мотивом с их стороны был протест против роспуска СССР и стремление воспрепятствовать центробежным тенденциям на территории самой России. Участники «Народного согласия» настаивали на установлении в стране сильной центральной власти, решительно поддерживали принцип «единой и неделимой России», требовали использовать любые методы, вплоть до силовых, для пресечения сепаратис-

тских действий со стороны некоторых автономно-республиканских образований в Российской Федерации. После начала гайдаровских реформ участники блока выступили с оппозицией и к экономической политике правительства.

Лидер христианских демократов В.Аксючиц противопоставил политике экономического либерализма Гайдара формулу «либерал-консерватизма», которая предполагала проведение либеральных реформ с учетом органических черт российской нации. К таковым он в первую очередь относил «устройство общества на началах духовной свободы и ответственности человека, солидарности и социальной справедливости». Основополагающей чертой российской исторической традиции являлось и активное участие в формировании общественных связей государства, которое призвано было «отстаивать общенациональные интересы и приоритеты, в том числе и в экономике», защищать «интересы и личности, и общества, и значит — избегать крайностей, проявления тоталитаризма, стихийной борьбы эгоистических интересов». Подобно другим лидерам блока, Аксючиц решительно осуждал «обвальную приватизацию» и отпуск сразу всех цен в условиях сверхмонополизированной экономики[6].

Блок «Народное согласие» просуществовал очень недолго, распавшись после выхода из него самого мощного участника — Демократической партии России. ДПР предпочла другой альянс, который стал известен под именем «Гражданский союз» и в который наряду с Демократической партией вошли народная партия «Свободная Россия» и Союз промышленников и предпринимателей.

Блок »Гражданский союз» с момента своего возникновения в июне 1992 года провозгласил приверженность центристской политической позиции, чуждой «правых» и «левых» крайностей, способной предложить программу модернизации, консолидирующую большинство общества. Реформаторская стратегия правительства была им отвергнута, как утопичная попытка «большого скачка» в рынок. Объединяли участников блока также идеи «единой и неделимой России» и защита независимой, без оглядки на советы Запада внешней политики России.

Наибольшим политическим опытом среди участников блока обладала Демократическая партия, насчитывавшая около 50 тыс. членов и имевшая разветвленную структуру в российских регионах. Руководство партии во главе с Травкиным отошло от принципов экономического либерализма западного образца, исповедывавшихся им в 1990-ом году, и теперь

демонстрировало либерально-консервативный подход, делая упор на особую роль государства в создании рыночной экономики.

Вторая участница блока, Народная партия «Свободная Россия», имела своим лидером российского вице-президента А.Руцкого. В октябре 1991 года, в момент создания партии, вобравшей в себя преимущественно представителей реформаторского крыла бывшей КПСС, ее лидер заявил о намерении поддерживать курс Ельцина: «Вновь созданная партия свободной России не является продолжением КПСС, это политическая сила, собирающаяся выступить в поддержку радикальных реформ Президента России… Я выступаю с инициативой объединить все общественно-политические движения для поддержки Президента и правительства России в деле реализации всех радикальных реформ»[7]. Но уже в конце 1992 года Руцкой выступил с оппозицией гайдаровскому курсу, которая постепенно переросла и в оппозицию президенту.

Отвергая «шоковую терапию», Руцкой противопоставлял ей «либеральную реформу», которая в его истолковании означала следование принципам социальной справедливости при проведении приватизации, аграрной реформы, других экономических мероприятий. В своих многочисленных поездках по России вице-президент особенно настаивал на жесткой борьбе с спекуляцией, посредниками, требовал изменить указ о свободе торговли и принять меры для поддержки товаропроизводителей. Постепенно Руцкой выдвинулся в число главных противников правительства, и Ельцин, осознавая опасность наличия реальной политической власти у вице-президента, свел круг его обязанностей до минимума.

Третьим участником «Гражданского союза» оказался Союз промышленников и предпринимателей, признанным лидером которого на протяжении длительного времени являлся А.Вольский. Союз промышленников и предпринимателей опирался на корпус директоров государственных предприятий, а также на фракцию «Промышленный союз» в Верховном Совете России. Как отмечалось в документах Союза промышленников и предпринимателей и поддерживавших его организаций, их побудительным мотивом был протест против правительственной политики «ползучей деиндустриализации», резкого структурного сдвига в пользу энергосырьевого сектора, свертывания конечных производств и качественного ухудшения производственного потенциала в базовых отраслях. Выход из этой ситуации им виделся в разработке государствен-

ной индустриальной политики, которая в краткосрочной перспективе должна была ограничить масштабы спада производства и потребления, придать промышленному кризису избирательный характер, создать заделы для конструктивных структурных сдвигов и уже на этой основе достичь финансовой сбалансированности.

Союз промышленников и предпринимателей, как и фракция «Промышленный союз», решительно отвергли макроэкономическую модель Гайдара, его финансовую и ценовую политику. В области финансовой политики они потребовали продолжить линию Центрального банка на списание взаимных долгов предприятий и целевое кредитование по льготным процентным ставкам приоритетных товаропроизводящих отраслей. Они предложили также создать государственный инвестиционный банк реконструкции и развития, который мог быть сформирован отчасти за счет средств от прогрессивного налога на нефть и приватизации федеральной собственности.

В области ценовой политики предлагалось изменить цены и тарифы в государственном секторе с тем, чтобы устранить перекосы между топливно-энергетическим комплексом и промышленными и сельскими товаропроизводителями. Правительству вменялось в обязанность регулировать цены и тарифы госсектора в соответствие с «запланированным уровнем инфляции». В области промышленной политики выдвигались требования обеспечить жизнеспособность большинства российских производителей, поддерживать в первую очередь отрасли и предприятия, конкурентноспособные на мировом рынке, организовывать крупные промышленные комплексы, способные обеспечить товарную основу для развития множества самостоятельных мелких товаропроизводителей.

Объединившиеся в «Гражданский союз» партии и организации претендовали на выражение самых широких и разнообразных интересов и надеялись, что их социальную базу составят хозяйственная и научная элита, широкие слои интеллигенции и трудящихся. Реальность, однако, не оправдала этих ожиданий. «Гражданский союз« с момента своего возникновения оказался и оставался в последующем верхушечным политическим объединением, не сумевшим найти связей с массами. Союз не смог создать ни своих средств массовой информации, ни региональных отделений. Политическая неудача «Гражданского союза» означала новый, после горбачевского краха, провал центризма на российской почве,

что неизбежно имело следствием усиление крайних политических полюсов и обострение противоречий между ними.

Впрочем, не только «Гражданский союз», но также и другие объединения и партии, претендовавшие на ведущие политические позиции в России, не сумели реализовать своих притязаний. Ярким тому примером стало Движение демократических реформ (ДДР), организационно оформившееся во второй половине 1991 года. В момент создания в правление ДДР вошел целый ряд известных политиков: А.Вольский, Г.Попов, А.Собчак, Э.Шеварднадзе, В.Шостаковский, А.Яковлев. В связи с этим о ДДР заговорили как о «суперпартии» новой политической элиты и предрекали ей ведущее место в российском политическом спектре. Но этого не случилось. Уже в следующем году ДДР стало быстро утрачивать свое влияние и даже переместилось в политические аутсайдеры.

Причины неудачи ДДР были многообразны. Неясной была его идейно-политическая позиция. С одной стороны, движение выдвигало цели широких демократических и либеральных преобразований, но с другой, оно же выступало с острой критикой гайдаровских реформ. Г.Попов и другие лидеры движения отвергали «шокотерапию», критиковали методы правительственной приватизации, объявляли утопичной и вредной идею бездефицитного бюджета. Но их собственная позитивная программа отличалась аморфностью и противоречивостью. Критикуя правительство по ряду вопросов за радикализм, ДДР по некоторым другим вопросам само выступало с радикальными предложениями. Выступая под демократическими знаменами, лидеры движения вместе с тем настаивали на концентрации государственной власти в руках исполнительных органов.

После распада СССР ДДР преобразовалось в Российское движение демократических реформ (РДДР). Одной из главных задач РДДР объявило укрепление территориальной целостности и государственности России. Но эта цель в качестве приоритетной уже прочно была взята на вооружение национально-патриотическими организациями, что лишало РДДР шансов захватить лидерство в этом архиважном вопросе. Серьезно ослабило РДДР падение популярности ее лидеров, Г.Попова и А.Собчака, которые будучи избранными мэрами Москвы и Санкт-Петербурга, не смогли добиться практических успехов на новом для них поприще, а в некоторых отношениях справлялись с обязанностями хуже, чем их коммунистические предшественники. Г.Попов к тому же, не пробыв на своем посту и года, ушел в отставку, что было

расценено многими москвичами, особенно демократически настроенными, как попытка «сбежать» от трудностей и даже политическое предательство.

Уже на учредительном съезде РДДР в феврале 1992 года произошел раскол, и из него вышли несколько политических организаций. Лидер одной из влиятельных среди них, Республиканской партии, В.Шостаковский, обвинил Г.Попова, избранного единоличным председателем РДДР, в чрезмерных политических амбициях[8]. После этих событий РДДР фактически превратилось в «партию Г.Попова» и было обречено расплачиваться за промахи и неудачи своего единоличного лидера, политический рейтинг которого постоянно снижался.

Большинство партий, занявших оппозиционную в отношении правительства позицию — и левые, и правые, и центристские, критиковали его за чрезмерный радикализм, попытку достичь капитализм с помощью «большого скачка». И только очень немногие среди партий отвергали правительственную политику по причине ее недостаточного радикализма. Самой заметной среди них стала Партия экономической свободы, оформившаяся весной-летом 1992 года.

Организатором партии явился президент Российской товарно-сырьевой биржи К.Боровой. В качестве своей социальной базы партия объявила предпринимателей, менеджеров, сотрудников коммерческих организаций, фермеров, интеллигенцию. Программные ее установки сводились к полному высвобождению рыночных связей, к устранению еще остававшегося государственного регулирования экономики. Партия требовала отменить ценовые ограничения на хлеб, нефть, природный газ и немедленно прекратить дотации каким бы то ни было промышленным и сельскохозяйственным производителям. Лидеры партии настаивали, что в дотациях нуждаются исключительно неэффективные производства и что их крах, даже если они составят половину всех товаропроизводящих предприятий, только оздоровит экономику. Особой критике партия подвергла политику государственного налогообложения коммерческих структур, независимого предпринимательства. Одной из важных тем критики стала коррумпированность государственных чиновников, лихоимство которых оказалось главным препятствием на пути нарождавшегося российского бизнеса. Фактически Партия экономической свободы оказалась единственной, выступавшей и после 1991 года с позиций «чистого либерализма», объявляя главным врагом общественного прогресса государство.

Партия экономической свободы не смогла добиться сколь-

ко-нибудь существенного влияния в российской политике. Она осталась узким элитным объединением части предпринимателей и либеральной интеллигенции. Ее неудача свидетельствовала, что возможности добиваться успеха при помощи либерализма тэтчеровского и рейгановского образца в России были исчерпаны.

К концу 1992-го, «гайдаровского», года в России практически не осталось ни одной политической партии, поддерживавшей курс правительства. Даже «Демократическая Россия», состоявшая после выхода из нее большинства прежних участников, казалось бы, из «чистых ельцинистов», стала дистанцироваться от политики президента и правительства. Возникла поразительная ситуация: в оппозиции правительству находились партии всего политического спектра, что теоретически не давало правительственным реформаторам шансов на выживание. Но в действительности оппозиция партий не создавала серьезных проблем для правительства. Дело в том, что сами партии не имели массовой поддержки, оставались рыхлыми и малочисленными объединениями, а их реальный вес в российской политике не только не увеличивался, а даже уменьшался.

Слабость российских политических партий имела ряд причин. Одна из них заключалась в том, что социальная структура и социальные интересы нового российского общества далеко не оформились, и россияне с их «переходным» сознанием испытывали затруднения в отношении четкого политического выбора. Другая причина состояла в том, что доверие россиян к политическим партиям после краха КПСС и прихода к власти политиков из новых партий отнюдь не усилилось, ибо разрыв между «словом» и «делом» у новой элиты, как выяснилось, был таким же, как у прежней советско-партийной номенклатуры. Политический скептицизм россиян не способствовал расцвету партий даже в условиях идейно-политического плюрализма. Возникший в России «политический рынок» оказался рынком с множеством продавцов, но без покупателей. Наконец, еще одна причина слабости российских партий заключалась в их очевидной инфантильности: программы партий отличались декларативностью и мало что предлагали избирателям, кроме набивших оскомину «левых» и «правых» идеологизмов, а сами партии были погружены в свои заботы, не продемонстрировав способности «идти в народ» и становиться выразителями его, а не своих собственных интересов.

Кроме партий, другим каналом выражения оппозиционных настроений являлись средства массовой информации, в первую очередь газеты, поскольку телевидение и радио контролировались правительственными структурами. Пресса утвердилась не только в качестве «четвертой власти», формирующей и в тоже время отражающей общественное мнение, но и в качестве центра гласности, выражающего недовольство правительственной политикой. Критическую в отношении курса правительства позицию заняло большинство центральных газет, а те же немногие из них, как например, «Известия», которые твердо защищали гайдаровские реформы, считали тем не менее необходимым предоставлять место и оппозиции. Большинство газет ввело в практику публикацию писем читателей, дающих представление о мотивах массовой оппозиции курсу новой власти.

Мотивы эти были самые разнообразные — экономические, социальные, политические, нравственные. Одним из ведущих стал морально-нравственный протест. Российское общественное мнение и массовое сознание были глубоко возмущены тем, что новая политическая элита, которая боролась со старым режимом под лозунгами уничтожения всех и всяческих привилегий, декларировала идеалы социальной справедливости и «равных возможностей» для всех, остро критиковала разрыв между «словами» и «делами» у советско-коммунистической номенклатуры, придя к власти без промедления и с поразительным цинизмом стала распоряжаться государственной собственностью, как своей личной, присваивая себе дорогостоящие квартиры и дачи, лучшие больницы, поликлиники, здравницы, восстанавливая спецраспределители и прочие привилегии.

Перерождение новой власти оказалось настолько стремительным и глубоким, что повергло российскую общественность в состояние шока. Принципы правового государства, провозглашаемые демократами в качестве святая святых в период борьбы за власть, были порушены ими уже в августе-сентябре 1991 года, когда начался раздел собственности, конфискованной у КПСС. В соответствии с принципами правового государства ее распределение должно было осуществляться на основе сбора заявок и их рассмотрения законодательными и судебными органами. Но на деле произошла ее узурпация победившими демократами, приступившими к «дележу добычи». Все здания ЦК КПСС стали автоматически собственностью демократического правительства, в его веде-

ние, а следовательно в личное пользование новой элиты, перешли дома отдыха, жилой фонд КПСС и многие другие «спецзаведения», составлявшие прежде материальную основу номенклатурных привилегий. Часть собственности КПСС была распределена в соответствии с «революционными заслугами»: в Москве комплекс прекрасных зданий высшей партийной школы достался Российскому гуманитарному университету, возглавляемому одним из радикальных демократов Ю.Афанасьевым, а здание-дворец заочной высшей партийной школы на Ленинградском проспекте — Международному университету, президентом которого стал другой профессор-радикал Г.Попов. Заявки же домов престарелых, детских интернатов, даже московских районных судов, ютящихся в явно не пригодных для судопроизводства помещениях, были проигнорированы.

Особое возмущение россиян вызвало перерождение лидеров демократического движения, которые гораздо быстрее, чем большевики образца 1917 года, почувствовали вкус к привилегиям. Скандальную известность приобрело занятие Р.Хасбулатовым, председателем Верховного Совета России, квартиры Брежнева. Эта роскошная новая квартира площадью 441 кв. м, предназначенная для бывшего генерального секретаря, но так и не занятая им, была облюбована Хасбулатовым сразу после августа 1991 года и присвоена вскоре после победы демократов[9]. Широкую огласку получила и история с помощником президента по политическим вопросам С.Станкевичем: к нему обратилась дочь покойного министра Патоличева, попросив сохранить за ней квартиру отца, но известный демократ, внимательно выслушав просительницу и записав адрес... стал добиваться оформления квартиры на себя[10].

Эти случаи, как и многочисленные истории строительства властвующими демократами шикарных дач, посылки детей на учебу в страны Запада, вхождение их в руководство банков и других коммерческих структур, заполнили прессу. Но никто из «перерожденцев» не был наказан и даже не получил порицания. Размах коррупции нарастал с каждым днем, и в глазах россиян она приобрела характер неофициального политического кредо новой власти. В общественном мнении вызрела новая оценка происшедших в России перемен: то была революция «третьих» и «вторых» секретарей парткомов КПСС против «первых секретарей», приведшая к обновлению номенклатуры, но не смене политического режима. Эта версия

подтверждалась тем, что большая часть новой политической элиты действительно ранее занимала места в средних и низших звеньях партноменклатуры.

Другим важным мотивом массового недовольства стало свертывание социальных систем и общественных фондов потребления, сложившихся при прежнем режиме. Россияне возмущались резким ухудшением качества медицинского обслуживания, стремительным ростом цен на железнодорожный и авиатранспорт, лишившим большинство граждан возможности пользоваться ими, удорожанием жилья, также ставшем недоступным для большинства населения. В стране укоренялись массовое отчаянье и неверие в то, что вообще возможен выход из сложившегося катастрофического положения.

Серьезной психологической травмой для россиян стало возникновение и быстрое нарастание в стране социальных контрастов. Богатства нуворишей, сколоченные в течение одного-двух лет, их жизнь на уровне преуспевающих западных бизнесменов, с одной стороны, и появление масс нищих, бродяг, бездомных, скатывание к полуголодному существованию десятков миллионов других, — эта посткоммунистическая реальность определяла отношение к реформам новой власти множества российских граждан. Их оценка читателем коммунистической «Правды» — «Господи, в России ли я? В Москве ли? Ведь это про Запад наше телевидение толковало: нищие на помойках, бездомные — на тротуарах. Теперь и у нас, но не как на Западе, а хуже», мало отличалась от оценки читателя антикоммунистических «Известий»: «Ждать нового «светлого будущего», которое подарят нам наши «отцы народа», благодетели, демократы от КПСС и их опора биржевики, воротилы теневого бизнеса, спекулянты-перекупщики и прочие уважаемые деловые люди? Это они — опора России, цвет русской нации?»[11]

Среди голосов оппозиции различим и весом оказался голос интеллигенции, которая до августа 1991 года выступала в качестве идейно-политического авангарда и социального хребта демократического движения. Августовская «бархатная» революция, последовавшая за партийно-номенклатурным путчем, стала в новейшей истории российской интеллигенции важным разграничительным рубежом. До августа демократическая интеллигенция в целом была едина, после же она стала раскалываться, и все большая ее часть переходила в оппозицию к новой власти. Своеобразным барометром ее раскола

могла служить эволюция самой массовой политической организации интеллигенции — «Демократической России», большинство участников которой перешло в оппозицию к режиму Ельцина. Новая власть быстро теряла поддержку и рядовой, инженерно-технической, научной и творческой интеллигенции, которая была гегемоном демократической революции, но после нее, вследствие и под впечатлением от практической реализации радикального реформаторского курса и термидорианского перерождения новой политической элиты, испытала шок, погрузилась в состояние отчаяния, глубокой депрессии или перешла в оппозицию.

Интеллигенция оказалась особенно чувствительной к предательству новой властью морально-нравственных ценностей демократического движения. Выражая возмущение интеллигенции, давшей жизнь новой элите, один из главных трибунов демократического движения, писатель Алесь Адамович воскликнул: «А уж если обращаться к руководителям, я бы сказал: вы что, очумели? В такие критические времена, на глазах у народа, терпеливого, но все видящего, именно его интересами и пренебречь? И чего ради — ревнивого тщеславия? Еще более высоких постов и вновь проклятых привилегий! Вспомните, какими были — и вы тоже — в августе 91-го»[12].

Л.Тимофеев, представитель немногочисленного, но влиятельного «сахаровского» крыла демократического движения, включавшего бывших советских диссидентов, сокрушался теперь по поводу вступления в альянс с «демократами» от партноменклатуры, рассоединивших мораль и политику сразу по получении важных государственных кресел: «Не разумнее ли поразмышлять о роковой ошибке самого факта вступления в коалицию? И дело не в той или иной расстановке сил в парламенте или правительстве. Вступив в такую коалицию, демократы утратили в общественном мнении самое сильное свое качество — нравственную чистоту, утратили само право апеллировать к власти от имени общественной морали»[13].

Разочарование интеллигенции вызвала и социально-экономическая направленность гайдаровских реформ. 1992-ой год обнаружил углубление разрыва между общественным идеалом демократического движения и интеллигенции периода борьбы с коммунистическим режимом и целями новой власти. Этот идеал при всей его расплывчатости, стремлении избегать всевозможных «измов» отличался острой критикой тоталитаризма и, совершенно очевидно, гуманистическим

характером нового общества. Политические, экономические и духовные свободы и возможности для всех, многообразие социальных интересов и вместе с тем социальное сотрудничество, материальное благополучие и духовное возрождение для каждого индивидуума в отдельности и народа в целом — так можно было бы обобщить его.

Реальная социально-экономическая политика новой власти вступила в резкое противоречие с гуманистическим идеалом интеллигенции. Она и сама оказалась в числе ее первых жертв: уже начальный этап экономической либерализации нанес ей сокрушительный удар. Тогда одна из представительниц научной интеллигенции сформулировала жесткий прогноз: «Как только, с января, жизнь наша подорожала в 5-10 раз при той же зарплате, и будет еще дорожать, этот процесс обнищания интеллигенции (обнищания материального и духовного) принял необратимый характер. И это посерьезнее утечки мозгов на Запад. Не в криках и воплях — в заклинаниях и клятвах, тихо и незаметно отойдет в прошлое то, что чудом сохранялось весь этот злочастный век: прекрасная, наивная, бедная, с вечным чувством вины и с вечной верой, воспитанная моим любимым Антоном Павловичем русская интеллигенция»[14]. В 1992 году были резко «вымыты» не только ряды интеллигенции, но и сокращены до минимума все сферы научной и интеллектуально-художественной деятельности. Практически прекратился выпуск научной литературы, учебные заведения были посажены на голодный паек, замерло производство отечественных кинофильмов.

В среде интеллигенции возникли различные и разноречивые альтернативы правительственному курсу. Одной из ведущих стала социал-реформистская. Ярким ее выражением явились программы экономических институтов Российской академии наук и фонда «Реформа». Они связывались в первую очередь с именами академиков Л.Абалкина, Н.Петракова, С.Шаталина.

В основу социал-реформистской альтернативы была положена модель социально-ориентированного рынка. Основными ее составляющими были: развитая смешанная экономика с значительным государственным сектором; государственное определение «правил игры» на рынке и регулирование как макроэкономических процессов, так и отдельных сфер деятельности хозяйственных субъектов; государственная регламентация рынка труда в целях минимизации безработицы, государственная политика доходов и цен, направленная на

смягчение крайностей неравенства, порождаемых экономической свободой; государственное субсидирование науки, образования, здравоохранения, других сфер, не входящих в сферу «интересов» рынка, но жизненно необходимых для современного цивилизованного существования.

Часть интеллигенции, не приняв курс российского правительства, перешла на национально-государственные позиции. Среди ее духовных лидеров оказались и вчерашние глашатаи демократического движения, писатель Ю.Власов, экономист Т.Корягина, кинорежиссер С.Говорухин. Еще недавно жесткие критики коммунистического режима и тоталитарного советского государства, они теперь перешли в оппозицию к новой демократической власти, обвиняя ее в коррупции, предательстве национальных интересов, «распродаже России» международному капиталу, сращивании с уголовно-мафиозными структурами. Ю.Власов, провозгласивший в 1989 году в своей радикальной речи на первом Съезде народных депутатов СССР, что главным источником отечественных бед является всевластие КГБ (за это он был подвергнут преследованиям со стороны спецслужб), три года спустя видел главное зло уже в Соединенных Штатах Америки: «Хотим мы этого или не хотим, однако США вырисовываются уже первым врагом нашей государственности. На этом свободолюбивом сообществе муки и кровь России, распад, почти гибель России. США развалили Россию, дав врагам возможность пожирать ее живьем. Анализ дает четкую картину организованного геноцида русского народа. Он осуществляется лжедемократами, отечественными капиталистами, которые ради своего богатства зарывают своих же русских в землю»[15].

Социал-реформистское и национально-государственное течения, выступившие в качестве главных оппозиционных направлений гайдаровскому курсу среди интеллигенции, определяли и развитие оппозиционных настроений в России в целом. Они вобрали в себя не только консерваторов и центристов образца 1989-1991 гг., но и значительное число рядовых членов и политических партий из прежнего радикально-демократического лагеря. Взаимоотношения с политической оппозицией стали для российского правительства одной из главных забот. Основную же проблему создавала конфронтация с главным организованным центром оппозиции — российским Съездом народных депутатов и Верховным Советом.

VIII

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ ПРОТИВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ

1993-й год начался для российского правительства, возглавлявшегося уже не Е.Гайдаром, а В.Черномырдиным, с определения основных стратегических позиций. Они были обнародованы в конце января.

Изложение правительственных намерений началось с жесткой, созвучной голосам оппозиции, констатации катастрофического состояния российской экономики: «Экономика России находится в глубоком кризисе, который грозит перерасти в полный развал с непредсказуемыми экономическими, политическими и социальными последствиями. Падение производства и сокращение капиталовложений, расстройство государственных финансов, рост инфляции, сокращение валютных поступлений и подрыв платежеспособности страны сопровождаются резким снижением уровня жизни широких слоев населения»[1].

В правительственном документе не назывался конкретный виновник резкого ухудшения социально-экономического положения России, но за его строками угадывалось желание доказать, что гайдаровские реформы не привели к каким-либо позитивным результатам или даже к минимальной стабилизации. Новый премьер-министр явно показывал, что его стабилизационно-реформаторский курс начинается «с нуля» и включает в себя, помимо всего прочего, исправление грубых просчетов предшественника.

Приоритеты правительственной политики на 1993-й год, однако, по преимуществу повторяли гайдаровские подходы. Главными среди них объявлялись укрепление рубля, финансовая стибилизация и борьба с инфляцией. Правительство называло своими основными целевыми ориентирами снижение темпов инфляции к концу года до 5% в месяц, сокращение дефицита консолидированного госбюджета до 5% валового национального продукта, стабилизацию курса рубля ко второму полугодию. Объявлялось о намерении пресечь размещение в иностранных банках экспортной выручки предприятий

«вплоть до полной конфискации валютных средств и сурового уголовного наказания руководителей».

Монетаристский подход к лечению экономических болезней России дополнялся крайне общими фразами о целях промышленной политики, которая в предшествующий год у правительства практически отсутствовала. Правительство Черномырдина, не называя никаких цифр, ограничивалось намерением снизить темпы падения и начать постепенно стабилизировать производство, повысить нормы сбережений и капиталовложений, сдерживать рост безработицы. Признав банкротство предшествующей экономической политики, правительство оказалось бессильным предложить сколько-нибудь убедительную альтернативу гайдаровскому курсу. Стратегические поиски правительства продолжились в следующем месяце, а наибольшую известность приобрело заседание Президиума Кабинета Министров 11 февраля, ставшее форумом всех структур исполнительной власти. На нем президент Б.Ельцин не только смягчил критику реформаторского курса предшествующего года, но попытался ее реабилитировать: «Не могу согласиться и с тем, что экономические реформы в России пошли по худшему варианту. Они пошли по единственно возможному варианту. В тех условиях не было возможности выбора ни моделей реформ, ни команды, готовой взяться за это дело... Реформы потребовали высокой цены. Но это — цена реформ, а не революции в напичканной ядерным оружием многонациональной стране»[2].

Выступление Ельцина, кроме защиты радикальных реформ, содержало подспудно и признание того факта, что они, как и прежние умеренные горбачевские реформы, формировались стихийно, определялись давлением обстоятельств, а не какими-то обоснованными расчетами и программами. Но назвать это открыто в качестве главной причины тяжелого хода и последствий реформ Ельцин не решился. В его истолковании в основе неудач реформаторов лежало сопротивление законодательной власти: «Однако макроэкономической стабилизации достичь не удалось. Основная причина тому — разногласия между законодательной и исполнительной властями по вопросу ограничительной финансовой, денежно-кредитной политики. В результате мы находимся перед реальной угрозой гиперинфляции».

Президент предложил законодательной власти сделать выбор: или заключить соглашение с исполнительной властью, дав ей право проводить жесткий монетаристский курс, или

организовать всенародный референдум, который должен был проголосовать за президентскую или парламентскую республику и, следовательно, решить, кому — президенту или законодателям — должны быть вручены решающие властные полномочия.

Вопрос о референдуме поднимался Ельциным уже на седьмом Съезде народных депутатов России, и тогда после жарких дискуссий было решено назначить его на 11 апреля 1993 г. В ходе него избирателям предстояло определить основы конституционного строя России. Но уже через несколько недель после Съезда члены Верховного Совета во главе с Хасбулатовым и поддержавший их председатель Конституционного суда В.Зорькин объявили референдум ненужной и опасной затеей. Законодатели, однако, не собирались идти на уступки правительству в вопросе о распределении властных полномочий. Шаткий компромисс, достигнутый между исполнительной и законодательной властью на седьмом Съезде, рухнул, а их антагонизм очень быстро достиг еще большей остроты.

Конфликт между исполнительной и законодательной властью, определивший развитие российской политики в 1993 году и завершившийся кровавой схваткой между ними в начале октября, имел ряд причин. Одна из главных заключалась в сохранявшихся и углублявшихся разногласиях по вопросу о социально-экономическом и политическом курсе России. Среди законодателей в качестве ведущей силы утвердились сторонники регулируемой экономики и национально-государственного направления, а защитники радикальных рыночных реформ оказались в явном меньшинстве. Смена у руля правительственной политики Гайдара Черномырдиным только на время примирила законодательную власть с исполнительной. Как вскоре выяснилось, новое правительство, внося коррективы в экономическую политику Гайдара, в то же время не отказывалось от монетаристского курса, который вызывал наибольший гнев Верховного Совета. К тому же на пост министра финансов, проводника этого курса, был назначен Б.Федоров, который как и Гайдар, в глазах оппозиции был «ставленником» Международного валютного фонда.

Не менее важной причиной антагонизма между двумя ветвями государства являлось и отсутствие у них опыта взаимодействия в рамках системы разделения властей, которой Россия практически не знала. Попытка испытать эту систему в России была предпринята только один раз, в начале

XX века, но тогда она потерпела крах в результате разгона монархией Государственной Думы. В западных же странах, откуда система разделения властей была позаимствована, она являлась не только одной из основ демократического правления, но и действовала практически без сбоев. Но ее отлаживание заняло там не одно столетие, причем укрепились в разных странах не одна, а несколько моделей разделения властей, соответствовавших национальным условиям. Главными были две модели: президентская республика, в которой исполнительная власть имела больше прерогатив, чем законодательная, и парламентская республика, в которой, наоборот, большими прерогативами пользовалась законодательная власть.

В свете мирового опыта для России больше подходила модель президентской республики. В пользу ее говорили и сложности переходного периода, переживаемого Россией, и ее размеры, и отсутствие в России сильных партий, которые являются обязательным условием успешного функционирования парламентских республик, и особенности российского политического сознания. Но эти обстоятельства меньше всего волновали российских законодателей, для которых на центральное место выдвинулся вопрос собственного выживания и подчинения себе любой ценой исполнительной власти.

По мере ожесточения борьбы с президентом и правительством законодательная власть, пользуясь присвоенным себе правом изменять российскую Конституцию, стала отодвигать исполнительную власть на государственные задворки. Для России драматизм этой ситуации заключался в том, что парламентский Левиафан не отвечал за реализацию принимаемых решений в жизнь, по этой причине нейтрализация им исполнительной власти оборачивалась хаосом или параличом хозяйственных и социальных сфер.

Особенно усилили законодательную власть поправки к Конституции, одобренные седьмым Съездом народных депутатов России. Одна из них гласила: «Высшим органом государственной власти Российской Федерации является Съезд народных депутатов, который правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Российской Федерации». Законодатели таким образом наделяли себя безграничными полномочиями, в том числе теми, которые согласно системе разделения властей в любом ее варианте, должны быть прерогативой исполнительных и судебных органов. Другая поправка к Конституции наделяла

Верховный Совет правом «приостанавливать действие указов и распоряжений президента Российской Федерации, отменять постановления и распоряжения Советов Министров республик в составе Российской федерации в случае их несоответствия законам Российской Федерации». Законодательная власть оказалась также наделенной правом распоряжаться государственным имуществом, жестко контролировать финансово-кредитную и денежную политику, осуществлять другие полномочия, традиционно относимые к компетенции исполнительной власти.

Российский президент со своей стороны обнаружил склонность к полному игнорированию воли строптивых законодателей. Война исполнительной и законодательной властей заводила всю и без того хрупкую российскую государственность в тупик, так что вынесение на суд избирателей вопроса об основах конституционного строя, в первую очередь разделении властей, представлялось хоть каким-то выходом из драматической ситуации. Но между двумя антагонистами разгорелся спор о формулировании вопросов для избирателей, и даже в начале марта, то есть за месяц до проведения референдума, было абсолютно неясно, какой же выбор предстояло им совершить.

Законодатели, собравшиеся 8-12 марта на восьмой Съезд народных депутатов России, решили разрубить «гордиев узел»: согласно их решению на проведение любых референдумов накладывался мораторий, а во взаимоотношениях двух властей закреплялся статус -кво в соответствии с принципами действовавшей Конституции. Президентская сторона расценила это решение как «попытку полностью сконцентрировать власть в руках Советов, возвратить коммунистическую номенклатуру к рычагам управления страной, отобрать назад демократические завоевания августа 1991 года». Срочно созванное в Москве Консультативное совещание политических партий и организаций демократической ориентации охарактеризовало итоги Съезда, как «исторический реванш сил реакции», а позицию Президиума Верховного Совета и Р.Хасбулатова — как практически сросшуюся с политическими установками национал-коммунистической оппозиции[3].

Ответный удар президента, его попытка по своему разрубить «гордиев узел» во взаимоотношениях исполнительной и законодательной властей была предпринята 20 марта. Вечером того дня в обращении к гражданам России, которое транслировалось по двум телевизионным каналам, Б.Ельцин

объявил о подписании им Указа об особом порядке управления до преодоления кризиса власти. Из разъяснений Ельцина следовало, что на 25 апреля 1993 года назначается референдум о доверии президенту и вице-президенту Российской Федерации, а также по вопросу о проекте новой Конституции и выборах нового парламента. В случае одобрения новой Конституции деятельность Съезда народных депутатов и Верховного Совета должна была быть приостановлена, хотя они и не распускались. Из слов Ельцина вытекало также, что любые решения органов и должностных лиц, направленные на отмену и приостановление указов и распоряжений президента, являлись недействительными. Фактически в стране вплоть до вступления в силу новой Конституции вводилось президентское правление.

Уже через несколько часов после выступления Ельцина с резкой отповедью ему на российском телевидении выступили четыре влиятельных политика: Р.Хасбулатов, А.Руцкой, В.Зорькин и секретарь Совета безопасности России Ю.Скоков. Они решительно опротестовали заявление президента и объявили его не соответствующим Конституции.

Антипрезидентское выступление Хасбулатова, защищавшего интересы Верховного Совета, было вполне предсказуемо, но появление вместе с ним трех других политиков было для многих неожиданностью, резко усилившей драматизм конфликта между президентом и оппозицией. Вице-президент Руцкой по своему статусу мог быть только в команде президента, и Ельцин, как явствовало из его выступления, рассматривал себя и вице-президента, как единое звено исполнительной власти. Председатель Конституционного суда В.Зорькин формально не имел права выносить вердикт о действиях президента без предварительного рассмотрения и квалификации их судом в целом. Ю.Скоков был непосредственно подчинен президенту, и публичное выражение им несогласия с главой государство также стало неприятным сюрпризом для Ельцина.

Президент своим указом явно рассчитывал застать противников врасплох, но оппозиция не проявила никакой растерянности и в дебюте политической схватки перехватила инициативу в свои руки. Через три дня после выступления президента ряд его положений был признан противозаконным Конституционным судом Российской Федерации, а еще через несколько дней в Москве собрался чрезвычайный Съезд народных депутатов с намерением «наказать» Ельцина за

строптивость. Он открылся ровно через два года после первого чрезвычайного Съезда, который будучи тем же по составу, защитил и спас Ельцина от мощной атаки альянса Горбачева и консерваторов.

Попытки Съезда вначале принудить Ельцина к уступкам, угодным законодателям, провалились, и тогда лидеры оппозиции предприняли попытку отстранить президента от должности с помощью процедуры, известной в англосаксонском праве как импичмент. Процедура эта была использована с явными нарушениями, но даже в ее предельно упрощенном варианте не смогла быть реализована Съездом. После этого Съезд осуществил новый маневр: согласился на проведение референдума, но с формулировками вопросов, утвержденными самими законодателями.

Три из четырех вопросов, сформулированных Съездом, были направлены непосредственно против президента: 1. Доверяете ли Вы президенту РФ Б.Н.Ельцину? 2. Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую президентом РФ и правительством с 1992 года? 3. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов президента РФ? 4. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Верховного Совета РФ? Вынося эти вопросы на референдум, законодатели рассчитывали, что большинство россиян, экономическое положение которых в ходе реформ ухудшилось, выскажут недоверие политике президента и ему самому. Законодатели также полагали, что им самим, неизменно выступавшим с оппозицией президенту, будет оказано народное доверие.

Политическая кампания по подготовке референдума продолжалась всего три недели. Законодательная власть смогла мобилизовать в свою поддержку партии национал-государственной и коммунистической ориентации. Прочной опорой президента среди политических организаций оказалась только «Демократическая Россия», растерявшая за полтора года большую часть своих сторонников. И все же президент сумел добиться перевеса в пропагандистской борьбе с законодателями.

Президентская сторона сумела заручиться активной поддержкой очень многих популярных в России людей, в первую очередь из числа творческой интеллигенции — писателей, режиссеров, актеров, певцов. Их агитация в пользу президента в средствах массовой информации оказала серьезное воздействие на мнения россиян. Образцом умелой пропаганды

в пользу президента может служить листовка, которую в самый канун референдума получили избиратели-москвичи. Пропрезидентские рекомендации о том, как отвечать на вопросы референдума, сопровождались подписями популярнейшего кинорежиссера Э.Рязанова, знаменитого футбольного тренера Н.Старостина, кумира молодежи рок-звезды К.Кинчева и любимца всех без исключения поколений россиян, актера Н.Караченцева.

Референдум, проведенный 25 апреля, принес очевидный успех президенту, упрочив его легитимность. В нем приняли участие около 64 процентов избирателей — достаточно высокая активность по мировым стандартам конца XX века. Из них за доверие президенту высказалось 58,7%, социальную политику президента и правительства одобрило 53%. Референдум отклонил идею досрочных перевыборов и президента, и законодателей (для перевыборов необходимо было согласие более половины избирателей от списочного состава), при этом «запас прочности» у Ельцина оказался много больше, чем у законодателей (за досрочные перевыборы президента высказалось 34 млн. человек, а народных депутатов — 46,2 млн.).

По завершению референдума в обществе и особенно среди политиков развернулись острые споры по поводу его итогов. Среди множества оценок выделялись четыре.

Одна принадлежала оппозиции. В ее глазах Ельцин и президентская партия не только не одержали победу, но даже потерпели поражение. Лидер коммунистов Г.Зюганов и его единомышленники приплюсовывали к избирателям, выразившим недоверие президенту на референдуме, голоса тех, кто не явился к местам голосования, ибо, по убеждению оппозиции, неучастие в голосовании объяснялось именно неприятием политики Ельцина. Опираясь на подобный вывод, непримиримая оппозиция заявила о незыблемости своей линии на отстранение президента и правительства от власти и еще более усилила конфронтацию с исполнительной властью.

Вторая оценка принадлежала сторонникам радикальных реформ. По их убеждению референдум свидетельствовал о безусловной поддержке россиянами президентской линии и явился мандатом на продолжение энергичных радикальных реформ. Один из ведущих политических стратегов радикальных реформаторов Г.Бурбулис и публицист радикально-либеральной ориентации Л.Радзиховский в совместной статье выдвигали следующую причину победы Ельцина в условиях экономического кризиса: «Потому, что реформы 1991-1993

годов в основе своей естественны (хотя бы их общее направление), понятны людям, не противоречат их здравому смыслу... Историческое течение России, ее народа определилось ясно — к свободе и частной собственности. Это выяснилось не в книжных дискуссиях, а экспериментально: за движение к свободе народ готов платить такую цену, которую он прямо отказывался платить и за сохранение «социальных гарантий» при власти КПСС, и за сохранение великой мировой сверхдержавы СССР. А за движение к свободе, за движение по пути реформ люди готовы платить очень высокую цену»[4]. Согласно подобным заключениям, правительство должно было, не испытывая никаких сомнений, твердо и быстро следовать по пути строительства капитализма.

Третья оценка была сформулирована умеренными реформаторами из правительственных кругов. Согласно ей, победа президентской партии на референдуме была шаткой, и правительственный курс поэтому нуждался в корректировке. Прежде всего должен был быть прекращен процесс деиндустриализации российской экономики и разработана эффективная программа промышленной политики. По мнению сторонников корректировки курса реформ, проводившаяся политика не была рассчитана на подъем отечественной индустрии, а государство отказалось от особых интересов в промышленности, кроме фискальных. Доказывалось, что финансовая стабилизация сама по себе недостаточна для экономического подъема и что чисто монетаристские методы способны создать рыночную модель, пригодную только для слаборазвитых и развивающихся стран. Для страны же, желающей быть великой индустриальной державой, они непригодны. В российском правительстве ведущими выразителями этого подхода являлись премьер В.Черномырдин и первый вице-премьер О.Сосковец, курировавший промышленность.

Четвертая оценка исходила от людей, для которых голосование на референдуме было выбором из двух зол. Голоса президентской партии были отданы ими только потому, что победа парламентской оппозиции была еще большим и неприемлемым злом. Представители этого подхода среди главных пороков правительственной политики называли коррупцию, беспомощность перед лицом преступности, проведение реформ за счет средне- и малообеспеченных слоев, пренебрежение интересами науки, образования, культуры. Но в их глазах социально-экономическая альтернатива парламентской оп-

позиции могла только привести к реставрации империи и государственного социализма.

Отношение к итогам референдума президента России было ближе всего к тем, кто расценил их, как мандат на продолжение радикальных реформ, хотя Б.Ельцин не отрицал необходимости некоторых корректировок правительственного курса. Сразу после референдума президент и его сторонники приступили к активной подготовке новой российской Конституции, которая призвана была утвердить президентскую республику и создать сильную исполнительную власть. В конце мая президент издал Указ о созыве конституционного совещания, которое должно было выработать окончательный вариант Основного Закона страны, опираясь на президентский проект. Тут же последовала жесткая ответная мера со стороны Р.Хасбулатова и его единомышленников: 1 июня они провели совещание двух тысяч депутатов Советов всех уровней, заклеймившее президентский проект как антисоветский. Схватка между исполнительной и законодательной ветвями власти вступила в новый драматический этап, проходивший по формуле «кто кого».

Конституционное совещание, созванное в соответствии с указом президента, открылось в Москве 5 июня. Главным событием пленарного заседания первого дня стал скандал с Р.Хасбулатовым, захлопанным залом при появлении на трибуне. Председатель Верховного Совета и 50 его сторонников в знак протеста покинули зал заседаний. После этого парламентская и президентская партии начали открытую психологическую войну друг против друга, а главным средством в ней были выбраны взаимные обвинения в коррупции.

Президентская сторона обвинила в коррупции вице-президента А.Руцкого. Верховный Совет со своей стороны развернул кампанию по возбуждению уголовного дела против вице-премьера В.Шумейко, также обвиненного в коррупции. Кроме того, законодатели предложили президенту рассмотреть вопрос об отстранении от должности министра внутренних дел В.Ерина и мэра Москвы Ю.Лужкова. Президент ответил освобождением от должности лояльного в отношении Верховного Совета министра безопасности В.Баранникова, которому инкриминировалось «нарушение этических норм, а также серьезные недостатки в работе».

Острая борьба между законодательной и исполнительной властями, парализовавшая деятельность обеих ветвей и государства в целом, продолжалась все лето. Многие наблюдатели

стали приходить к мнению, что разрешение антагонизма между ними обычными конституционными методами уже невозможно. Б.Ельцин начал вести себя так, как он действовал в экстремальных ситуациях — искать неконституционные способы выхода из политического тупика.

В середине августа президент России на совещании Совета глав республик, субъектов Российской Федерации, в Петрозаводске предложил создать новый законодательный орган. Согласно его плану, этот «мини-парламент» под названием Совет Федерации, должен был быть образован указом президента. В него вошли бы по два представителя от каждого из 88 субъектов Российской Федерации. По определению президента это был легитимный орган власти, правомочный решать любые законодательные вопросы. Совет Федерации рассматривался Ельциным как верное средство ликвидации двоевластия, то есть нейтрализации Верховного Совета и Съезда народных депутатов. После совещания в Петрозаводске стало ясно, что президент готов на самые радикальные меры в отношении конституционных законодательных органов, вплоть до их роспуска. Возможность подобного акта президента стала обсуждаться и исподволь обосновываться в средствах массовой информации, близких правительству[5].

Инициатива президента по созданию Совета Федерации была решительно осуждена Верховным Советом, а субъекты федерации не осмелились перечить его воле. Верховный Совет и его сторонники начали подготовку активного контрнаступления на исполнительную власть и особенно президента. В окружении Р.Хасбулатова в этих целях были подготовлены три новых нормативных акта — «О механизме вступления закона в действие после преодоления президентского вето», «Об уголовной ответственности высших должностных лиц за невыполнение законов Верховного Совета и постановлений Съезда», «Об уголовной ответственности за невыполнение постановлений Конституционного суда». Кроме того, председатель Комитета по конституционному законодательству, один из лидеров оппозиции В.Исаков подготовил пакет законов, по которым Верховный Совет получал право утверждать и освобождать от должности не только главу правительства, его заместителей, но и всех ведущих министров простым большинством голосов. Предполагалось также отстранить президента от руководства исполнительной властью.

Летом 1993 года Верховный Совет «похоронил» все законо-

нодательные предложения, направленные ему правительством, приостановил президентские указы о механизме приватизации, подготовил законы, отдающие под контроль законодательной власти средства массовой информации. Политическая линия Верховного Совета практически срослась с позицией коммунистических и державно-патриотических объединений и партий, и те стали все теснее сплачиваться вокруг законодательной власти, готовясь к ликвидации двоевластия уже в пользу Советов.

Гораздо большую активность стало проявлять коммунистическое движение. Во главе его выступала Российская коммунистическая партия, воссозданная в феврале 1993 г. Ее лидер Г.Зюганов выдвинул безотлагательную задачу смены общественно-политического курса страны. РКП несколько обновила свои принципы, но все же ее программа была гораздо консервативнее той, которая была принята КПСС на ее последнем съезде в июле 1990 г. РКП прямо обвиняла «Горбачева и его сообщников» в «предательстве Советской Родины, стран социалистического содружества и мирового коммунистического движения». Гайдаровские реформы характеризовались ею как «реставрирующие капитализм в его наиболее примитивных варварских формах». Партия выступала за восстановление государственного социализма, но главное, требовала возродить Россию как великую мировую державу, обладающую мощной армией и играющей роль лидера в мировой политике[6].

Державные мотивы РКП перекликались с позицией объединений национал-государственной ориентации, также готовившихся к решительной борьбе с президентом и его окружением. Фронт национального спасения на своем II конгрессе в июле потребовал ликвидировать пост президента и сформировать правительство национального спасения, подконтрольное Съезду народных депутатов.

Заметной стала активизация национал-радикальных групп и их боевых подразделений. Первый сигнал прозвучал во время демонстрации, организованной политической оппозицией 1 мая в Москве. Передние ряды демонстрантов сумели сломить выстроенные на их пути кордоны милиции и ОМОНа и дать сотрудникам правоохранительных органов настоящий бой. Власть потерпела явное поражение в «пробе сил» с боевыми дружинами оппозиции.

Среди боевых радикальных организаций выделялся Союз офицеров во главе с подполковником В.Тереховым. Излагая в

августе цели Союза, его председатель формулировал их с предельной откровенностью: «Нас часто упрекают в том, что мы используем по отношению к нашим противникам такие слова, как «оккупация», «оккупационный режим»... но как бы то ни было, этот термин предполагает войну, которую ведем мы, патриоты, которую ведет русский народ. Эту войну он ведет с врагом, противником, олицетворяемым режимом Ельцина, за которым стоит главный наш противник — атлантизм, «новый мировой порядок», Америка, по существу разрушившая СССР и сейчас добивающая остатки Великой России»[7].

Российский президент первым нанес удар по политическому противнику. В выступлении по телевидению 21 сентября он объявил о прекращении полномочий Съезда народных депутатов и Верховного Совета. Тогда же вступил в силу президентский Указ «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», ставший для краткости обозначаться просто как указ N 1400 (таким был его порядковый номер в ряду аналогичных актов президента). Он фактически вводил временное президентское правление и означал радикальную ломку всего существующего государственно-политического и конституционного строя.

В начале указа содержалась пространная мотивировка чрезвычайных и не предусмотренных Конституцией действий президента. Съезд и Верховный Совет обвинялись в прямом противодействии социально-экономическим реформам и воле избирателей, поскольку правительственный курс был одобрен на референдуме 25 апреля. Законодатели объявлялись виновниками паралича государственной власти. И поскольку в существующей Конституции не были предусмотрены пути выхода из тупика, президент вынужден был прибегнуть к чрезвычайным мерам.

Кризис предполагалось ликвидировать в течение двух с половиной месяцев, а главным средством его преодоления объявлялось народное волеизъявление. На 11-12 декабря 1993 года назначались выборы в Государственную Думу, которая должна была стать образцом российского парламентаризма и представлять новый корпус депутатов. К этому же сроку должна была быть завершена работа по подготовке новой российской Конституции. Депутатам распущенного Верховного Совета и Съезда народных депутатов предлагалось подключиться к работе над текстом нового Основного Закона. До начала работы нового российского парламента

страна должна была жить по указам президента и постановлениям Правительства Российской Федерации.

Верховный Совет, размещавшийся в Белом доме, первым со всей решительностью отказался подчиниться указу президента и приравнял его к государственному перевороту. Действуя энергично, он в ночь с 21 на 22 сентября привел к присяге в качестве Президента Российской Федерации вице-президента А.Руцкого. 22 сентября Верховный Совет постановил дополнить Уголовный кодекс РФ статьей, карающей антиконституционную деятельность, невыполнение его и Съезда решений и воспрепятствование его деятельности «вплоть до расстрела». В тот же день служба охраны Белого дома начала раздачу оружия гражданским лицам.

В течение десяти дней конфронтация между исполнительной и законодательной ветвями власти развивалась по нарастающей линии и с использованием разнообразных средств. Краткая их хроника выглядит следующим образом.

23 сентября в Белом доме начался десятый Съезд народных депутатов, одобривший политическую линию Верховного Совета. В тот же день президент России, явно желая внести раскол в ряды депутатов, издал Указ о социальных гарантиях для народных депутатов Российской Федерации, включавших право на трудоустройство в государственных структурах, высокое материальное вознаграждение, ряд иных льгот. В ночь с 23 на 24 сентября вооруженные сторонники Белого дома во главе с подполковником Тереховым предприняли неудачную попытку захватить штаб Объединенных вооруженных сил СНГ на Ленинградском проспекте, в результате чего пролилась первая кровь.

24 сентября Б.Ельцин на встрече с президентами стран СНГ заручился их поддержкой в поисках выхода из государственного кризиса. 27-28 сентября началась блокада Белого дома, окруженного нарядами милиции и ОМОН. 1 октября в результате начавшихся переговоров между представителями президента и Белого дома блокада была смягчена, но ее полное снятие связывалось Главой государства с сдачей оружия противоборствующей стороной. В следующие два дня переговоры зашли в тупик, а 3 октября Белый дом предпринял решительные действия по отстранению от власти Б.Ельцина и взятию ее в свои руки.

Вечером того дня вооруженные защитники Белого дома по призыву А.Руцкого и генерала А.Макашова штурмом взяли близлежащее здание московской мэрии и двинулись к студи-

ям Центрального телевидения в Останкино. В ночь с 3 на 4 октября у зданий телевидения и в них самих произошли кровавые стычки, телевизионные передачи прервались, но атаки отрядов Верховного Совета были отбиты. Указом президента Ельцина в Москве было введено чрезвычайное положение, в столицу начался ввод правительственных войск. Ельцин объявил действия Белого дома «вооруженным фашистско-коммунистическим мятежом».

Утром 4 октября правительственные войска начали осаду и танковый обстрел Белого дома. К вечеру того же дня он был взят, а его руководство во главе с Р.Хасбулатовым и А.Руцким арестовано. В тот же день в Москве был введен комендантский час, действовавший две недели, приостановлен выпуск оппозиционных правительству газет «Правда», «День», «Советская Россия», деятельность организаций, поддерживавших Белый дом (Фронт национального спасения, Российская коммунистическая рабочая партия, Народная партия «Свободная Россия»).

Трагические события конца сентября — начала октября, в ходе которых с обеих сторон погибло около 150 человек, были по разному восприняты и расценены различными силами и политическими течениями российского общества. Взаимоисключающие оценки были высказаны, с одной стороны, президентом и его сторонниками, а с другой, теми, кто поддерживал парламент.

Президентская сторона всю ответственность за кровавые события возложила на Верховный Совет и законодательную власть. Исторический смысл трагических событий в оценке сторонников президента заключался в крушении системы Советов и советской власти, которая после ухода с политической сцены КПСС оставалась последним оплотом тоталитаризма и главным барьером на пути либеральных экономических и демократических политических преобразований. Согласно их аргументации, президент избрал не только единственно возможный, но и демократический способ выхода из тупика во взаимоотношениях двух властей, когда своим указом N 1400 передал решение вопроса о государственно-конституционном устройстве России на всенародное голосование, назначенное на 11-12 декабря. Что касается законодателей, то отказавшись принять указ и обратившись к силовым методам сохранения советской Конституции и «всевластия Советов», они встали на защиту исключительно собственных корпоративных интересов, а отнюдь не общественного блага и законности.

К такой оценке была близка позиция политических деятелей стран Запада, поддерживавших действия российского президента на всех этапах его конфликта с законодательной властью. Типичным выражением мотивов западных стран, в первую очередь США, явилось суждение С.Тэлбота, советника президента Соединенных Штатов Б.Клинтона по российским делам: «Если смотреть на эти события абстрактно и вне контекста, то очень многие американцы, да и многие русские тоже, их никак бы не поддержали. В марте президент Ельцин фактически навязал парламенту референдум 25 апреля. 21 сентября он приостановил действие парламента, а также по существу и Конституции. Но то, что при обычных обстоятельствах вызвало бы протесты и возражения американцев, в конкретных условиях показалось им достойным поддержки... В обоих случаях в марте-апреле, а затем в сентябре-октябре президент Ельцин пошел прямо к народу. Он разрушал тупики, которые причиняли столько вреда правительству, но он разрушал их так, что все спорные положения выносились на прямой суд граждан России. Тупик марта-апреля был решен с помощью референдума. Тупик сентября-октября — с помощью выборов 12 декабря»[8].

Антипрезидентская сторона всю ответственность за трагические события возлагала на исполнительную власть и персонально на Б.Ельцина. Действия Белого дома и его защитников приравнивались ее представителями к подвигу, призванному спасти народившуюся в России систему разделения властей, конституционный строй, законность. В президентской политике они видели апофеоз целенаправленного утверждения авторитарного режима, призванного обслуживать интересы мафиозно-криминальных структур, коррумпированного чиновничества, компрадорской буржуазии, Международного валютного фонда. Самыми ярыми защитниками демократии советского типа выступали коммунисты и разнообразные державно-патриотические группы и течения.

Между пропрезидентской и антипрезидентской оценками событий конца сентября — начала октября разместились разнообразные промежуточные суждения. Часть наблюдателей, среди них такие известные в прошлом диссиденты, как А.Синявский, В.Максимов, П.Егидес, не отрицая консервативного характера Верховного Совета и Съезда, доказывали, что методы расправы, использованные в отношении них президентом, были преступными, а поэтому истинным виновником

трагедии был именно Б.Ельцин[9]. Другая, наиболее «срединная» оценка заключалась в том, что не на высоте оказались обе стороны конфликта, продемонстрировавшие отсутствие у них политической культуры и способности находить выходы из тупиков, достойные цивилизованных государств. Наконец, еще одна распространенная точка зрения, в целом оправдывавшая попытку президента найти выход из кризиса власти с помощью досрочных парламентских выборов, осуждала те методы, в первую очередь жестокое военное подавление сопротивления Белого дома, которые были использованы для устранения политического противника.

Драматическая развязка конфликта между исполнительной и законодательной властью сопровождалась активными шагами российского президента по закреплению своей победы. Серией указов Президент России фактически повсеместно прекратил деятельность органов советской власти. Через два года после роспуска КПСС была ликвидирована вторая политическая основа советского социалистического строя. Место прежней государственности должна была занять новая система, принципы которой закреплялись в проекте российской Конституции, доработанной президентской партией в течение октября и ноября. Согласно президентскому указу всеобщее голосование по проекту новой Конституции должно было состояться одновременно с выборами Федерального Собрания. Едва оправившись от октябрьского шока, российские политики обратились к активной подготовке к декабрьским выборам и референдуму.

IX

ДЕКАБРЬ 1993-го И ПОСЛЕ

Уже через несколько дней после подавления сопротивления Белого дома началось формирование политических блоков для участия в выборах в Федеральное Собрание. Блоки и политические партии сосредоточились на борьбе за депутатские места в его нижней палате, Государственной Думе, половина мест в которой разыгрывалась по мажоритарной системе (от каждого избирательного округа в парламент попадал победитель), а другая половина — по пропорциональной системе, означавшей распределение депутатских мандатов между партиями в зависимости от количества поданных за них голосов. Выборы в верхнюю палату, Совет Федерации, проводились на основе мажоритарной системы: от каждого избирательного округа, совпадавшего с территорией одного из субъектов Российской Федерации, мандаты получали два кандидата, сумевшие набрать наибольшее количество голосов избирателей.

Среди более десятка политических блоков и партий, заявивших о намерении бороться за депутатские места, под знаменем радикальных экономических реформ выступал блок «Выбор России». Его лидером стал сам Е.Гайдар, кроме него в руководстве оказались влиятельные члены кабинета министров А.Чубайс, А.Козырев, Б.Федоров, которым как и другим министрам, было предоставлено право баллотироваться в законодательный орган. В своей предвыборной кампании блок «Выбор России» отверг ставку на популистские обещания, провозгласив необходимость возобновления жесткого монетаристского курса, как основы основ финансовой стабилизации и главного условия возрождения экономической активности. В случае победы на выборах блок намеревался добиваться замены «умеренного» В.Черномырдина Гайдаром на посту премьер-министра.

Одной из главных неожиданностей предвыборной кампании явился разрыв с Гайдаром некоторых активных участников правительственной команды образца 1992 года, пожелавших связать себя с иными политическими объединениями. Двое из них, А.Шохин и С.Шахрай, создали собственную

Партию российского единства и согласия (ПРЕС), настаивавшую на необходимости корректив рыночных реформ. Новая партия заявила о поддержке умеренно-реформистских подходов премьер-министра Черномырдина, а своим политическим козырем избрала требования укрепления экономических прав и возможностей регионов, возрождения семьи, нации и государства как традиционно главных российских ценностей.

Еще один активный участник реформаторской команды Гайдара, С.Глазьев, в избирательной кампании выступил на стороне Демократической партии Н.Травкина. Теперь он считал ошибочной гайдаровскую шокотерапию, объявив ее главной причиной 30-процентного спада производства, галопирующей инфляции и двухкратного снижения уровня жизни населения[1]. Подобно Демократической партии, от гайдаровского курса дистанцировалось и Движение демократических реформ, лидер которого, Г.Попов, сам некогда сторонник радикальных экономических реформ, доказывал, что шокотерапия совершенно не соответствовала российским условиям и проводилась в угоду и по подсказке Международного валютного фонда. Для него самого оптимальным политическим течением теперь являлся центризм[2].

Несогласие с программой «Выбора России» декларировал еще один избирательный блок демократической ориентации — «Яблоко», название которого возникло из фамилий трех его создателей (Г.Явлинский, Ю.Болдырев, В.Лукин). В целом на реформаторско-демократическом фланге избирательной кампании наблюдался очевидный разброд, что впоследствии рассматривалось рядом наблюдателей как одна из причин политических неудач демократов.

На противоположном фланге избирательной кампании главными участниками оказались Российская коммунистическая партия, Аграрная партия и Либерально-демократическая партия. Общим знаменателем их платформ была державно-национальная позиция, подчеркивающая направляющую и мобилизующую роль мощного государства в социально-экономическом развитии и восстановлении России в качестве сверхдержавы на мировой арене. Были между партиями и различия. РКП по преимуществу ориентировалась на защиту интересов малообеспеченных городских слоев, а ее социальные лозунги воплощали идеологию «старых левых». Аграрная партия выражала интересы коллективных сельских товаропроизводителей. Самой же необычной среди трех партий оказалась Либерально-демократическая.

Ее критики в один голос заявляли о несоответствии названия партии ее программе и сущности, многие из них прямо называли ЛДПР «фашистской». Но ряд политологов, не соглашаясь с этим определением, указывали, что ЛДПР в отличие от классических фашистских партий не была привержена расизму, антисемитизму и тоталитарным лозунгам и что ей больше подходит определение «праворадикальная». Во время избирательной кампании ЛДПР запомнилась напористыми пропагандистскими выступлениями своего лидера В.Жириновского, носившими популистско-националистический характер. Это определение вполне может быть использовано и для характеристики позиции партии в целом.

Воспользовавшись правом партий покупать эфирное время в электронных средствах массовой информации, В.Жириновский использовал его в полной мере к выгоде ЛДПР. Лидер Либерально-демократической партии проявил редкую и уж, безусловно, отсутствовавшую у лидеров всех других российских партий способность эпатировать разные слои населения эмоциональными, сочными и одновременно простыми, понятными всем лозунгами и обещаниями. Рабочим, малообеспеченным слоям было дано обещание развивать высоко эффективную социально ориентированную систему хозяйствования. Интеллигенции обещано возрождение отечественной науки, культуры, образования. Молодежи — работа, образование, материальное благополучие, абсолютная свобода и плюрализм в реализации физических (сексуальных) и культурных потребностей. Вооруженным силам — возрождение «лучших традиций царской и советской армии», высокий престиж и материальная забота. Предпринимателям — снятие ограничений со всех видов экономической деятельности.

Особое значение в предвыборной пропаганде В.Жириновского приобрел национально-патриотической мотив. Лидер ЛДПР обещал восстановить попранное чувство национального достоинства россиян, заставить всех соседей вновь трепетать перед великой Россией. Главной целью своей внешней политики Жириновский объявил восстановление границ Российской империи. Многие внешнеполитические лозунги лидера ЛДПР, особенно высказанные в книге «Бросок на Юг», звучали как призыв к войне, подпадавший под статью 71 Уголовного кодекса Российской Федерации («Пропаганда войны, в какой бы форме она ни велась, наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет»). Однако, политичес-

кие соперники Жириновского, словно шокированные его националистической риторикой и восприимчивостью к ней масс, ни разу не попытались предъявить ему это обвинение.

Пропаганда Жириновского и ЛДПР была полна очевидными противоречиями. С одной стороны, лидер ЛДПР обещал покончить с вторжением западной массовой культуры в России и надежно защитить российские культурные традиции, но с другой стороны, он же обещал молодежи полную свободу усвоения поведенческих стандартов Запада. С одной стороны, Жириновский требовал утверждения в стране жесткого авторитарно-вождистского режима, но с другой стороны, он же обещал даровать наибольшие либеральные свободы и демократические права. Сам девиз Либерально-демократической партии — «Через плюрализм мнений к верховенству закона»[3] — можно было трактовать с взаимоисключающих позиций, подлаживать под любой политический вкус. Казалось бы, у российского избирателя должно было уже выработаться противоядие от подобной популистской риторики, но как показали итоги выборной кампании, податливость к ней масс ничуть не уменьшилась. Обжегшись о старые популистские лозунги, российские избиратели сохраняли высокую восприимчивость к новым.

Главной сенсацией декабрьских выборов 1993 года стало то, что в состязании партийных списков уверенную победу одержала Либерально-демократическая партия. В канун выборов аналитики газеты «Известия», поддерживавшей «Выбор России», прогнозировали, что ЛДПР сможет собрать «до 7% голосов избирателей»[4], но в действительности ее партийный список получил более 25 процентов. Либеральные демократы намного опередили занявший второе место «Выбор России». Правда, когда подсчитали голоса, отданные за кандидатов, баллотировавшихся в Государственную Думу на индивидуальной основе, и приплюсовали их к голосам, отданным за партийные списки, то обнаружилось, что ЛДПР лишилась своего преимущества и даже уступила первое место «Выбору России» (В его думской фракции оказалось 76 депутатов, а в фракции ЛДПР — 63). Но в общественном сознании в качестве главного итога и сенсации выборов стала именно победа партийного списка ЛДПР.

С точки зрения общего соотношения сил, сложившегося в Государственной Думе по результатам выборов, преимущество оказалось на стороне партий державно-национальной и коллективистской ориентации: фракция ЛДПР насчитывала

63 депутата, Аграрная партия — 55, Компартия — 45, «Российский путь» (лидер С.Бабурин) — 25. Среди фракций демократической ориентации «Выбор России» имел 76 мест, «Союз 12 декабря», отражавший интересы независимого предпринимательства, — 20 мест и блок «Яблоко» — 25 мест. В центре политического спектра оказались группа «Новая региональная политика» (сложилась уже после открытия заседаний Государственной Думы) — 65 мест, Партия российского единства и согласия — 30 мест и фракция «Женщины России» — 23 места.

Сторонники российского президента пытались сгладить впечатление от неудачи партий демократической ориентации тем, что на проводившемся одновременно с выборами в Федеральное Собрание референдуме был одобрен проект новой Российской Конституции. Сам Б.Ельцин считал главным итогом голосования 12 декабря именно принятие Высшего Закона страны.

Новая Конституция действительно существенно упрочивала позиции президента. Согласно ей, президент становился одновременно и главой государства и главой правительства. Он сосредоточивал в своих руках всю полноту исполнительной власти и, кроме того, наделялся существенными законодательными полномочиями. Так, президент получил право отлагательного вето в отношении решений Федерального Собрания, а для преодоления президентского вето в каждой из палат при повторном голосовании необходимо было собрать не менее двух третей голосов. Вероятность отмены президентского вето при таком условии в большинстве случаев практически равнялась нулю. Российский президент получил также право роспуска Государственной Думы в случае троекратного отклонения ею кандидатуры премьер-министра, предложенной президентом. В целом российская Конституция создавала государственную модель, в которой президент пользовался самыми большими прерогативами в сравнении с главами государств других известных миру президентских республик.

Российский президент не скрывал удовлетворения фактом принятия новой Конституции. Но не меньшее удовлетворение этим высказывал и главный политический оппонент демократов В.Жириновский. Лидер ЛДПР и его партия в отличие от коммунистов и большинства национал-патриотических организаций неизменно выступали в защиту новой Конституции и сильной президентской власти. Политический

расчет В.Жириновского заключался в том, что на следующих президентских выборах он мог стать главным претендентом на пост Главы государства, а в таком случае уже он и его партия извлекут главную выгоду от принятия Конституции.

В целом партии демократической ориентации и их лидеры должны были признать, что итоги голосования 12 декабря серьезно разошлись с их прогнозами и ожиданиями. При этом большинство среди них склонны были объяснять свои неудачи и успех оппозиции по преимуществу субъективными причинами.

Одной из таких причин называлась разобщенность партий и блоков демократической ориентации, не только не сумевших объединиться накануне выборов, но даже потративших много сил на оппонирование друг другу. Ряд демократов, однако, не согласился с этой трактовкой: например, лидеры блока «Яблоко» и Партии российского единства и согласия резонно замечали, что отказавшись от объединения с «Выбором России», они сумели сохранить для демократов голоса тех избирателей, которые разочаровались в радикальных реформах гайдаровского типа, но готовы были поддерживать альтернативные варианты рыночных реформ.

Другой причиной объявлялось умелое проведение избирательной кампании В.Жириновским, блестяще использовавшем возможности электронных средств массовой информации для воздействия на настроения избирателей. Этот фактор, безусловно, имел значение: на фоне маловыразительных, зачастую откровенно скучных выступлений демократов лидер ЛДПР выглядел колоритной сильной личностью, обладающей политической волей, что в глазах российских избирателей имело немаловажное значение. Но «феномен Жириновского» некоторыми его критиками, особенно теми, кто наделял лидера ЛДПР демонической силой, способностью «гипнотизировать» миллионы слушателей и зрителей, откровенно преувеличивался.

Наконец, еще одной причиной субъективного толка называлась прямая фальсификация результатов выборов консервативно настроенными членами избирательных комиссий. Наиболее последовательно данную трактовку развивал известный демократ, бывший диссидент К.Любарский[5]. Версия эта оказалась зеркальным отражением трактовки итогов апрельского референдума, которую давали тогда консерваторы: победу, одержанную президентской партией, они объясняли тем, что результаты голосования были фальсифициро-

ваны комиссиями по подсчету голосов. Впрочем и после декабрьских выборов консервативные политики доказывали, что их победа была бы еще более внушительной, если бы итоги голосования не были подтасованы в угоду «Выбору России».

Обратившись к всевозможным субъективным причинам своей неудачи на выборах, демократы, в первую очередь сторонники «Выбора России», преуменьшали или вообще не рассматривали ее объективные причины. Более того, даже после декабрьских выборов многие среди них склонны были настаивать на сугубо позитивных итогах двух лет радикальных экономических реформ в России, которые могли поэтому вызвать только симпатию среди населения. Один из идеологов «Выбора России», А.Илларионов, доказывал, что в 1992-1993 гг. не только не произошло падения жизненного уровня россиян, но даже наблюдался его неуклонный рост, выразившийся в существенном увеличении потребления практически всех продуктов питания, покупок автомобилей и загранпоездок[6]. Его единомышленники неизменно с гордостью объявляли об успешной массовой приватизации и твердо обещали окончательную победу капитализма в России в 1994 году. В свете подобной концепции триумфального шествия народного капитализма в России неудача демократических блоков и особенно «Выбора России» на декабрьских выборах действительно могла показаться не более, чем недоразумением, или результатом особого коварства политических противников.

Подобные «оптимистические» оценки итогов двух лет радикальных реформ, исходящие от их идеологов, серьезнейшим образом отличались от «пессимистических» оценок, которые появлялись не только в консервативных, но часто и в демократических средствах массовой информации, принадлежали не только противникам реформ, но также и их сторонникам, и независимым наблюдателям, в том числе многим ученым-экономистам. Главный вывод «пессимистических» оценок заключался в том, что россияне не выдерживают «цены», которую большинству из них пришлось заплатить за правительственные экономические реформы. И если опираться на эти оценки, то тогда следует признать, что именно непомерная для большинства общества социально-экономическая цена реформ стала главной причиной нарастания массового левого и правого радикализма, нашедшего выражение в успехах политических сил коммунистической и националистической ориентации во время выборов.

Многочисленные цифровые данные, приводившиеся на

рубеже 1993-1994 гг. в экспертизах авторитетных аналитиков[7], можно свести к нескольким основным обобщениям.

В 1993 г. в России продолжался неуклонный быстрый спад промышленного и сельскохозяйственного производства. Уровень промышленного производства составил к уровню 1990 г. 59,8 процента. В топливно-энергетическом комплексе он равнялся 81,2%, в машиностроительном комплексе 58,0, в пищевой промышленности 65,1, в легкой промышленности 46,7 процента. При этом наблюдалось свертывание инвестиций (их доля в валовом внутреннем продукте в 1993 г. снизилась до 8% против 17% в 1989-1990 гг.), примитивизация производства, откат многих отраслей к технологиям двадцатилетней давности. Наибольшим был спад именно в наукоемких производствах, оказавшихся на краю гибели. Правительство так и не смогло выработать сколько-нибудь эффективной промышленной политики, способной в условиях становления рыночных связей предотвратить латино-американизацию экономики.

Несмотря на приверженность правительства монетаристскому курсу, в России утвердилась стабильно высокая инфляция, составившая к концу 1993 г. вместо 3-5%, запланированных правительством, около 20%.

В России быстрыми темпами происходили поляризация бедности и богатства, размывание среднего класса, разрушение структур общественного потребления и социальных структур. Индекс Джини, которым мировая экономическая наука измеряет уровень неравенства, вырос в России за два года с 0,256 до 0,346. При этом согласно официальной статистике в 1993 г. 20% самых богатых россиян владели 43% совокупных денежных доходов, а 20% самых бедных — только 7%. Доходы 10% наиболее обеспеченных превышали доходы 10% наименее обеспеченных уже в 11 раз (в 92 г. в 8 раз, в 91 г. в 4,5 раза). А 4 процента супербогатых россиян имели доходы, примерно в 300 раз превышающие доходы низов. Не менее трети россиян по уровню жизни опустились ниже официальной, по сравнению с западными стандартами резко заниженной, черты бедности. По западным же стандартам ниже черты бедности жило большинство населения. Среднее сословие, составляющее в развитых странах не менее двух третей населения, в России сократилось до 10-15%. При этом из него практически были вымыты интеллигенция и квалифицированные рабочие, которые как раз составляют большинство среднего класса в странах Запада.

Проявления нараставшего разрыва между бедностью и

богатством становились все более многообразными. На стороне богатства укоренилось престижное потребление: российские нувориши, которые-то и стали символом «новых русских», обзаводились шикарными западными автомобилями, приобретали дорогостоящие особняки, в организации и проведении досуга достигли стандартов, характерных для сверхбогачей Запада. Широкоизвестными стали факты вывоза и размещения ими своих капиталов в западных банках: за один 1993 год их вклады за рубежом удвоились, достигнув 18 миллиардов долларов. Они активно приобретали недвижимость в странах Запада, посылали своих детей на учебу в лучшие зарубежные университеты, становились участниками элитарных аукционов антиквариата, произведений искусств, предметов роскоши.

Показатели бедности включали в себя резкое снижение большинством россиян потребления услуг, здравоохранения, образования, жилищного хозяйства. Рост цен на жилье сделал его для большинства россиян практически недоступным. Стоимость квартиры в Москве достигла 100 средних годовых зарплат (в Токио она равнялась 9,5 годового дохода, в Нью-Йорке — 6-8 и не превышала 14 средних годовых зарплат ни в одной из 52 стран, изучавшихся ООН). Резкое снижение жизненного уровня россиян стало главной причиной быстрого падения рождаемости: для средней семьи рождение ребенка становилось непозволительной «роскошью».

Деиндустриализация, резкое сокращение сфер науки, образования, культуры породили неуверенность в завтрашнем дне, страх потерять профессию и работу у десятков миллионов представителей рабочего класса и интеллигенции. Согласно исследованиям, впервые проведенным в России по международным нормам, общее количество безработных (полностью или частично) на конец ноября 1993 года составило 7,8 млн. человек или 10,4% экономически активного населения. (В последующем безработица нарастала, достигнув в феврале 1994 г. 10,2 млн. человек — 13,7% экономически активного населения России).

Острые социально-экономические проблемы и контрасты составили в совокупности «социальную цену» радикальных реформ, оказавших непосредственное влияние на поведение российских избирателей во время декабрьских выборов. При анализе и оценке этого поведения одним из важных, требующих объяснения вопросов оказалось соотношение его с итогами апрельского референдума, когда россияне все же выска-

зали поддержку социально-экономическому курсу президента, а следовательно, той политике, защитником которой в декабре был блок «Выбор России».

Одно из главных объяснений изменения политической ориентации значительной части россиян заключается, очевидно, в том, что в декабре они оказались перед лицом качественно новой альтернативы. В апреле они стояли перед выбором из «двух зол»: меньшим в их глазах оказалась политика Б.Ельцина и его окружения, заключавшая при всей ее высокой «социальной цене» все же надежду на продвижение общества вперед, а большим — архиконсервативная бездеятельная позиция Верховного Совета во главе с Хасбулатовым, не сулившая ничего, кроме реставрации старого строя. Но в результате октябрьских событий «большее зло» было устранено с политической арены. В декабре многие россияне сочли возможным поэтому «наказать» меньшее зло в лице «Выбора России», отдав при этом большую часть голосов Либерально-демократической партии, политическая альтернатива которой на практике еще не была испытана и обладала способностью внушать некоторые надежды.

Декабрьские выборы серьезно изменили расстановку политических сил в России и обозначили новую перспективу ее общественного развития. Их главный итог — несостоявшиеся надежды президента и его окружения на закрепление апрельской и октябрьской побед, с одной стороны, и усиление популярности оппозиции, с другой — подвинули правительство, исполнительную власть и главу государства к серьезным корректировкам своего курса. В намерениях правительства все более ощущалось стремление к отказу от гайдаровской модели радикальных рыночных реформ и к поиску нового, более умеренного варианта.

Первым признаком изменения курса правительства стал выход из него в январе 1994 года Е.Гайдара и Б.Федорова, главных защитников монетаристской модели экономических реформ. После этого из радикальных реформаторов в правительстве остался только А.Чубайс, продолжавший отвечать за приватизацию. Само правительство приобрело коалиционный характер: в нем были представлены Партия российского единства и согласия, аграрная и промышленная фракции, «Выбор России», причем удельный вес последнего в правительстве оказался даже меньше, чем в парламенте.

Обновление правительственного курса проявилось и в первом ежегодном послании российского президента парла-

менту. Этот важный документ уже самим своим названием «Об укреплении Российского государства (основные направления внутренней и внешней политики)» бросал вызов либеральной идеологии. Провозгласив приверженность курсу на реформы, глава государства объявил важнейшими задачами следующего этапа повышение инвестиционной активности, структурную перестройку, создание конкурентной среды и формирование полноценного фондового рынка. Во всех этих сферах направляющую роль призвано было играть государство. Основополагающие в послании цели создания в России «правового» и «социального государства» соответствовали в большей степени не либерально капиталистической, а социал-демократической идеологии. Одной из главных задач провозглашась новая региональная политика, означавшая расширение самостоятельности субъектов Российской Федерации в осуществлении экономических реформ.

Дальнейшие шаги исполнительной власти показали, что отвергнув модель шокотерапии и преимущественную ориентацию на монетаристские методы, она не была готова предложить собственную модель реформ. Скорее правительство, в котором резко укрепилось влияние премьера В.Черномырдина, ориентировалось на поиск в рамках новой экономической реальности сугубо прагматического курса, который позволил бы находить более менее безопасный проход между Сциллой гиперинфляции и Харибдой промышленного краха. Правительство обещало бороться с инфляцией, но не любой ценой, а такой, которая позволяла бы кредитовать производство, сокращая его спад. В области кредитования предполагался строго селективный подход: экономическая помощь должна была предоставляться только тем товаропроизводителям, которые гарантировали эффективную отдачу обществу.

Еще одной чертой правительственной политики, придавшей ей «центристский» характер, стало стремление к поиску компромиссов и взаимопонимания с Федеральным Собранием, заключению своеобразного пакта о гражданском мире между различными политическими и социальными силами общества. В марте Б.Ельцин выступил с инициативой подписания основными политическими силами соответствующего документа.

Корректировки правительственного курса и политической линии президента вызвали неоднозначную реакцию со стороны законодательной власти и различных ее фракций. С одной стороны, они не выказывали открытой оппозиции

правительству Черномырдина, а с другой, не демонстрировали и действенной поддержки его мероприятий. Не проявляли они особого интереса и к законодательной деятельности. Постепенно выяснилось, что законодатели озабочены в первую очередь собственными корпоративными и политическими интересами. Фракции Государственной Думы все более активно использовали ее трибуну преимущественно для пропаганды своих политических взглядов и погрузились в партийное строительство, имея в виду в качестве главной цели очередные президентские выборы, для российской политики в свете ее новой Конституции гораздо более важные, нежели выборы законодательной власти.

Первый оппозиционный выпад Государственной Думы против президента имел ярко выраженный политический характер. 23 февраля Дума приняла постановление, объявлявшее амнистию лицам, находящимся под следствием или содержащимся под стражей в связи с событиями 19—21 августа 1991 года, 1 мая 1993 года, 21 сентября — 4 октября 1993 года. Генеральный прокурор России А.Казанник без промедления выполнил волю Думы. Президентскую же сторону постановление Думы застало явно врасплох и ей не оставалось ничего иного, как проглотить горькую парламентскую «пилюлю».

Вслед за тем и явно в пику инициативе президента о заключении национального гражданского мира под его патронажем оппозиция объявила о создании движения «Согласие во имя России». Имена его учредителей — А.Руцкой, А.Лукьянов, В.Зорькин, А.Тулеев, Г.Зюганов, С.Бабурин, С.Говорухин — свидетельствовали о намерении организовать максимально широкое оппозиционное течение под флагом национального согласия.

В конце апреля президенту, правительству и их сторонникам все же удалось склонить подавляющее большинство политических и общественных организаций России к заключению и подписанию Договора об общественном согласии. Договор заключался на два года, то есть фактически до следующих президентских и парламентских выборов, что дало правительству реальный шанс на продолжение реформаторского курса, проведение крупных экономических и социальных мероприятий.

Одно из главных, принципиально важных для президента и его сторонников положений Договора состояло в провозглашении гражданского мира, который получал очень конкрет-

ное выражение: участники взяли на себя обязательство не инициировать политических кампаний с целью проведения досрочных, не предусмотренных Конституцией, выборов федеральных органов власти, профсоюзы и их объединения обещали не проводить и не участвовать в организации забастовок в целях, не имеющих непосредственного отношения к вопросам заработной платы (это накладывало мораторий на все политические и большинство экономических забастовок), наконец, государственные хозяйственные органы, объединения товаропроизводителей и предпринимателей обязались использовать все возможные согласительные процедуры для предотвращения остановок производственной деятельности.

Государственные органы, в первую очередь исполнительная власть, со своей стороны брали ряд обязательств, сформулированных в весьма общих выражениях. Главными были обещания «снизить уровень инфляции и контролировать ее», «добиться повышения инвестиционной активности и создать предпосылки для экономического подъема», «развернуть структурную перестройку экономики, имея в виду преодоление структурных деформаций», «принять меры по ликвидации бюджетной задолженности по выплате заработной платы», «проводить активную социальную политику, направленную на стабилизацию и последующее повышение жизненного уровня». Федеральное Собрание, руководители которого В.Шумейко и И.Рыбкин проявили готовность к самому тесному сотрудничеству с президентской стороной, обещало поддержку правительству в принятии закона о бюджете на 1994 г., а также гражданского и земельного кодекса, законов о банковской деятельности, рынке ценных бумаг, прожиточном минимуме.

Вскоре после заключения Договора об общественном согласии выяснилось, что президент, правительство и их сторонники намеревались использовать двухгодичную политическую «передышку» для начала нового этапа экономических и социальных реформ. Стратегическая цель этого плана очевидна: в случае его успеха у Б.Ельцина, В.Черномырдина, их окружения в целом, появляются шансы на удержание власти во время президентских и парламентских выборов 1996-го года.

Представители «мозгового центра» российского президента и он сам заявили о явной недостаточности монетаристского подхода к реформированию российской экономики и выдвинули серию законодательных мер, преследующих цель даль-

нейших преобразований «сверху» экономического механизма. В течение лета было издано более десяти президентских указов, направленных на ускорение создания новой модели российской экономики.

Радикальную окраску имели указы о реформе госпредприятий и продаже должников. При этом продажа предприятий-должников должна осуществляться исключительно на коммерческих конкурсах без ограничения состава участников (включая физических лиц и иностранных покупателей). Указ об отмене с 1 июля 1994 г. квотирования и лицензирования товаров и услуг, поставляемых на экспорт, означал прорыв в либерализации внешней торговли и призван создать мощный стимул для предприятий, конкурентоспособных на мировом рынке. Указ, касающийся налоговой сферы, предполагал уменьшение общего количества налогов и снижение уровня налогов на прибыль и добавочную стоимость на 10—20 процентов. Правительство выказало намерение идти не по пути увеличения налоговых ставок, а по пути резкого ужесточения контроля за их поступлением.

Особое значение имело решение исполнительной власти о переходе с 1 июля 1994 года ко второму этапу приватизации. Стратеги реформаторского курса должны были признать, что ваучерная приватизация не привела к оживлению промышленности, не создала среднего класса и практически ничего не дала бюджету. В отличие от первого «распределительного» этапа второй этап приватизации предполагает открытую продажу всех акций предприятий по рыночной стоимости. Надежды реформаторов связаны с тем, что в этом случае приватизируемые предприятия приобретут подлинных хозяев, а государственная казна получит серьезный реальный доход.

Среди социальных мер правительства значились президентские указы о жилищных кредитах, о достройке незавершенных жилых домов, о защите прав потребителей. Президент поставил перед исполнительной властью задачу регулярного повышения минимальной заработной платы, доходов работников бюджетной сферы, пенсий, пособий и стипендий и увеличения налоговой «нагрузки» на наиболее состоятельную часть населения. Было декларировано намерение разработать и приступить к реализации во второй половине 1994 года Национальной программы борьбы с бедностью.

Теоретически новая реформаторская программа исполнительной власти создает перспективу углубления рыночных

отношений в России и упрочения систем социальной защиты населения. Но очевидны и серьезные препятствия, стоящие на пути ее практической реализации. Так, например, указы о прекращении дотаций убыточным предприятиям и продаже предприятий-должников стали приниматься в стране с 1988-го года, но в течение шести лет ни Горбачеву, ни Ельцину так и не удалось сдвинуть решение проблемы с мертвой точки. Начиная с 1992 года радикальные реформаторы декларировали намерение разработать и реализовать государственную программу структурных реформ в промышленности, но в развитии последней продолжала господствовать стихия, порождающая деиндустриализацию и разрушающая наукоемкие производства. Правительство обнаружило бессилие в решении проблемы взаимных неплатежей предприятий. На бумаге остались многие его социальные программы.

Свои прежние неудачи правительство и его сторонники объясняли не только собственными просчетами, но и прежде всего сопротивлением реформам со стороны законодательных органов и поддерживавших их сил. Договор об общественном согласии весны 1994 года в свете такого объяснения устранил главное препятствие на пути позитивной реформаторской деятельности российской власти. Ближайшие полтора-два года должны показать, сможет ли она использовать благоприятные политические условия в интересах общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная история России уже сегодня может быть расценена как один из самых драматических периодов ее развития, сравнимых с наиболее крутыми переходными эпохами. Содержание ее и смысл будут предметом пристального внимания и острых дискуссий многих поколений исследователей. Время высветит новые, ныне еще потаенные, оттенки, тенденции, сущностные характеристики современных нам событий, расширит возможности более глубокого и всестороннего понимания исторической эпохи, в которой мы, ее современники, являемся действующими, а посему заинтересованными в том или ином повороте событий, лицами.

Будущее выставит нашему времени наиболее точные оценки. Но и сегодня есть основания для определенных обобщений и заключений относительно характера и направленности самой новейшей переломной эпохи российской истории. Ее возникновение было обусловлено и подготовлено предшествующими историческими коллизиями, главной среди которых было длительное жесткое соперничество двух мировых общественных систем — реального социализма во главе с СССР и либерального капитализма во главе с США. Превосходство, продемонстрированное западной цивилизацией по основным показателям, которыми определяются благополучие и прогресс общества, как и неспособность СССР обеспечивать поступательное развитие на прежней своей основе, предопределили обращение советского руководства во главе с Горбачевым в середине 1980-х годов к экономическим и социально-политическим реформам. Советское общество вступило на путь модернизации, которая на сегодняшний день прошла уже три крупных драматических этапа. Соответственно можно говорить о том, что в России в течение девяти лет были испытаны три модели модернизации.

На первом этапе была использована во многом традиционная модель командно-административных методов «ускорения» социалистического развития, не затрагивавшая основ советского строя. Она не только не дала позитивных резуль-

татов, но во многом усугубила экономические и социальные проблемы СССР. Преобразования первого этапа — приоритетное развитие машиностроения, компьютеризация школ, антиалкогольная кампания, принятие Закона о трудовых коллективах и другие — очень быстро обнаружили свой утопизм.

С 1987 года Горбачев и его окружение переходят к новой стратегии реформ, в центре которой находилась политическая демократизация. Ее замысел заключался в отстранении от власти партийных консерваторов и замене командно-административного социализма своего рода советской моделью демократического социализма, которая призвана была раскрепостить экономические и социальные потенции общества. Среди многообразных политических реформ второго этапа выделялось введение альтернативных выборов депутатов Советов всех уровней. Среди экономических реформ на первом плане было введение хозрасчетного, или товарно-рыночного, социализма.

Новая стратегия дала результаты, противоположные замыслам ее создателей и совершенно непредвиденные ими. Экономические реформы провалились, зато политическая демократизация не только укоренилась, но и приобрела собственную, неподвластную Горбачеву инерцию. На ее волне в течение двух-трех лет оформились политический плюрализм, многопартийность, начало зарождаться гражданское общество и разделение властей. Стремительная политическая демократизация советского общества, вобравшая в себя многие либерально-демократические образцы, которые несмотря на все перипетии и потрясения сохраняются в России и по сегодняшний день, может рассматриваться как одна из главных исторических сенсаций XX века. Ее размаха и напора не выдержали не только командно-административная система и консерваторы, но и социалистический строй, как и коммунистический режим в целом. Последней жертвой мирной политической революции, выросшей из политических реформ Горбачева, стал сам архитектор перестройки.

С крахом СССР и коммунистического режима в России начался третий этап модернизации. Пришедшие к власти радикалы во главе с Ельциным выдвинули программу либеральных экономических реформ, воспринятую обществом, как модель «шокотерапии». Применение этой модели было в значительной мере естественной реакцией на экономические реформы Горбачева, провал которых объяснялся радикала-

ми, да и массовым сознанием несостоятельностью стратегии эволюционной «перестройки» огосударствленной экономики. По логике радикалов ее можно было только стремительно демонтировать или сломать, утверждая без промедления рыночно-капиталистические механизмы. Эта модель модернизации была апробирована в 1992—93 гг.

Радикально-либеральная модернизация сопровождалась противоречивыми и драматическими последствиями. С одной стороны, в России было введено свободное ценообразование, либерализована торговля, начался процесс массовой приватизации. Создание рыночных отношений сдвинулось с мертвой точки. Возник мощный слой бизнесменов, а предпринимательский менталитет стал неотъемлемой чертой массового сознания. С другой стороны, за «шоковый» вариант введения рыночных отношений была заплачена очень высокая экономическая и социальная цена. Многие отрасли промышленности, не сумев сориентироваться в рыночной стихии, оказались перед угрозой распада. Реальностью стал процесс деиндустриализации. Острый кризис государственного бюджета нанес сокрушительный удар по образованию, науке, культуре, медицине, другим жизненноважным сферам цивилизованного общества. Либерализация экономики в сочетании с ликвидацией государственных распределительных и контрольных механизмов резко усилила неравенство в распределении национального дохода, и Россия превратилась в общество социальных контрастов. Уже к концу 1992 года обнаружил свой утопизм и потерпел поражение стратегический замысел радикального движения 1989—1991 гг., который предполагал проведение быстрых и масштабных рыночных реформ без ухудшения положения народных масс и столь же быстрое и безболезненное создание гражданского общества и демократических институтов.

К 1994 году процесс российской модернизации вновь столкнулся с необходимостью смены ориентиров и выбора новой модели. Среди различных социальных и политических сил общества развернулись острые дискуссии и борьба по вопросу о путях дальнейшего развития. Наибольшую популярность приобрели две концепции. Одна стала обозначаться как «консервативный либерализм»: она зиждится на идее поэтапного и эволюционного освоения уже воспринятых российским обществом образцов гражданского общества, рынка, частной собственности, разделения властей, прав человека. При этом они должны сочетаться с органическими характеристиками российской ци-

вилизации. Другую концепцию можно определить как национал-государственную: среди всех общественных интересов и мотивов она объявляет приоритетным и господствующим национальный и подчеркивает направляющую и мобилизующую роль мощного государства в проведении социально-экономической политики и восстановлении России в качестве сверхдержавы на мировой арене.

В соотношении сил сторонников разных путей дальнейшего развития российского общества сложилось своеобразное равновесие. В сочетании с экономической и социальной нестабильностью это является основой сохранения высокой степени альтернативности в российском политическом процессе, возможности воплощения в нем различных вариантов — от демократического до авторитарно-вождистского.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. 1985-й — «БОЛЬШЕ СОЦИАЛИЗМА!»

[1] Материалы внеочередного пленума Центрального Комитета КПСС. 11 марта 1985 года. Москва, 1985, с. 6,7,8.

[2] «The New York Times», June 17, 1985, p. 47.

[3] Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987, с. 18.

[4] Там же, с. 19.

[5] «Правда», 1 декабря 1990.

[6] «Правда», 15 апреля 1985.

[7] «Правда», 27 февраля 1986.

[8] «The Washington Post», March 8, 1987.

[9] «Правда», 2 августа 1986.

[10] Горбачев М.С. Указ.соч., с. 51.

[11] «Правда», 13 марта 1987.

[12] «Правда», 6 ноября 1986.

[13] «Правда», 26 января 1986; 18 января 1987.

[14] Goldman M.I. What Went Wrong With Perestroika. New York — London, 1992, p. 131.

[15] «Правда», 19 февраля 1988.

[16] Goldman M.I. Op.cit., p. 134.

[17] Горбачев М.С. Я не знаю счастливых реформаторов. — «Свободная мысль», 1993, N 11, с. 124.

[18] Goldman M.I. Op.cit., p. 85-91.

[19] Aganbegyan A. Inside Perestroika: The Future of Soviet Economy. N.Y., 1989, p. 106,221.

[20] «Коммунист», 1987, N 5-9.

[21] Гайдар Е. Курсом оздоровления. — «Коммунист», 1988, N 2.

[22] «Аргументы и факты», 28 ноября 1987.

II. «БОЛЬШЕ ДЕМОКРАТИИ!»

[1] Смирнов Г. Революционная суть перестройки. — «Правда», 13 марта 1987.

[2] Самый худший внутренний враг. М., 1987.

[3] «Московская правда», 7 мая 1987.

[4] «Правда», 20-21 января 1987.

[5] Клямкин И. Какая улица ведет к храму. — «Новый мир», 1987, N 11.

[6] «Литературная газета», 26 октября 1988; «Правда», 31 июля 1988.

[7] «Правда», 20 мая 1987.

[8] «Советская культура», 21 июня 1987.

[9] Попкова Л. Где пышнее пироги. — «Новый мир», 1987, N 5, с. 239.
[10] Cook L.J. Brezhnev's «Social Contract» and Gorbachev's Reforms. — Soviet Studies, 1992, N 1, p. 37-56.
[11] «Правда», 3 октября 1988.
[12] «Правда», 18 июля 1987.
[13] Бурлацкий Ф. О советском парламентаризме. «Литературная газета», 15 июня 1988.
[14] «Правда», 11 ноября 1987.
[15] Попов Г. Какая перестройка нам нужна. — «Московские новости», 20 декабря 1987.
[16] Laqueur W. The Long Road to Freedom. Russia and Glasnost. N.Y., 1989, p. 138-139.
[17] Aage H. Popular Attitudes and Perestroika. — Soviet Studies, 1991, N 1, p. 3-25.

III. НА СЦЕНУ ВЫХОДЯТ РАДИКАЛЫ

[1] «Правда», 26 ноября 1988; там же, 8 января 1989; там же, 18 февраля 1989.
[2] «Вестник народного фронта», 1988 N 5.
[3] «Комсомольская правда», 21 ноября 1988.
[4] «Правда», 27 апреля 1989.
[5] «Известия», 29 мая 1989.
[6] «Известия», 2 июня 1989.
[7] «Хроника», 1990, N 28.
[8] Мурашов А. Межрегиональная депутатская группа. — «Огонек», 1990, N 32.
[9] «Известия», 13 декабря 1989.
[10] Там же.
[11] «Правда», 26 ноября 1989.
[12] Создан избирательный блок «Демократическая Россия. — «Огонек», 1990, N 6.
[13] «Правда», 4 февраля 1990; 5 февраля 1990.
[14] «Известия», 16 марта 1990.
[15] «Аргументы и факты», 1990, N 29.
[16] Обращение оргкомитета по созданию движения «Демократическая Россия». — «Огонек», 1990, N 38.
[17] «Коммерсантъ», 18 мая 1990.
[18] «Литературная газета», 1990, N 19; см. также его интервью: «Аргументы и факты», 1990, N 20; «Калининградская правда», 7 июля 1990.
[19] «Литературная газета», 1990, N 20.
[20] Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень ВЦИОМ. 1993, N 6, с. 14.

IV. ЦЕНТРИЗМ ПО ГОРБАЧЕВУ: ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

[1] «Правда», 1 марта 1991.
[2] Ortung R.W. The Russian Right and the Dilemmas of Party Organization. — «Soviet Studies«, 1992, N 3, p. 456-462.

[3] «Литературная газета», 1990, N 26.

[4] «Правда», 6 августа 1990; там же, 10 октября 1990; там же, 15 декабря 1990; там же, 6 марта 1991.

[5] Сергеев А. Мы с Лениным, а Вы? — «Родина», 1990, N 5, с. 69; «Правда», 8 июля 1990; «Независимая газета», 2 февраля 1991.

[6] «Литературная Россия», 1990, N 52.

[7] «Литературная Россия», 1990, NN 45, 48; «Московский комсомолец», 2 декабря 1990; «Правда», 26 марта 1991; там же, 22 апреля 1991.

[8] «Правда», 3 июня 1990.

[9] «Правда», 15 июля 1990.

[10] «Аргументы и факты», 1990, N 42.

[11] «Правда», 16 ноября 1990.

[12] «Правда», 23 января 1991.

[12] «Литературная газета», 1991, N 4.

[14] «Комсомольская правда», 22 января 1991.

[15] «Литературная газета», 10 апреля 1991.

[16] «Правда», 10 июня 1991.

[17] Urban M.E. Boris Eltsin, Democratic Russia and the Campaign for the Russian Presidency. - Soviet Studies, 1992, N 2, p. 187-207.

V. АВГУСТ 1991-го: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

[1] «Аргументы и факты», 1991, N 30.

[2] Там же, 1991, N 29.

[2] «Известия», 13 августа 1992.

[4] «Коммерсантъ», 1991, N 4.

[5] «Известия», 3 декабря 1991; 4 декабря 1991; 9 декабря 1991.

[6] Там же, 27 декабря 1991.

[7] «Советская культура», 12 января 1991.

[8] «Правда», 5 апреля 1991.

[9] «Огонек», 1991, N 52, с. 12.

[10] «Известия», 31 декабря 1991; «Литературная газета», 4 декабря 1991; «Московские новости», 22 декабря 1991.

[11] Мирзоян Б. Нужно было понять общество... Читая Горбачева. — «Собрание Независимой газеты», 1991, N 2.

[12] См., например: Буртин Ю. Горбачев. Политический портрет. — «Независимая газета», 17 января 1991.

[12] См., например: Баткин Л. Три дня двух президентов. — «Литературная газета», 16 октября 1991.

VI. НОВЫЙ КУРС РОССИИ: ГОД ГАЙДАРА

[1] «Родина», 1990, N 5, стр. 8.

[2] Выражая эту точку зрения, доктор юридических наук В.Даниленко, например, категорически утверждал: «По сути, августовская революция изначально имела буржуазно-демократический характер». См.: Даниленко В. Год после августа. «Известия», 17 августа 1992.

[3] «Литературная газета», 1989, N 49; «Огонек», 1990, N 50, 51; «Известия», 29 июня 1990; «Аргументы и факты». 1991, N 22, 29.

[4] «Известия», 7 октября 1991.

[5] «Известия», 28 ноября 1991.

[6] См., например: Гайдар Е. В начале новой фазы. — «Коммунист», 1991, N 2.

[7] О модели Сакса см. в статье американского либерального экономиста И.Бирмана «В капитализм одним прыжком». — «Демократическая Россия», 26 апреля 1991.

[8] «Известия», 8 апреля 1993.

[9] «Известия», 28 сентября 1992.

[10] «Известия», 6 октября 1992.

[11] «Аргументы и факты», 1992, N 42.

[12] Накануне съезда — «Экономическая газета», 1992, N 45.

[13] Социально-экономическое положение и развитие экономических реформ в Российской федерации в январе-сентябре 1992 года. — «Экономическая газета», 1992, N 45.

[14] «Известия», 1 декабря 1992.

[15] «Независимая газета», 23 января 1992.

[16] Социально-демографическая ситуация в России 1992 и 1993 гг. Доклад Института социально-экономических проблем народонаселения Российской Академии Наук. М., октябрь 1993, с. 2-3.

[17] См. например, данные социологических опросов, публиковавшихся в «Известиях»; 27 июля, 31 июля, 3 августа, 17 августа, 24 августа 1992 г.

VII. ОППОЗИЦИЯ: ЛЕВАЯ, ПРАВАЯ ГДЕ СТОРОНА?

[1] Медведев Р. Не вопрос тактики, а приверженность идеалам определяет цели Социалистической партии трудящихся. — «Правда», 17 декабря 1991 г.

[2] «Солидарность», 1991, N 17.

[3] «Аргументы и факты», 1992, N 36.

[4] «Правда», 31 декабря 1991.

[5] Лимонов Э. Национал-большевизм. — «Завтра», февраль 1994, N 6.

[6] Аксючиц В. В плену новых утопий. Размышления лидера российских христианских демократов. — «Независимая газета», 23 октября 1992.

[7] «Аргументы и факты», 1991, N 43.

[8] «Московский комсомолец», 22 февраля 1992.

[9] Минкин А. Руслан Хасбулатов: баре сердятся. — «Новое русское слово», 4-5 июля 1992.

[10] «Московский обозреватель», 1993, N 49, с. 4.

[11] «Правда», 9 декабря 1991; «Известия», 14 октября 1991.

[12] Адамович А. Хуже социализма могут быть только его развалины. — «Известия», 24 июля 1992.

[13] Тимофеев Л. Большая растрата. Об уроках политического поражения демократов. «Известия», 26 февраля 1993.

[14] Кузичева А. «Люди Чехова» обречены на исчезновение. «Известия», 10 ноября 1992.

[15] Власов Ю. Дьяволы восходят к власти. «Правда», 6 августа 1993.

VIII. ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ ПРОТИВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ

[1] О финансово-экономической политике России в 1993 году. — «Известия», 27 января 1993.

[2] «Известия», 12 февраля 1993.

[3] «Известия», 16 марта 1993.

[4] Бурбулис Г., Радзиховский Л. Даже слабая демократия сильнее коммунистической диктатуры. «Известия», 4 сентября 1993.

[5] См., например, статью «При роспуске парламента во многих странах за президентом остается решающее слово« — «Известия», 31 августа 1993.

[6] «Советская Россия», 2 марта 1993.

[7] «День», 1-7 августа 1993.

[8] «Что скажет Билл Клинтон Борису Ельцину, когда приедет в Россию». «Известия», 21 октября 1993.

[9] «Независимая газета», 13 октября 1993, 16 октября 1993.

IX. ДЕКАБРЬ 1993-го И ПОСЛЕ

[1] Глазьев С. Уроки либерализации в России. «Сегодня», 30 ноября 1993.

[2] Попов Г. Третья модель. Об идее реформаторской центристской коалиции. «Независимая газета», 25 февраля 1994.

[3] Либерал. Издание Либерально-демократической партии. 1992, N 10.

[4] «Известия», 28 октября 1993.

[5] Любарский К. Фальсификация, «Новое время», 1994, N 7, с. 4-11.

[6] Илларионов А. Падение уровня жизни: миф или реальность? «Известия», 17 февраля 1994.

[7] Лифшиц А. Экономическая ситуация в России. «Независимая газета», 23 декабря 1993; Еще раз об итогах «шоковой терапии». Из доклада отделения экономики РАН и международного фонда «Реформа» «Социально-экономические преобразования в России: современная ситуация» — «Независимая газета», 3 февраля 1994; Хубулава Н. Мы и наши доходы. «Аргументы и факты», 1993, N 44; Интервью с Г.Меликьяном. «Аргументы и факты», 1993, N 47; Неравенство в России: коэффициент Джини растет. «Известия», 17 февраля 1994; Промышленный спад набирает скорость. «Финансовые известия», 1994, N 7; Делягин М. Безработица в России угрожающе растет. «Финансовые известия», 1994, N 12.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Согрин В.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. 1985—1994: ОТ ГОРБАЧЕВА ДО ЕЛЬЦИНА

Редактор А. П. Фоменко
Оператор В. И. Котова
Худ. редактор В. К. Кузнецов
Технический редактор

ЛР-№ 070632. Подписано в печать 26.09.94 г.
Печать офсетная. Усл. печ. л. Уч-изд. л. Тираж 10 000 экз.
ТОО «Прогресс-Академия»

121857, Москва, ГСП-2, Бережковская наб., 24

PRINTED AND BOUND IN GERMANY

В. Согрин

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Владимир Викторович Согрин, доктор исторических наук, профессор. Автор работ по политической истории и истории общественной мысли, общим проблемам истории и политологии. Главный редактор журнала «Общественные науки и современность» Российской Академии наук. Руководитель исследовательского центра Института всеобщей истории РАН.

В основу настоящей книги положен лекционный курс, прочитанный автором в Московском государственном университете, Колумбийском и Пенсильванском университетах США.

«ПРОГРЕСС-АКАДЕМИЯ»